ПРОВ. 19

Н. А. Владимірскій.

ВК
В-57.

ЛОГИКА.

КУРСЪ ГИМНАЗИЧЕСКІЙ.

(Съ приложеніемъ критическихъ замѣтокъ и разсужденій по нѣкоторымъ вопросамъ логики и гносеологіи).

КАЗАНЬ.
Типо-Лит Т-ва Д-ма „В Еремѣевъ и А Шашабринъ"

Пров 38-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее десятилѣтіе наша литература руководствъ по логикѣ, кромѣ переводовъ, значительно пополнилась и оригинальными трудами. Къ извѣстнымъ учебникамъ Владиславлева, Свѣтилина, Троицкаго, Струве, Ланге и др. прибавились еще руководства гг. Челпанова, Введенскаго (два курса: университетскій и гимназическій), Ягодинскаго, Продана, Городецкаго. Тѣмъ не менѣе, выпуская въ свѣтъ свою книгу, имѣемъ смѣлость предполагать, что и она не будетъ излишней.

Книга наша раздѣляется на двѣ части. Первая можетъ служить учебникомъ логики для гимназій. Здѣсь изложено все, наиболѣе существенное въ логическомъ ученіи; выпущены лишь нѣкоторыя подробности, не представляющія особеннаго значенія въ курсѣ, предназначаемомъ, для среднихъ учебныхъ заведеній (напр., логическій квадратъ, древо Порфирія и т. п.). Зато другіе отдѣлы этой части изложены съ особенной обстоятельностью, имѣющей цѣлью не взваливать на самодѣятельность учащихся того, что собственно долженъ сдѣлать для нихъ учебникъ. Такъ, напр., въ нашемъ учебникѣ въ первый разъ, насколько намъ извѣстно, дается полное и, какъ полагаемъ, ясное рѣшеніе вопроса, почему нормальныхъ модусовъ силлогизма только 19, вопроса, хотя и не особенно важнаго, но, какъ намъ лично извѣстно, до нѣкоторой степени всегда интересующаго учащихся.

Вторая часть книги заключаетъ въ себѣ замѣтки и дополнительныя разъясненія по нѣкоторымъ во-

просамъ логики и гносеологіи, разъясненія, большею частію, полемическаго характера и вслѣдствіе этого не имѣющія права занимать мѣсто въ рядовомъ текстѣ учебника.

Насколько основательны наши надежды принести посильную пользу учашемуся юношеству—судить не намъ.

4 апр. 1912 г **Авторъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе.

1. Опредѣленіе логики 1
2. О связи между мышленіемъ и словомъ 6
3 Раздѣленіе логики 11

Отдѣлъ I. Ученіе объ основныхъ законахъ мышленія 12

1. Законъ тожества . . . . . —
2 Законъ противорѣчія 14
3. Законъ исключеннаго третьяго 17
4 Законъ достаточнаго основанія 18

Отдѣлъ II. Ученіе объ элементарныхъ формахъ мышленія . 21

1 О понятіи . . . . . —
2 О сужденіи 32
§ 1. Дѣленіе сужденій . . . . . —
§ 2. О совмѣстимости сужденій 43
§ 3 О видоизмѣненіи сужденій 46

3. Объ умозаключеніи.

А Дедуктивное умозаключеніе или силлогизмъ 50
§ 1 Фигуры и модусы силлогизма . . . . . —
§ 2 Сведеніе фигуръ силлогизма 78
§ 3 Условный и раздѣлительный силлогизмъ 83
§ 4 Сложные и сокращенные силлогизмы 89
В Индуктивное умозаключеніе или индукція 95

Отдѣлъ III. Ученіе о правилахъ и пріемахъ мышленія научнаго . . 115

§ 1 Объ опредѣленіи 116
§ 2. О дѣленіи и классификаціи 123
§ 3 О доказательствѣ 131
§ 4 Ученіе о научныхъ системахъ 156

Дополненіе. Ученіе о логическихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ . . 162

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1 . . . . стр. 1
2 . . . . . — 4
3 . . . . . — 58
4 . . . . . — 60
5 . . . . . — 61
6 . . . . . — 69
7 . . . . . — 76
8 . . . . . стр 77
9 . . . . . — 81
10 . . . . . — 82
11 . . . . . — 85
12 . . . . . — 95
13 . . . . . — 97
14 . . . . . — 98
15 . . . . . — 100

ВВЕДЕНІЕ.

1. Опредѣленіе логики.

Логика принадлежитъ къ числу наукъ, изучающихъ не внѣшнія явленія и вещи, ихъ отношенія и законы, а самый актъ познанія всевозможныхъ вещей и явленій, тотъ актъ, благодаря которому мы имѣемъ возможность стать въ опредѣленныя и закономѣрныя отношенія къ окружающему насъ міру. Но такъ какъ, чтобы обладать познаніемъ, надо имѣть наличность сознанія, ибо познаніе есть не что иное, какъ расширеніе содержанія нашего сознанія, то слѣдовательно исходнымъ пунктомъ логики должно быть понятіе о сознаніи, т. е. то, что намъ извѣстно о сознаніи въ качествѣ его главныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ.

Есть вещи, связанныя между собой такимъ образомъ, что одна служитъ временнымъ признакомъ другой, въ то время, какъ сама имѣетъ эту послѣднюю своимъ постояннымъ признакомъ. Если не всегда, гдѣ есть вода, есть и облака или туманъ, то наоборотъ всегда, гдѣ есть облака, есть и вода, ибо облака есть не что иное, какъ вода въ парообразномъ состояніи. Такъ точно, если не вездѣ, гдѣ есть жизнь, есть и сознаніе то зато вездѣ, гдѣ есть сознаніе, есть и жизнь. Какъ туманъ или облака представляютъ особое состояніе воды, такъ и сознаніе мы можемъ назвать особымъ состояніемъ жизни. Сознаніе есть жизнь—вотъ первое, что намъ извѣстно о сознаніи. Сознаніе—это та внутренняя сила жизни каждаго органическаго существа, которая управляетъ дѣйствіями организма въ интересахъ его сохраненія.

Эта сила начинаетъ процессъ своего проявленія съ различенія. Сознавать значитъ различать, это первый моментъ,

съ котораго начинается наше познаніе. Нашъ организмъ испытываетъ постоянно массу различныхъ внѣшнихъ вліяній, но изъ этихъ вліяній только тѣ дѣлаются достояніемъ нашего сознанія, которыя могутъ быть подвергнуты различенію А для этого необходимо, чтобы вліяніе это не было непрерывнымъ Мы не можемъ. напр.. сознавать давленіе воздушнаго столба подъ которымъ проводимъ всю свою жизнь, потому что не имѣемъ и ни разу не имѣли возможности видѣть себя въ условіяхъ, когда бы это давленіе уменьшилось или совершенно отсутствовало, слѣдовательно не имѣемъ возможности отличать психическое состояніе, производимое этимъ давленіемъ отъ того состоянія. которое обусловливалось бы отсутствіемъ этого давленія. Но мы, при опредѣленныхъ условіяхъ, всегда сознаемъ ощущенія различныхъ органовъ чувствъ, напр., зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., потому что. легко различая ихъ другъ отъ друга. имѣемъ постоянную смѣну ихъ присутствія и отсутствія. Итакъ сознаніе есть различеніе—вотъ второе, что мы несомнѣнно знаемъ о сознаніи.

Но одного различенія было бы недостаточно для сознанія, чтобы управлять дѣйствіями связаннаго съ нимъ организма. Если бы въ первый моментъ сознаніе различало А отъ В. во второй С отъ D, въ третій—Е отъ F. и т. д.. т е. дѣлало бы все новыя и новыя различенія. безъ возможности повторенія уже испытанныхъ. иначе сказать, если бы сознаніе лишено было усмотрѣнія сходства между внѣшними вліяніями, то, спрашивается. могло ли осуществиться воздѣйствіе организма на тѣ вліянія, которымъ онъ постоянно подвергается? Конечно, нѣтъ. А если такъ, то, значитъ, невозможно было бы и сохраненіе жизни организма. Слѣдовательно, чтобы послѣднее оказалось возможнымъ, необходимо, чтобы внѣшнія вліянія, а съ ними и соотвѣтствующія психическія состоянія повторялись. Необходимо. чтобы мы умѣли повторять наши дѣйствія сообразно повторяемости тѣхъ вліяній, которыми эти дѣйствія обусловливаются. Сознавать же повторяемость значитъ признавать сходство между новымъ актомъ сознанія и подобнымъ же актомъ,

бывшимъ ранѣе. А это можетъ имѣть мѣсто лишь при томъ условіи, если въ сознаніи будутъ храниться слѣды, отпечатки прежнихъ дѣйствительныхъ актовъ, обусловленныхъ тѣми или другими вліяніями, слѣды, съ которыми и возможно сличеніе новыхъ такихъ же актовъ, обусловленныхъ тѣми же вліяніями. Актъ сознанія, образующійся въ моментъ воздѣйствія на организмъ какого-нибудь раздраженія, называется *ощущеніемъ* (ощущенія зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія, мускульнаго чувства и т. д.), а слѣдъ этого ощущенія остающійся въ сознаніи и послѣ того, какъ раздраженіе перестало дѣйствовать, называется *представленіемъ*.

Знаніе наше начинается съ ощущеній, но такъ какъ каждое ощущеніе въ слѣдующій моментъ, послѣ того какъ перестало дѣйствовать вызвавшее его раздраженіе, превращается въ представленіе, то стало быть все содержаніе нашего сознанія слагается изъ представленій. Чтобы представленія могли явиться движущей силой нашихъ дѣйствій, нужна связь ихъ по сходству и различію. Эта связь можетъ быть двоякая, непроизвольная и произвольная. Въ первомъ случаѣ процессъ этой связи носитъ названіе *ассоціаціи представленій*, а во второмъ получаетъ названіе *мышленія*. Что совмѣстно различается, то и воспроизводится совмѣстно, независимо иногда отъ того, желаемъ-ли мы этого или нѣтъ. Такъ представленіе деревенскаго домика, гдѣ мы проводимъ лѣто, неизбѣжно вызываетъ и представленіе той улицы, на которой онъ стоитъ. Связь представленій здѣсь связь ассоціативная. Но мысль о необходимости перестройки этого домика соединяется съ представленіемъ самаго домика произвольнымъ усиліемъ нашей воли. Здѣсь различеніе даннаго представленія домика отъ того, которое будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности впослѣдствіи, устанавливается свободнымъ актомъ мышленія. Итакъ мышленіе есть дѣятельность, произвольно связывающая представленія по ихъ сходству и различію. Но, понятно, что эта дѣятельность не могла бы итти впередъ, если бы запасъ представленій не пополнялся новыми представленіями. Нужно обогащеніе знанія все новыми и новы-

ми представленіями, чтобы мы могли находить интересъ въ работѣ мышленія. И каждому человѣку предоставлена возможность этого обогащенія черезъ расширеніе круга своего знакомства съ предметами и явленіями міра. Но человѣкъ есть существо, живущее въ обществѣ. А общество невозможно безъ совмѣстной общей дѣятельности, а слѣдовательно и безъ общаго знанія Но общее знаніе, конечно, было бы невозможно, если бы представленія одного лица не были доступны сознанію другого, т. е. если бы люди не имѣли способа передачи своихъ представленій другъ другу. Люди владѣютъ такими способами, изъ которыхъ главнѣйшимъ является *слово*. Посредствомъ слова сознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка обогащается уже не только представленіями личнаго опыта, но и представленіями другихъ людей или тѣмъ, что составляетъ общее знаніе. Когда связь между представленіями пріобрѣтаетъ общее согласіе, т е. когда всѣми усматривается, что данныя представленія дѣйствительно должны быть связаны или, еще лучше, что они необходимо должны быть связаны такъ, а не иначе, то такая связь получаетъ названіе *истины*. Всѣ, напр, согласны въ томъ, что солнце даетъ свѣтъ, что лошадь животное травоядное, что цѣлое больше своей части и т. д. И всѣ эти и подобныя утвержденія мы называемъ истинными Они имѣютъ общую значимость, потому что согласны съ дѣйствительностью

Такъ какъ люди не всѣ одинаково испытываютъ вліяніе внѣшнихъ раздраженій, то, слѣдовательно, не всѣ имѣютъ одни и тѣже представленія А такъ какъ мышленіе есть дѣятельность свободная, то значитъ не всѣ люди необходимо должны одинаково и связывать свои представленія, т. е употреблять для связи одни и тѣже представленія Слѣдовательно, для того, чтобы возможно было общее знаніе, т. е. общее согласіе въ томъ, что должно быть признано руководствомъ въ интересахъ жизни, т. е. *истиной*, для этого требуется опредѣлить тѣ условія, согласіе съ которыми давало бы ручательство въ томъ, что данная связь представленій—дѣйствительно соотвѣтствуетъ истинѣ и въ

силу этого должна имѣть цѣну общезначимости. Необходима, слѣдовательно, наука, которая указывала бы на эти условія, на тѣ законы или нормы, которыми должна опредѣляться цѣнность той или другой связи представленій, въ смыслѣ соотвѣтствія этой связи съ истиной Такая наука носитъ названіе *логики*.

Примѣчаніе 1 Основаніе логики принадлежитъ греческому философу Аристотелю, жившему отъ 384 по 322 г. до Р Х Однако логическія сочиненія Аристотеля извѣстны подъ названіемъ Organon. Терминъ же *логика* явился позднѣе, именно въ такъ называемой Стоической школѣ греческой философіи, школѣ, основанной въ третьемъ вѣкѣ до Р Х.

Итакъ *логика есть наука о законахъ и правилахъ мышленія, какъ свободно связывающей представленія дѣятельности сознанія, направленной къ познанію истины*

Такимъ образомъ логика изучаетъ мышленіе лишь со стороны тѣхъ нормъ, какими опредѣляется цѣнность связи представленій въ цѣляхъ познанія истины, а потому логика есть наука нормативная, и этимъ она отличается отъ той науки, которая разсматриваетъ мышленіе со стороны его генезиса, его связи съ физіологическими данными организма (нервной системой), со стороны его отношенія къ другимъ видамъ психической жизни и т. д. Это изученіе мышленія, какъ одного изъ естественныхъ процессовъ психической жизни, относится къ области особой *науки о душѣ* или *психологіи*.

Примѣчаніе 2 Очень часто въ руководствахъ по логикѣ разсматривается вопросъ о томъ, полезно-ли изученіе этой науки Но изслѣдованіе этого вопроса, кажется, совершенно излишне Неужели можетъ существовать наука, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, каторая не была бы полезна? Вѣдь всякая истинная наука расширяетъ содержаніе нашего сознанія и этимъ увеличиваетъ нашу духовную мощь и съ этой точки зрѣнія безусловно полезна. А отказывалъ-ли кто нибудь логикѣ въ качествѣ истинной науки?

2. О связи между мышленіемъ и словомъ.

Главнѣшнимъ внѣшнимъ выраженіемъ нашихъ представленій является, какъ уже было упомянуто, слово. Слово до такой степени тѣсно связано съ дѣятельностью сознанія, что во многихъ случаяхъ является замѣстителемъ дѣйствительныхъ элементовъ сознанія, т. е. представленій. Въ чемъ же состоитъ и какъ выражается эта связь между представленіемъ и словомъ?

Представленіе есть слѣдъ ощущенія Психологія, анализируя содержаніе представленій, раздѣляетъ ихъ на простыя и сложныя Первыя—это тѣ, которыя являются слѣдомъ одного даннаго ощущенія, напр, представленія свѣта, звука и т. п., вторыя—есть комплексъ слѣдовъ отъ нѣсколькихъ ощущеній. Представленіе яблока, напр., слагается изъ ощущеній опредѣленной формы, качества, вкуса, цвѣта и т. д. Если мы спросимъ теперь, какъ образуются сложныя представленія, то не слѣдуетъ думать, что психологическій анализъ указываетъ намъ тотъ путь, которымъ идетъ ихъ образованіе, т. е. что сначала существуютъ въ сознаніи простыя представленія, а потомъ, въ силу ассоціаціи, изъ нихъ образуются сложныя. Не надо забывать, что сознаніе есть сила, управляющая дѣйствіями организма въ интересахъ его сохраненія, а потому каждое представленіе, чтобы быть дѣйствующей силой опредѣленныхъ дѣйствій, должно соотвѣтствовать тѣмъ внѣшнимъ силамъ, съ которыми организму приходится бороться за существованіе. А такія силы предстоятъ организму прежде всего въ видѣ вещей, конкретныхъ предметовъ (одушевленныхъ и неодушевленныхъ). Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія организма должны направляться преимущественно представленіями этихъ предметовъ. А представленіе каждаго конкретнаго предмета есть непремѣнно представленіе сложное Т. обр., основными и первоначальными элементами сознанія, въ смыслѣ движущей силы, являются сложныя предметныя представленія Слово и есть прежде всего знакъ такого предметнаго представленія. Но такъ какъ для сохраненія

организма необходима повторяемость его дѣйствій, а повторяемость обусловливается тожествомъ и сходствомъ представленій, отражающихъ въ этомъ случаѣ повторяемость реальныхъ сходствъ, то второе важнѣйшее и существеннѣйшее значеніе слова—это быть знакомъ того, что есть общаго, сходнаго между предметными представленіями. Каждое слово, такимъ образомъ, указываетъ не только на опредѣленное предметное представленіе, но и на то, что объединяетъ нѣсколько предметовъ въ одну умственную группу. Слово „левъ", напр., не только рисуетъ нашему воображенію образъ льва, но и означаетъ опредѣленную породу хищныхъ животныхъ. Левъ, собака, домъ, дерево и т. п.—все это такъ называемыя имена существительныя нарицательныя. Каждое такое существительное является знакомъ для слѣдующихъ состояній мысли

1) оно связано съ внутреннимъ психическимъ образомъ предмета, т. е. съ представленіемъ его;

2) оно означаетъ совокупность общихъ свойствъ, объединяющихъ отдѣльные предметы въ одну группу,

3) оно служитъ именемъ для рода или класса предметовъ, объединенныхъ въ этотъ классъ общими признаками.

Вотъ что мы мыслимъ подъ каждымъ нарицательнымъ именемъ. Слово одно, а мыслимъ мы въ немъ три значенія. Слѣдовательно, мысль здѣсь шире своего словеснаго выраженія. Это явленіе весьма впрочемъ обычно въ отношеніяхъ между словомъ и мыслью. Одна и таже, напр., грамматическая форма служитъ выраженіемъ различныхъ грамматическихъ категорій, напр. падежное окончаніе выражаетъ, кромѣ падежа, и родъ и число; личное окончаніе въ глаголахъ означаетъ, кромѣ лица, и число и наклоненіе.

Важную роль въ мышленіи играетъ *вниманіе*. Что такое вниманіе, объ этомъ обстоятельно говорится въ психологіи. Для насъ теперь достаточно замѣтить, что вниманіемъ называется усиленное освѣщеніе сознаніемъ того или другого предмета или явленія.

Предметомъ вниманія могутъ быть не только конкретные объекты, но и свойства и дѣйствія ихъ. Отсюда получаются особые разряды словъ: прилагательныя, глаголы и отглагольныя прилагальныя, или причастія. Эти слова, подобно существительнымъ нарицательнымъ, заключаютъ въ себѣ также общее значеніе, потому что есть очень мало свойствъ и дѣйствій, которыя мы можемъ приписать лишь одному единственному предмету, какъ, напр., всевѣдѣніе и всемогущество одному Богу. Каждое свойство или дѣйствіе принадлежитъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ весьма и весьма многимъ предметамъ, такъ что, именуя какое либо свойство или дѣйствіе, мы въ тоже время не можемъ не мыслить подъ даннымъ прилагательнымъ или глаголомъ ту умственную группу предметовъ, иногда самыхъ разнообразныхъ въ другихъ отношеніяхъ, которая устанавливается, благодаря выражаемому тѣмъ или другимъ прилагательнымъ или глаголомъ общему признаку. Свойства и дѣйствія, взятыя отвлеченно, могутъ являться и самостоятельными предметами мысли, на подобіе конкретныхъ предметовъ. Въ этомъ случаѣ они обыкновенно получаютъ въ языкѣ туже форму имени существительнаго, какая присуща собственно выраженію послѣднихъ. Отсюда получаются такъ называемыя абстрактныя существительныя, въ родѣ краснота, бѣдность, движеніе, бытіе и т. д. Это не болѣе какъ своеобразный пріемъ языка, который дѣлаетъ изъ общихъ свойствъ и дѣйствій какъ бы предметы, потому что эти свойства и дѣйствія являются предметами мысли, т. е. субъектами сужденія. Но языкъ не стѣсняется, конечно, употреблять въ данномъ случаѣ прилагательныя и глаголы и въ ихъ спеціальной формѣ, если практика почему либо не выработала отъ даннаго прилагательнаго или глагола формы абстрактнаго существительнаго или если существующія формы эти имѣютъ уже установившееся особое значеніе *). Въ этихъ случаяхъ прила-

*) Такъ, напр., не существуетъ отглагольнаго существительнаго отъ глагола *вострубить*. Слово же *доброта*, напр., пріобрѣло значеніе или

гательныя употребляются (въ русск. языкѣ) въ средн родѣ ед числа. а глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

О языкѣ, какъ орудіи мысли, надо сказать вообще, что онъ есть орудіе, весьма несовершеннымъ образомъ приспособленное къ точной передачѣ мысли. Не говоря уже о томъ, что слово очень часто скрываетъ подъ собой, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ одно значеніе. оно оказывается иногда настолько неточно приспособленнымъ къ передачѣ мысли. что являются возможными грубыя логическія ошибки Дѣло въ томъ, что въ языкѣ есть масса словъ. одинаковыхъ по своему звуковому составу. но совершенно различныхъ по своему значенію. Такія слова называются *омонимами*. Ключъ, полъ, форма, потокъ и т д.—примѣры наболѣе рѣзко выраженныхъ омонимовъ Но подобные омонимы не такъ опасны для логической точности (потому что истинное значеніе ихъ всегда легко увидать изъ контекста рѣчи). какъ тѣ слова, которыхъ различное значеніе можетъ быть уяснено лишь послѣ болѣе или менѣе тщательнаго анализа Таковы напр, слова: предметъ, чувство. сознаніе и т п Смѣшеніе различнаго значенія подобныхъ словъ. въ силу недостатка анализа, происходитъ весьма часто, идетъ нерѣдко рядомъ и ведетъ къ грубымъ логическимъ промахамъ Въ прежнихъ грамматикахъ, напр., обычно было дѣленіе предметовъ на одушевленные и неодушевленные. приводимое обыкновенно вслѣдъ за опредѣленіемъ существительнаго. какъ имени *предмета* Но дѣлить на одушевленные и неодушевленные можно только предметы матеріальные, конкретные. а когда я опредѣляю имя существительное, какъ имя *предмета*, то здѣсь подъ этимъ словомъ разумѣется вообще предметъ мысли а не вещь; предметомъ же мысли могутъ быть не одни матеріальные предметы, вещи, но. какъ мы видѣли. и отвлеченныя свойства

какъ опредѣленное качество характера или какъ знакъ похвальнаго свойства предмета, а потому не можетъ употребляться тамъ. гдѣ требуется отъ этого слова большая степень общности Въ этомъ случаѣ она замѣняется прилагательнымъ „доброе“.

и дѣйствія, которыя относить къ отдѣлу неодушевленныхъ предметовъ, разумѣется, явная нелѣпость. Затѣмъ въ языкѣ есть и другой разрядъ словъ, которыя впрочемъ не столько вредятъ точности мысли, сколько возбуждаютъ напрасную погоню за точностью. Это именно тѣ слова, которыя при различномъ звуковомъ составѣ имѣютъ почти одно и тоже значеніе. Они называются *синонимами*. Вотъ это то различіе въ звуковомъ выраженіи синонимовъ и является весьма часто причиной того, что стараются искать различія и въ значеніи данныхъ словъ, чего на самомъ дѣлѣ въ логическихъ цѣляхъ иногда вовсе не требуется. Предостерегая отъ неправильнаго употребленія омонимовъ, логика въ правѣ предостеречь и отъ излишнихъ увлеченій синонимическими различіями, настолько иногда тонкими, что они оказываются совершенно безцѣльными съ логической точки зрѣнія. Любопытство—любознательность, трудъ—работа, правда—истина, міръ—вселенная и т. д.—все это слова, которыя въ логическомъ смыслѣ могутъ свободно употребляться одно вмѣсто другого, какъ почти вполнѣ тожественныя по своему значенію.

Сознаніе тожества и сходства между представленіями, съ чѣмъ тѣсно связана повторяемость дѣйствій организма, столь необходимая для его самосохраненія, имѣетъ такую важность для мышленія, что громадное большинство словъ, означающихъ предметы мышленія, являются словами общаго значенія. Но, разумѣется, предметомъ мышленія можетъ быть и каждая вещь, взятая въ отдѣльности, въ такомъ случаѣ языкъ употребляетъ особые пріемы наименованія. Этой цѣли служатъ, во 1-хъ, такъ называемыя имена „существительныя собственныя“, т. е имена отдѣльныхъ лицъ, городовъ, рѣкъ, озеръ, странъ и т. п. (Иванъ, Казань, Волга и пр.) Во 2-хъ, индивидуальность наименованія достигается употребленіемъ соотвѣтствующаго общаго имени (т. е. существительнаго нарицательнаго) съ присоединеніемъ къ нему указанія такой подробности, которая заставляетъ мыслить здѣсь именно отдѣльный предметъ, а не общее понятіе. Такими подробностями являются обыкновенно

или отношеніе къ опредѣленному мѣсту, времени, къ какому нибудь лицу и ли предмету напр. Страсбургскій соборъ, памятникъ двѣнадцатаго года, эпоха Екатерины Великой, или какой нибудь отличительный признакъ напр, Бѣлое, Черное море и т. п.

Разсматривая общія и индивидуальныя наименованія, мы легко можемъ замѣтить, что мысль находитъ себѣ выраженіе въ языкѣ далеко не по одному и тому же шаблону Если въ иныхъ случаяхъ мысль шире своего словеснаго выраженія, такъ какъ требуется разумѣть подъ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько значеній (см. выше), то въ другихъ случаяхъ мысль уже своего наименованія, ибо нѣсколько словъ иногда соединяются лишь для того, чтобы выразить единичное представленіе

3. Раздѣленіе логики.

Изъ сдѣланнаго выше опредѣленія логики естественно слѣдуетъ и то дѣленіе, какое можно предварительно установить для содержанія этой науки. Такъ какъ логика есть наука нормативная, т. е. ея изученію подлежатъ тѣ законы и правила, которыми опредѣляется цѣнность связи представленій для познанія истины, то прежде всего должны быть разсмотрѣны тѣ законы, которые являются самымъ общимъ, основнымъ критеріумомъ этой цѣнности. Затѣмъ должны быть изучены формы и пріемы обыкновеннаго мышленія и въ 3-хъ правила и пріемы мышленія систематическаго, т е научнаго. Такимъ образомъ логика раздѣляется на 3 отдѣла

1, Ученіе объ основныхъ законахъ мышленія

2. Ученіе объ элементарныхъ формахъ и пріемахъ мышленія

3, Ученіе о правилахъ и пріемахъ мышленія научнаго.

Къ этимъ отдѣламъ можетъ быть присоединено *дополненіе*, именно: ученіе о логическихъ заблужденіяхъ и ли ошибкахъ.

Отдѣлъ I.

Ученіе объ основныхъ законахъ мышленія.

Всякая работа, направленная къ опредѣленной цѣли, происходитъ не иначе, какъ въ силу извѣстныхъ правилъ соблюденіемъ которыхъ и обезпечивается достиженіе искомой цѣли. Цѣль процесса нашего мышленія—придти къ познанію истины. Если бы процессъ мышленія, состоящій въ соединеніи представленій, всегда и безусловно соотвѣтствовалъ истинѣ, т. е если бы мы не знали, что такое ложь, то тогда, понятно, не требовалось бы никакихъ гарантій, чтобы признать ту или другую связь представленій за связь, отвѣчающую истинѣ. Но такъ какъ несомнѣнно, что мы не только заблуждаемся невольно и безсознательно, но иногда сами вполнѣ сознательно и преднамѣренно размножаемъ заблужденія, то ясно, что не всякая связь представленій соотвѣтствуетъ истинѣ и что поэтому должны существовать опредѣленныя нормы, соотвѣтствіе съ которыми только и дѣлаетъ данную связь представленій отвѣчающей истинѣ Самыя общія нормы въ данномъ отношеніи представляютъ такъ называемые *основные законы мышленія*. Ихъ четыре: 1) законъ тожества, 2) законъ противорѣчія, 3) законъ исключеннаго третьяго и 4) законъ достаточнаго основанія.

Только та связь представленій можетъ считаться соотвѣтствующей истинѣ, въ которой выполнены требованія этихъ четырехъ законовъ

1. Законъ тожества Если бы, начавъ мыслить о какомъ-либо предметѣ А, т. е стараться отыскать признаки, опредѣляющіе его отношеніе къ другимъ предметамъ, мы

во время самаго процесса мышленія нашли, что сознаемъ его уже не какъ А, а какъ В, то очевидно мы ничего не могли бы сказать объ А и должны были бы начать процессъ мышленія снова Слѣдовательно, для того, чтобы процессъ мышленія дѣйствительно былъ исполненъ съ опредѣленнымъ результатомъ, необходимо, чтобы предметъ А былъ равенъ самому себѣ, т. е. сохранялъ *тожество* своего содержанія въ теченіе всего процесса мышленія о немъ. Законъ требуетъ, чтобы А было равно А всегда и всюду, какъ скоро онъ является предметомъ нашего мышленія. Солнце есть солнце, будемъ-ли мы мыслить о немъ сегодня, вчера или завтра, будемъ ли мыслить о немъ въ Казани, въ Петербургѣ или Америкѣ. А=А—вотъ формула этого закона. Omne subjectum est praedicatum sui—вотъ словесное выраженіе этой формулы —Но представленіе, являясь предметомъ мышленія, можетъ имѣть различную форму своего внѣшняго выраженія И если бы съ перемѣной послѣдней мѣнялось и содержаніе даннаго представленія, то это значило бы, что внѣшняя форма, напр. то или другое слово, имѣетъ странную и непонятную силу измѣнять содержаніе данной мысли. Вотъ почему, кромѣ требованія, чтобы при тожествѣ формы не мѣнялось содержаніе мысли, къ требованіямъ закона тожества относится и то условіе, чтобы мысль считалась тожественной не смотря ни на какую угодно внѣшнюю форму, въ какую она облекается для своего выраженія Поэтому скажу ли я „квадратъ“ или „равносторонній прямоугольникъ“, я имѣю полное право замѣнить эти два термина одинъ другимъ во всякомъ соединеніи ихъ съ какимъ-либо другимъ представленіемъ. Напримѣръ, въ предложеніи: „квадратъ раздѣляется своими діагоналями на четыре равностороннихъ треугольника“ я могу замѣнить слово „квадратъ“ выраженіемъ „равносторонній прямоугольникъ“—и содержаніе мысли черезъ это нисколько не измѣнится. Если я знаю, что 2+2=4 и что 3+1=4, то могу сказать, что 2+2=3+1, т. е. сдѣлать тоже соотвѣтствующую замѣну. Для христіанъ первыхъ вѣковъ начертаніе рыбы было равносильно выраженію: Іисусъ Хри-

стосъ Сынъ Божій Спаситель,) иначе сказать символическая форма выраженія была равносильна буквальной

2 Законъ противорѣчія Если бы связь представленій равнялась механической связи явленій въ ихъ существованіи и послѣдовательности, то, понятно тогда не существовало бы отличія лжи отъ истины. Природа не знаетъ лжи Ложь возникаетъ лишь для нашего мышленія, потому что сознанію нашему дана полная свобода въ выборѣ представленій для ихъ связи, и уже исходя изъ этой свободы оно различаетъ между этими связями тѣ, которыя должны быть приняты въ качествѣ руководствующихъ указаній для дѣятельности, и тѣ, которыя должны быть отвергнуты ибо не соотвѣтствуютъ жизненнымъ цѣлямъ сознанія. Но связь эта можетъ быть какъ положительной, такъ и отрицательной, ибо жизненныя цѣли въ различныхъ случаяхъ одинаково хорошо достигаются какъ дѣйствіями, такъ, напротивъ, и воздержаніемъ отъ дѣйствія (иногда хорошо нападать, а иногда—не нападать). Такимъ образомъ, сопоставляя другъ съ другомъ представленія, сознаніе должно неизбѣжно или утверждать связь между ними, или отрицать ее. Какую изъ этихъ связей выбрать, какъ имѣющую логическую значимость, опредѣляется тѣмъ, соотвѣтствуетъ-ли эта связь возможности имѣть ее въ качествѣ руководительства для реактивной дѣятельности организма. т е. опредѣляется тѣмъ, насколько данная связь соотвѣтствуетъ истинности представляемыхъ ею фактовъ Но, быть можетъ, совмѣстное утвержденіе и отрицаніе связи представленій нисколько не противорѣчитъ фактической истинности? На этотъ вопросъ дается рѣшительный отрицательный отвѣтъ вторымъ закономъ мышленія, *закономъ противорѣчія*. Этотъ законъ говоритъ, что совмѣстное и единовременное утвержденіе и отрицаніе данной связи представленій исключаетъ возможность логической цѣнности этой связи, т. е цѣн-

*) Потому что каждая буква въ греческомъ наименованіи рыбы ιχθύς соотвѣтствуетъ начальной буквѣ указанныхъ словъ, если ихъ конечно, передать тоже по-гречески

чатлѣніе, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нарушается законъ противорѣчія. Но это нарушеніе будетъ лишь кажущимся, мнимымъ .. Нарушеніе исчезнетъ, когда будетъ объяснено что предметъ, которому приписывается, повидимому, противорѣчивые признаки, разсматривается въ разные моменты времени или съ разныхъ точекъ зрѣнія.

3 Законъ исключеннаго третьяго или средняго. Такъ какъ мышленіе (связываніе представленій) есть дѣятельность вполнѣ свободная, то, слѣдовательно, каждому утвержденію связи представленій сознаніе свободно можетъ всегда противопоставить отрицаніе той же самой связи. И при этомъ естественно возникаетъ вопросъ, на чьей же сторонѣ будетъ истина, на сторонѣ утвержденія или отрицанія? Конечно, если для мыслящаго очевидно, на сторонѣ какой связи представленій, положительной или отрицательной, находится матеріальная истинность, истинность факта, то выборъ связи не представляетъ никакого затрудненія Никто, напр., не станетъ въ ясный солнечный день утверждать, что солнце *не* свѣтитъ Но иногда, не обладая надлежащими фактическими свѣдѣніями, мы не можемъ тотчасъ рѣшить, на чьей сторонѣ должна находиться истина факта, на сторонѣ положительной или отрицательной связи представленій.) Намъ необходимо предпринять нѣкоторое изслѣдованіе, чтобы открыть истину. По закону противорѣчія мы знаемъ, что истина не можетъ заключаться въ совмѣстномъ утвержденіи и отрицаніи одной и той же связи представленій. Слѣдовательно, истина должна стоять или на сторонѣ *да* или *нѣтъ*, и это должно оказаться въ результатѣ нашего изслѣдованія. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: быть можетъ, истина не всегда стоитъ на сторонѣ или *да* или *нѣтъ*, быть можетъ иногда наше изслѣдованіе приведетъ къ тому заключенію, что истина должна находиться въ чемъ-то среднемъ между *да* и *нѣтъ*, т. е. между утвержденіемъ

(*) Напр существовала-ли въ дѣйствительности или не существовала Троянская война.

и отрицаніемъ? На этотъ вопросъ даетъ рѣшительный отвѣтъ третій законъ мышленія, *законъ исключеннаго третьяго или средняго.* Нѣтъ, говоритъ этотъ законъ, между утвержденіемъ и отрицаніемъ нельзя найти ничего третьяго или средняго, съ чѣмъ могло бы соединиться понятіе истины. Истина должна находиться только на сторонѣ *да* или *нѣтъ*: третье или среднее исключается См Приложеніе 1, стр 1

4. Законъ достаточнаго основанія. Если бы сознаніе, соединяя представленія, ничѣмъ инымъ не руководилось въ этомъ процессѣ мышленія кромѣ полной свободы, какъ въ выборѣ самыхъ представленій, такъ и связи ихъ, положительной или отрицательной, то, понятно, такое положеніе дѣла вело бы къ отсутствію возможности соглашенія между мыслящими существами. Поэтому нужно, чтобы существовала извѣстная принудительность для связи представленій, принудительность, на которой покоилось бы общее согласіе въ истинности данной связи и которая, сверхъ того, давала бы сознанію ручательство въ томъ, что именно данная связь представленій можетъ служить руководительствомъ для дѣятельности, а не какая либо другая. Такимъ образомъ для всякаго, кто желаетъ согласія другихъ на логическую значимость высказанной имъ мысли, нужна ссылка именно на принудительность употребленнаго имъ соединенія представленій, т е. нужно признаніе, что связь эта сдѣлана имъ не по произволу, а въ силу опредѣленной объективной необходимости, обязательной для каждаго. Вотъ это-то требованіе, именно, чтобы для каждаго акта мышленія, претендующаго на логическую значимость, предполагалась необходимой ссылка на объективную принудительность этого акта, и составляетъ требованіе *закона достаточнаго основанія* Всякая связь представленій можетъ соотвѣтствовать истинѣ лишь на достаточномъ основаніи— вотъ краткая формулировка этого требованія.

Чѣмъ же обусловливается эта принудительность связи представленій, которой опредѣляется признаніе данной связи за выраженіе истины? Иначе сказать, что можетъ служить этимъ достаточнымъ основаніемъ, которое необходимо

указать, для того, чтобы высказанную мысль всѣ могли считать за мысль, соотвѣтствующую истинѣ? Связь представленій можетъ имѣть цѣнность логической значимости (т. е. истины). во 1-хъ, въ томъ случаѣ, если связь эта выражаетъ переживаніе дѣйствительныхъ фактовъ, при томъ переживаніе, доступное повѣркѣ какой угодно личности. Такъ научные опыты и наблюденія, (напр., химическій синтезъ или анализъ какого нибудь вещества, наблюденіе надъ кометой, невидимой для невооруженнаго глаза и т. п.), могутъ сдѣлаться переживаніемъ кого угодно, если только личность обладающая нѣкоторой научной подготовкой, получитъ къ тому необходимыя средства.

Во 2-хъ, если данная связь представленій является выводомъ изъ другой мысли, имѣющей несомнѣнное значеніе истинности. Но такъ какъ эта послѣдняя можетъ, въ свою очередь, быть тоже выводомъ. а та, изъ которой сдѣланъ этотъ выводъ, тоже оказаться выводомъ и т. д., то у насъ получилась бы безконечная цѣпь выводовъ, если бы мы не имѣли возможности придти къ такимъ мыслямъ, которыя уже не выводятся изъ другихъ. а выражаютъ очевидные факты, и потому имѣютъ несомнѣнное значеніе истинности сами по себѣ, независимо ни отъ какихъ другихъ мыслей. Это такъ называемыя самоочевидныя истины или аксіомы. Двѣ величины, равныя третьей. равны между собою. цѣлое больше своей части, между двумя данными точками прямая линія короче кривой, всякое явленіе имѣетъ свою причину и т. д —эти и тому подобныя положенія вмѣстѣ съ требованіями основныхъ логическихъ законовъ составляютъ послѣднее основаніе всѣхъ мыслей, логическая значимость которыхъ зиждется на выводѣ.

Въ 3-хъ, наконецъ. истинность данной связи представленій можетъ опираться на согласіе этой связи съ мыслями такихъ лицъ, которыя являются непререкаемымъ авторитетомъ въ данномъ случаѣ. Напр., то или другое богословское положеніе можетъ признаваться истиннымъ лишь постольку, поскольку оно согласно съ свящ. писаніемъ или съ ученіемъ церкви.

Итакъ всякій, кто желаетъ, чтобы высказанная имъ мысль получила общее признаніе, какъ мысль истинная, долженъ утвердить ея логическую цѣнность однимъ изъ указанныхъ способовъ, смотря потому, какой окажется въ данномъ случаѣ наиболѣе соотвѣтствующимъ. См. Приложеніе 2, стр. 4

Отдѣлъ II.

Ученіе объ элементарныхъ формахъ мышленія.

I. О понятіи.

Предметныя представленія, какъ было уже сказано ранѣе, составляютъ главный матеріалъ для содержанія нашего сознанія. Но каждое предметное представленіе есть представленіе сложное, такъ какъ въ составъ его входитъ не одинъ слѣдъ того или другого ощущенія, а нѣсколько слѣдовъ заразъ отъ разныхъ ощущеній. Эти отдѣльныя представленія называются *свойствами* или *признаками* сложнаго представленія

Внѣшнимъ выраженіемъ представленія является *слово*. Но слово, какъ уже намъ извѣстно, обозначаетъ не только представленіе предмета, но и общіе признаки отдѣльныхъ предметовъ и ту умственную группу этихъ предметовъ, которая образуется этими общими признаками. И вотъ когда мы беремъ слово въ этихъ двухъ послѣднихъ значеніяхъ, т. е. когда преимущественно мыслимъ подъ нимъ опредѣленные общіе признаки и опредѣленный классъ предметовъ, образуемый этими признаками, мы называемъ тогда слово *понятіемъ* (notio, conceptus).

Представленіе можетъ состоять или изъ одного признака, если оно есть слѣдъ одного единственнаго ощущенія, и тогда оно называется *простымъ*, и можетъ состоять изъ соединенія нѣсколькихъ признаковъ, слитыхъ въ одно цѣлое (какъ это мы видѣли на примѣрѣ предметныхъ представленій)—и тогда оно называется *сложнымъ*. Сравнивая нѣсколько сложныхъ представленій, мы можемъ замѣтить, что у нихъ есть нѣсколько признаковъ общихъ

и что среди этихъ общихъ признаковъ есть одинъ или нѣсколько такихъ, которые постоянно присущи сравниваемымъ представленіямъ. Такъ, сравнивая сложное представленіе одного дерева съ представленіями другого, третьяго и т. д. мы легко увидимъ, что всѣ эти представленія имѣютъ слѣдующіе общіе признаки: деревья растутъ и имѣютъ стволъ. и что признаки эти *постоянно* присущи содержанію указанныхъ представленій, такъ что безъ этихъ общихъ признаковъ мы не можемъ и представить себѣ того, что называется деревомъ. Вотъ эти-то общіе и постоянные признаки, которые выражаютъ собой, такъ сказать, самое существо предмета. называются признаками *существенными* Подъ понятіемъ мы мыслимъ обыкновенно не какіе угодно общіе признаки. а только тѣ, которые являются существенными. Итакъ понятіемъ называется *выраженная опредѣленнымъ словомъ мысль о предметѣ въ его общихъ и существенныхъ признакахъ*. Совокупность существенныхъ признаковъ называется *содержаніемъ* понятія, а совокупность тѣхъ предметовъ, которымъ присущи эти существенные признаки. называется *объемомъ* понятія. Такъ. напримѣръ, всѣ тѣ предметы, которые. будучи растеніями, имѣютъ стволъ. составляютъ *объемъ понятія дерево*.

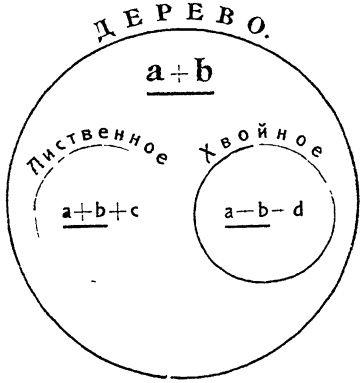
То, что деревья растутъ и имѣютъ стволъ—это признаки общіе для всѣхъ деревьевъ Но сравнивая далѣе деревья между собою, мы легко замѣтимъ, что одна часть кромѣ указанныхъ общихъ признаковъ, имѣетъ еще свой особенный отличительный признакъ, а другая часть—другой отличительный признакъ, такъ одни деревья покрыты листьями. а другіе вмѣсто листьевъ имѣютъ хвою. По этимъ признакамъ мы раздѣляемъ деревья на лиственныя и хвойныя.

Если сравнимъ теперь содержаніе общаго понятія „дерево“ съ содержаніями понятій „лиственное дерево“ и „хвойное дерево“, то не трудно будетъ замѣтить, что содержаніе понятія „дерево“ вообще состоитъ лишь изъ двухъ признаковъ (растутъ и имѣютъ стволъ. a+b). а содержаніе понятій лиственное и хвойное дерево заключаетъ

каждое въ себѣ три признака растутъ. имѣютъ стволъ. имѣютъ листья. хвою, т е. a+b+c и a+b—d. Такимъ образомъ оказывается, что содержаніе этихъ послѣднихъ понятій будетъ обширнѣе, сложнѣе, чѣмъ содержаніе общаго понятія „дерево“ Но если, съ другой стороны. мы возьмемъ въ соображеніе число предметовъ, которые обозначаются словомъ „дерево“ или только „лиственное дерево“. „хвойное дерево“, т. е. сравнимъ объемы этихъ понятій. то увидимъ. что понятіе „дерево“ обнимаетъ всѣ деревья, а понятія „лиственное“ или „хвойное дерево“ охватываютъ каждое только часть деревьевъ. Слѣдовательно. объемъ понятія „дерево“ обширнѣе объемовъ двухъ остальныхъ понятій Сопоставивъ теперь объемъ съ содержаніемъ, замѣчаемъ. что въ томъ понятіи. у котораго объемъ обширнѣе, содержаніе меньше. а гдѣ содержаніе обширнѣе, тамъ объемъ меньше Иначе сказать. *объемъ и содержаніе понятія находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу*

Понятіе съ большимъ объемомъ называется *высшимъ*, *родовымъ*, *подчиняющимъ*, *общимъ*. а понятіе съ меньшимъ объемомъ—*низшимъ*, *видовымъ*, *подчиненнымъ*, *частнымъ*.

Изъ изложеннаго ясно. что объемы низшихъ понятій должны входить въ составъ объема высшаго понятія Это отношеніе между объемами понятій изображается графически въ видѣ круга съ помѣщенными внутри его меньшими кругами. При этомъ посредствомъ буквъ можно обозначить и соотвѣтствующее каждому кругу содержаніе.



Изъ предсгавленной схемы ясно можно видѣть, что объемы низшихъ или подчиненныхъ понятій являются частью объема высшаго или подчиняющаго понятія и наоборотъ содержаніе (a+b) высшаго понятія является частью содержанія низшихъ понятій. Содержаніе высшаго, роiового понятія называется родовымъ признакомъ (genus proximum), а добавочный признакъ въ содержаніи видового, низшаго понятія называется видовымъ признакомъ или видовымъ отличіемъ (differentia specifica)

Кромѣ существенныхъ каждое сложное предсгавленіе имѣетъ большое число признаковъ второстепенныхъ, несущественныхъ, которые все таки могутъ быть и общими. Слѣдовательно, чтобы образовать понятіе, мы, сравнивши между собою нѣсколько представленій, отвлекаемъ изъ совокупности всѣхъ присущихъ имъ признаковъ лишь тѣ общіе признаки, которые въ тоже время и постоянные, т. е. признаки существенные Итакъ понятія образуются посредствомъ сравненія предсгавленій и отвлеченія (абстракціи) изъ всей совокупности ихъ признаковъ—признаковъ существенныхъ

Что касается до признаковъ второстепенныхъ, несущественныхъ, то о нихъ слѣдуетъ замѣтить, что они имѣютъ опредѣленное отношеніе къ признакамъ существеннымъ. Есть такіе второстепенные признаки, которые находятся въ тѣсной зависимости отъ существенныхъ. Такъ способность человѣка говорить зависитъ отъ его существенныхъ признаковъ: разума и опредѣленной тѣлесной организаціи. Такіе признаки называются *аттрибутами* А есть признаки, которые не связаны съ существенными и входятъ въ содержаніе представленія какъ бы случайно. Такіе признаки называются *акциденціями*, или случайными признаками Такъ. напр., сгараемость дерева будетъ *аттрибутъ*, такъ какъ представляетъ свойство, постоянно связанное съ однимъ изъ существенныхъ признаковъ дерева, качествомъ самаго вещества, образующаго стволъ и его части; но то, что на деревѣ птица свила гнѣздо, будетъ *акциденціей*, т е. случайнымъ признакомъ, ибо это не есть

ни существенный признакъ дерева, ни такой, который былъ бы связанъ постоянной связью съ его существенными признаками.

Аттрибутъ и существенный признакъ составляютъ какъ бы одно логическое цѣлое. Но аттрибутъ можетъ быть связанъ какъ съ родовымъ признакомъ, такъ и съ видовымъ отличіемъ Отсюда слѣдуетъ, что если аттрибутъ связанъ съ родовымъ признакомъ, то, образуя съ послѣднимъ одно логическое цѣлое, онъ естественно долженъ входить въ составъ всѣхъ понятій, содержаніе которыхъ заключаетъ въ себѣ данный родовой признакъ. Но если аттрибутъ связанъ лишь съ видовымъ отличіемъ, то онъ, конечно, не можетъ существовать въ содержаніи тѣхъ понятій, которыя имѣютъ не это, а свое видовое отличіе, или въ содержаніе которыхъ, какъ напр. родовыхъ понятій, видовое отличіе и не можетъ входить. Родовой признакъ, какъ мы уже знаемъ, составляетъ всегда часть содержанія видового понятія, а потому вполнѣ понятно, что все, свойственное высшему, родовому, подчиняющему понятію, должно принадлежать и низшему, видовому, подчиненному. А такъ какъ, обратно, видовой признакъ не входитъ въ содержаніе родового понятія, то, конечно, и все, что составляетъ одно логическое цѣлое съ видовымъ отличіемъ, не можетъ принадлежать высшему, родовому понятію. Отсюда естественно вытекаетъ правило: все, что относится къ высшему, подчиняющему понятію (или чего нѣтъ въ этомъ понятіи), то принадлежитъ и низшему подчиненному. (или того нѣтъ и въ низшемъ, подчиненномъ понятіи). Но что принадлежитъ низшему понятію, то не можетъ принадлежать высшему. Такъ сгараемость дерева есть свойство, связанное съ родовымъ признакомъ, (ибо горитъ самое вещество, образующее стволъ дерева), а потому оно связано и со всѣми подчиненными понятіями, оно есть свойство липы, дуба, пихты, сосны, ели и т. д. Но если я скажу: липа даетъ душистый медъ, то этотъ аттрибутъ связанъ лишь съ видовымъ отличіемъ липы, (съ особеннымъ качествомъ ея цвѣтенія) а потому не можетъ существовать ни въ содержаніи понятій

дубъ, береза, сосна и т. д., ни тѣмъ болѣе въ содержаніи общаго родового понятія „дерево". И такъ все, что относится къ „дереву" или къ „лиственному дереву", должно относиться и къ липѣ, но не все, что относится къ липѣ, можетъ относиться къ прочимъ лиственнымъ деревьямъ, а тѣмъ болѣе къ дереву вообще. Это правило, касающееся отношенія между общими и частными понятіями, называется въ логикѣ *dictum de omne et de nullo*

Отношеніе низшихъ понятій къ высшему со стороны ихъ объемовъ, именно, что объемъ низшаго понятія составляетъ часть объема высшаго, называется отношеніемъ *подчиненія*.

А отношеніе другъ къ другу тѣхъ видовыхъ понятій, которыя вмѣстѣ подчиняются одному и тому же родовому понятію, называется отношеніемъ *соподчиненія*. Такъ понятія „лиственное дерево" и „хвойное дерево" находятся въ отношеніи *соподчиненія* Соподчиненныя понятія имѣютъ одни и тѣ же родовые признаки и различные видовые (см. выше схему)

Внѣшнее выраженіе понятія есть *слово*. Слова, въ качествѣ знаковъ понятій, называются *терминами*. Одни слова будутъ, конечно, терминами родовыхъ понятій, другія—терминами видовыхъ (дерево—липа, животное—левъ). Но мы знаемъ, что въ языкѣ есть слова, которыя могутъ означать одно и тоже содержаніе и одинъ и тотъ же объемъ. Такія слова называются *тожественными* понятіями (житель Парижа, житель столицы Франціи). Понятно, что тожественныя понятія всегда могутъ замѣнять другъ друга.

Затѣмъ различаютъ еще термины *собирательные* (полкъ, стадо), *относительные* (родители—дѣти, начальники—подчиненные, король—подданные и т. д.), *безотносительные* или *абсолютные* (домъ, храмъ, дерево и т. д.), наконецъ *синонимическіе* (благоприличіе—благопристойность, благочестивый—религіозный, искренній—сердечный и т. д.), но всѣ эти тонкости не имѣютъ въ логикѣ большого значенія. Если же терминъ выражаетъ не общее понятіе, а отдѣльный, единичный предметъ, то онъ получаетъ названіе по-

нятія *индивидуальнаго*. Очевидно, что въ этомъ случаѣ оказывается совпаденіе между понятіемъ и представленіемъ Индивидуальное понятіе—тоже самое, что представленіе отдѣльнаго предмета, иначе сказать,—терминъ индивидуальнаго понятія есть въ тоже время и терминъ представленія. См. Приложеніе 3, стр 58.

Содержаніе понятія можетъ состоять или изъ одного признака или изъ нѣсколькихъ. Въ первомъ случаѣ содержаніе будетъ *простымъ*, во второмъ—*сложнымъ*. Содержаніе общаго понятія, абстрагированное отъ представленій предметовъ конкретныхъ, дѣйствительно существующихъ, будетъ въ большинствѣ случаевъ сложнымъ Но изъ состава содержанія представленій мы можемъ взять не только тѣ общіе признаки, которые называются существенными, но и любое общее свойство, любое общее дѣйствіе и сдѣлать изъ того или другого какъ бы особое общее понятіе, простое по своему содержанію Таковы, напр., понятія: высота, бѣлизна, ширина, грѣхъ, добродѣтель, смерть, сгараемость, плавкость и т. д Такія понятія часто называются абстрактными, отвлеченными, но вѣдь и общія понятія, соотвѣтствующія конкретнымъ представленіемъ, образованы также посредствомъ отвлеченія и въ этомъ смыслѣ тоже могутъ быть названы абстрактными. Но эта абстракція отправляется отъ мысли о конкретныхъ предметахъ, а абстракція понятій въ родѣ высота, бѣлизна и т д отправляется отъ мысли объ отдѣльныхъ признакахъ. Поэтому понятія перваго рода можно назвать *субстанціальными* понятіями (человѣкъ, левъ, дерево, гора и т. д.), а вторыя—*аттрибутивными* понятіями (высота, бѣлизна, движеніе, добродѣтель, грѣхъ, смерть, сгараемость, плавкость и т. д.) Какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть и общими и индивидуальными. Отсюда получается четыре разряда понятій: 1) субстанціальныя общія понятія, напр, человѣкъ, звѣрь, растеніе и т. д. 2) субстанціальныя единичныя или индивидуальныя понятія, напр. Гоголь, Шекспиръ, домъ моего отца, липа, растущая у моего окна и т д. 3) аттрибутивныя общія понятія, напр. грѣхъ, смерть, высота, ширина, сгараемость, движеніе и т д, и 4) аттрибутивныя единичныя или индивидуальныя поня-

тія, напр. смерть Сократа, высота Страсбургскаго собора, ширина Волги и т. д.

Между понятіями различаютъ еще понятія *сравнимыя* и *несравнимыя*. Сравнимыя—это понятія соподчиненныя, т. е вообще охватываемыя какимъ нибудь общимъ признакомъ, Такъ сравнимы звѣри и рыбы, потому что подчинены понятію: животныя позвоночныя, такъ сравнимы бѣлый мраморъ и снѣгъ, потому что подчинены понятію былые предметы. Общій признакъ, который ложится въ основу сравненія называется fundamentum или tertium comparationis Смотря по тому какого рода этотъ признакъ, т. е. существенный онъ или несущественный, и сравненіе можетъ имѣть большую или меньшую логическую цѣну, т. е. можетъ быть или обширнымъ или узкимъ. Такъ сравненіе между хвойнымъ и лиственнымъ деревомъ можетъ дать въ результатѣ установленіе множества какъ различныхъ, такъ и сходныхъ признаковъ, относящихся къ этимъ понятіямъ. Но сравненіе мрамора съ снѣгомъ установитъ сходство между ними лишь въ одномъ признакѣ: бѣлый цвѣтъ. Все остальное представитъ различіе, а потому будетъ совершенно безполезнымъ въ практическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что всякому и безъ дальнѣйшаго сравненія ясно, что между мраморомъ и снѣгомъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ бѣлаго цвѣта. Несравнимыми называются тѣ понятія, которыя не имѣютъ между собою никакихъ общихъ признаковъ, ни существенныхъ, ни второстепенныхъ, напр. красный цвѣтъ и добродѣтель, треугольникъ и свинецъ и т. п

Затѣмъ различаютъ еще понятія *согласныя* и *несогласныя* Если содержаніе одного понятія или часть его содержанія входитъ въ составъ содержанія другого, то такія понятія называются *согласными*. Такъ „дерево“ и „сгараемость“ будутъ понятія согласныя, потому что сгараемость входитъ, какъ аттрибутъ, въ содержаніе понятія „дерево“. Но „дерево“ и „плавкость“ — понятія *несогласныя*, такъ какъ плавкость не связана съ содержаніемъ понятія „дерево“. Согласными могутъ быть названы и такія понятія, которыя имѣютъ общіе родовые признаки, т. е. входитъ въ

составъ одного и того же объема. Такъ „липа“ и „дубъ“ будутъ понятія согласныя, а „липа“ и „желѣзо—понятія несогласныя, потому что не входятъ въ одинъ и тотъ же объемъ и не имѣютъ ничего общаго въ своемъ содержаніи. Впрочемъ видовыя понятія могутъ разсматриваться и какъ согласныя и какъ несогласныя. Они согласны въ своихъ родовыхъ признакахъ и несогласны въ видовыхъ различіяхъ. А потому, будучи разсматриваемы съ послѣдней точки зрѣнія, они оказываются въ отношеніи *противоположности*. И эта противоположность выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ бѣднѣе содержаніемъ то родовое понятіе, которому подчиняются данныя видовыя. Это имѣетъ мѣсто преимущественно въ понятіяхъ аттрибутивныхъ. Такъ родовое понятіе „цвѣтъ“ есть понятіе простое по своему содержанію. Поэтому оно не можетъ имѣть значительной силы въ томъ, чтобы принуждать насъ мыслить охватываемыя имъ видовыя понятія: бѣлый, желтый, красный, синій... черный, какъ понятія согласныя. Напротивъ, видовое различіе этихъ понятій настолько рѣзко выражено, что мысль о ихъ противоположности выступаетъ сама собою. При этомъ легко замѣтить, что противоположность эта выражается какъ бы въ прогрессирующей степени „Красный“ не то же, что „бѣлый“, т. е. противоположно ему, но красный, равно какъ и другіе цвѣта, при извѣстномъ освѣщеніи скорѣе приближаются къ бѣлому, чѣмъ черный, а потому, черный оказывается въ положеніи, какъ говорятъ, наибольшей противоположности бѣлому. Собственно говоря, всѣ подобныя видовыя понятія находятся по отношенію другъ къ другу въ одинаковой противоположности. Если же мы располагаемъ эту противоположность по степенямъ, то это имѣетъ своимъ основаніемъ какое-либо добавочное обстоятельство, или вліяніе опредѣленнаго физическаго условія, какъ относительно цвѣта „бѣлый“, или связь съ оцѣнивающей дѣятельностью сознанія, съ состояніями удовольствія и неудовольствія, убывающихъ и возрастающихъ параллельно даннымъ видовымъ понятіямъ. Такъ понятія: прекрасный, красивый, мало красивый, вовсе некрасивый, безобразный—выражаютъ

собой ту градацію степени восхищенія, отъ высшей точки ея до перехода въ отвращеніе, которая идетъ параллельно даннымъ понятіямъ. Поэтому понятія „прекрасный“ и „безобразный“ находятся въ отношеніи крайней противоположности. То же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ понятіямъ. „добрый“—„злой,“ „пріятный“ — „отвратительный“, „сладкій“—„горькій“ и т д

Но тѣ же самые предметы, которые мы дѣлимъ по степенямъ прогрессирующей противоположности, мы всегда можемъ раздѣлить только на два разряда: на предметы, обладающіе даннымъ признакомъ, и на предметы, не обладающіе имъ. Возьмите какой угодно признакъ—и у васъ готовы два отдѣла предметовъ: тѣ, у которыхъ этотъ признакъ есть, и тѣ, у которыхъ нѣтъ его. Такъ мы можемъ дѣлить предметы или существа на красивые и некрасивые, на добрые и недобрые, на высокіе и невысокіе и т. д. Понятія: красивый, добрый, высокій и пр. называются *положительными*, а некрасивый, недобрый, невысокій и пр.—*отрицательными* понятіями. Послѣднія называются еще *противорѣчивыми* и *неопредѣленными*. Противорѣчивыми они называются въ отличіе отъ противоположныхъ, а неопредѣленными называются потому, что, выражаясь о предметѣ въ отрицательномъ смыслѣ, мы не опредѣляемъ предметъ въ его дѣйствительно присущемъ ему признакѣ. Такъ, говоря о предметѣ, что онъ *небѣлый*, мы не высказываемъ того, какой же онъ: красный, синій, сѣрый или, наконецъ черный. Но очевидно, что неопредѣленныя понятія играютъ роль указателей, въ какомъ кругу видовыхъ понятій должно искать дѣйствительное опредѣленіе даннаго предмета. Когда мы говоримъ: „этотъ предметъ не бѣлый“, то мысль наша устремляется къ тому, чтобы найти, какого же онъ цвѣта. Слѣдовательно, употребляя слово „небѣлый“ мы можемъ думать о предметѣ только то, что онъ или красный, или сѣрый, или синій и т. д.; но трудно допустить, что бы мы могли въ то же время думать о немъ, что онъ или большой, или красивый, или добрый.*) для того, чтобы искать

*) См., напр., учебникъ логики Челпанова, стр. 28.

въ предметѣ эти понятія, должна быть другая точка отправленія. См. Приложеніе 4, стр. 60

Путемъ постепеннаго обобщенія мы поднимаемся къ все высшимъ и высшимъ понятіямъ. Такъ отъ сравненія многихъ конкретныхъ предметовъ, напр., деревьевъ, мы приходимъ къ образованію видовыхъ понятій, „хвойное дерево“, „лиственное дерево“. Обобщеніе этихъ двухъ понятій дастъ родовое понятіе „дерево вообще“, сравненіе дерева съ кустарниками, травами, мхами даетъ еще болѣе общее понятіе „растеніе“. Если же мы сравнимъ растеніе съ животными, то получимъ еще высшее понятіе „существо органическое“, а сравнивши это понятіе съ предметами вообще получимъ еще болѣе общее понятіе „субстанція“, т. е. вещь, предметъ, существующій отдѣльно въ пространствѣ. Такъ же точно отъ отдѣльныхъ признаковъ, напр. красный, синій, бѣлый и т. д. мы приходимъ къ понятію „цвѣтъ“, а, сравнивши цвѣтъ, напр. съ тяжестью, найдемъ, что и то и другое понятіе охватываются общимъ понятіемъ „свойство“ или „качество“. Сравнивши затѣмъ предметы по ихъ различнымъ связямъ, напр. по мѣсту, времени, количеству, причинности и пр., мы найдемъ, что всѣ эти связи обнимаются однимъ общимъ понятіемъ „отношенія“. Вотъ эти-то наиболѣе общія понятія, подъ которыя можетъ быть подведено все, о чемъ мы только можемъ мыслить, называются *категоріями*, т. е самыми общими сказуемыми (отъ греч. глагола κατηγορέω, что значитъ сказываю). Ибо все, о чемъ мы только можемъ мыслить, непремѣнно должно имѣть сказуемымъ или понятіе *субстанціи*, или *свойства*, или *отношенія*. Такъ всѣ отдѣльно существующіе предметы, напр. ангелъ, человѣкъ, лошадь, дерево и т. д. мы подводимъ подъ понятіе „субстанціи“; все чѣмъ, обладаютъ предметы, подводимъ подъ понятіе „свойства“, а связь предметовъ подъ понятіе „отношенія“. Отецъ логики Аристотель первый обратилъ вниманіе на эти общія сказуемыя, т. е. категоріи. Но онъ насчитывалъ ихъ слишкомъ много. По Аристотелю существуетъ десять категорій: субстанція, количество, качество, отношеніе, мѣсто, время, положеніе, обладаніе, дѣй-

ствіе, страданіе Очевидно однако, что категоріи: количество, мѣсто, время. положеніе, обладаніе, дѣйствіе и страданіе выражаютъ не что иное какъ связи предметовъ. а потому всѣ охватываются общей категоріей „отношеніе“. И такъ собственно существуютъ три категоріи: вещь или „субстанція“, признакъ или „свойство“ и „отношеніе“ (substantia, modus, relatio).

---

2. О сужденіи.

§ 1. Дѣленіе сужденій.

Мыслить—значитъ связывать представленія. Но такъ какъ каждому представленію, какъ его внѣшнее выраженіе, соотвѣтствуетъ то или другое слово, то можно съ перваго раза подумать, что связь представленій можетъ выражаться не иначе. какъ связью двухъ отдѣльныхъ словъ. Однако такое мнѣніе будетъ ошибочнымъ. Ибо слово, взятое, какъ понятіе, заключаетъ уже въ себѣ связь представленій, такъ какъ подъ понятіемъ не только мыслится. положимъ, внѣшній видъ конкретнаго предмета, но и опредѣленные общіе признаки, обусловливающіе связь этого предмета съ другими предметами. Только въ данномъ случаѣ мыслится связь постоянная. связь предмета съ его существенными, постоянными или по крайней мѣрѣ особенными характеристическими признаками, такая связь, которая можетъ оставаться неварушенной при всѣхъ послѣдующихъ связяхъ даннаго предмета съ какими угодно представленіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ даетъ возможность прослѣдить, какъ при указанномъ условіи предложеніе превращается въ понятіе, т. е. какъ предложеніе постепенно замѣняется отдѣльнымъ терминомъ „Человѣкъ возитъ воду“—это предложеніе можетъ означать временный признакъ, и тогда оно такъ и останется предложеніемъ. Но если предикатъ „возитъ воду“ выражаетъ отличительный признакъ, напр. постоянное занятіе данной личности, то предложеніе можетъ превратить-

ся въ понятіе: „*воду возящій* человѣкъ“, а это сокращается прямо въ отдѣльный терминъ: „*водовозъ*“. Итакъ понятіе выражаетъ собой связь представленій, слитую въ отдѣльное слово. Это совершенно постоянная, какъ бы застывшая, въ силу своего постоянства, связь данныхъ представленій. Но если мы возьмемъ связь представленій въ самомъ процессѣ ея образованія, въ самомъ наглядномъ, такъ сказать, соединеніи представленій, то, разумѣется, мы не иначе можемъ выразить ее, какъ въ формѣ двухъ отдѣльныхъ терминовъ, сплоченныхъ логическимъ смысломъ въ одно цѣлое, въ то цѣлое, которое и носитъ названіе *сужденія* Слѣдовательно, *сужденіемъ называется связь двухъ понятій (или представленій), выраженная въ самомъ логическомъ процессѣ ихъ соединенія.*

Такимъ образомъ въ сужденіи находятся двѣ главныхъ части, два понятія: то, которое мы ищемъ связать съ другимъ (т. е. то, о которомъ мы что либо хотимъ мыслить), и то, которое связывается съ даннымъ понятіемъ (т е. то, которое выражаетъ, что именно мы мыслимъ о послѣднемъ) Первое называется *субъектомъ*, а второе—*предикатомъ* сужденія.

Чтобы показать съ наибольшею ясностью, что данныя два понятія дѣйствительно поставлены въ мыслительную связь, а не стоятъ рядомъ совершенно случайно, между ними употребляется такъ называемая *связка*, выражаемая главнымъ образомъ глаголомъ быть (при именномъ предикатѣ: при глагольномъ связкой служитъ личное окончаніе глагола *).

Мыслить значитъ связывать представленія по сходству

---

*) Впрочемъ большая или меньшая настоятельность въ требованіи грамматикой употребленія этой связки (глагола быть) есть чисто дѣло практики того или другого языка, и связка легко можетъ быть опущена. Въ русскомъ языкѣ даже обязательно выпущеніе связки (глагола быть), если при составномъ сказуемомъ, выраженномъ именемъ прилагательнымъ, связка эта поставлена въ настоящемъ времени Никто изъ природныхъ русскихъ не скажетъ: „домъ есть красивъ“, а просто „домъ красивъ“.

и различію. Связь по различію есть связь отрицательная. Слѣдовательно, положительная связь можетъ быть лишь связью по сходству.

Но улавливать сходство можно лишь между понятіями одной и той же категоріи, ибо я могу сравнивать лишь предметы съ предметами, качества съ качествами, дѣйствія съ дѣйствіями. Слѣдовательно, въ сужденіяхъ положительныхъ предикатъ долженъ означать понятіе одной категоріи съ субъектомъ. Если субъектъ выражаетъ, напр., конкретный предметъ, то такой же предметъ долженъ мыслиться и въ предикатѣ. При этомъ могутъ быть два случая: или предикатъ равенъ по своему объему субъекту, или включаетъ субъектъ въ свой объемъ. Такъ, напр., въ сужденіи: „Петербургъ есть столица Россіи"—предикатъ равенъ по объему субъекту „Петербургъ", а въ сужденіи „Петербургъ есть столица" субъектъ включается въ объемъ предиката „столица" (ибо не одинъ Петербургъ можетъ быть названъ столицей). Въ первомъ случаѣ получается сужденіе *равенства*, а во 2-мъ *подчиненія*. Если же предикатомъ въ сужденіи означается не предметъ, а только свойство (или дѣйствіе), то дѣло остается безъ измѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, свойство (или дѣйствіе), означаемое предикатомъ, можетъ быть или совершенно индивидуальнымъ, т. е. принадлежать только тому предмету, который является субъектомъ сужденія, и никакому другому, или можетъ быть общимъ, т. е. принадлежать кромѣ субъекта даннаго сужденія и многимъ другимъ предметамъ. Если предикатъ выражаетъ свойство индивидуальное, то значитъ въ предикатѣ мыслится вмѣстѣ съ этимъ свойствомъ тотъ же самый предметъ, какой полагается въ субъектѣ, ибо свойство, данное какъ характеристика, не можетъ мыслиться отдѣльно отъ своего предмета. А тогда, значитъ, субъектъ и предикатъ такъ же точно будутъ находиться въ отношеніи равенства, ибо будутъ заключать въ себѣ, и тотъ и другой, понятія съ однимъ и тѣмъ же объемомъ. Если же предикатъ заключаетъ въ себѣ выраженіе какого либо общаго свойства, то вѣдь свойство это потому и называется общимъ, что охватываетъ собой цѣлый кругъ

предметовъ, въ которомъ, слѣдовательно, есть мѣсто и данному субъекту. Слѣдовательно, здѣсь между субъектомъ и предикатомъ существуетъ то же отношеніе подчиненія, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда предикатомъ является какой-либо конкретный предметъ.

Итакъ, если положительная связь между двумя понятіями можетъ быть лишь связью по сходству, то сходство это (въ объемахъ) будетъ или *полнымъ* (и тогда является сужденіе *равенства*) или неполнымъ (и тогда получается сужденіе *подчиненія*) См Приложеніе 5, стр. 61.

Но такъ какъ связывать представленія я могу не только по сходству, но и по различію, а связь по различію, какъ было уже упомянуто, даетъ начало сужденіямъ отрицательнымъ, то стало быть по связи субъекта съ предикатомъ сужденія являются въ двоякой формѣ: *положительной* и *отрицательной*. Напр. Пруссія есть часть Европы, Европа не Азія. Это дѣленіе на положительныя и отрицательныя называютъ обыкновенно дѣленіемъ сужденій по *качеству*

Затѣмъ утвержденіе или отрицаніе даннаго предиката можетъ относиться или ко всему объему даннаго субъекта или только къ части его-или даже къ отдѣльному предмету изъ этого объема. Этимъ опредѣляется *количество* сужденій. Слѣдовательно, по количеству сужденія раздѣляются на *общія* (всѣ люди смертны), *частныя* (нѣкоторыя люди богаты) и *единичныя* (этотъ человѣкъ благочестивъ).

Примѣчаніе 1. Слѣдуетъ замѣтить, что на указанномъ основаніи общими должны признаваться одинаково какъ родовыя, такъ и видовыя сужденія, ибо предикатъ одинаково можетъ быть приписанъ всему объему или части объема какъ *родового* понятія, такъ и *видового*. „Деревья имѣютъ корни“—„березы имѣютъ корни“: эти два сужденія не одинаковы по своей общности, но они одинаково причисляются къ общимъ сужденіямъ, потому что и въ томъ и другомъ предикатъ принадлежитъ всему объему субъекта. Вотъ почему, чтобы обозначить, что предикатъ относится лишь къ части объема субъекта, словесное выраженіе послѣдняго

заключаетъ въ себѣ слова нѣкоторые, иные, многіе, большая часть и т. п.

Примѣчаніе 2. Единичныя сужденія, собственно говоря, не могутъ относиться къ общимъ, такъ какъ предикатъ хотя и принадлежитъ въ нихъ всему субъекту, но онъ относится къ цѣлому единичному предмету, а не къ объему: единичныя понятія имѣютъ объемъ, равный единицѣ, т. е. собственно говоря, не имѣютъ объема, слѣдовательно мы можемъ говорить лишь о частяхъ этого самаго предмета, а не о частяхъ его объема: вѣдь части, изъ которыхъ слагается единичный предметъ, не суть части его объема. Поэтому здѣсь и не можетъ быть того противоположенія частнаго общему, какое лежитъ въ основѣ дѣленія сужденій на частныя и общія. Слѣдов., единичныя сужденія, если будутъ разсматриваться лишь съ точки зрѣнія одного субъекта, должны быть отнесены къ сужденіямъ частнымъ и даже частнымъ по преимуществу, потому что единичный предметъ есть часть объема видового, стало быть послѣдняя недѣлимая часть объема родового понятія. Но единичныя сужденія могутъ все-таки играть роль и общихъ, если почему либо необходимо взять во вниманіе то, что предикатъ относится въ нихъ ко всему объему, хотя объемъ этотъ и равняется единицѣ.

Само собою, конечно, понятно, что утвержденіе или отрицаніе предиката за даннымъ субъектомъ сужденія можетъ касаться какъ общихъ, такъ и частныхъ сужденій. Отсюда у насъ получается четыре разряда сужденій, представляющіе соединеніе дѣленія сужденій по качеству съ дѣленіемъ ихъ по количеству: 1, Общеутвердительныя, 2, частноутвердительныя, 3, общеотрицательныя, 4, частноотрицательныя. Въ логикѣ давно вошло въ обыкновеніе обозначать эти сужденія буквами A, I, E, O, взятыми изъ латинскихъ глаголовъ: affirmo (утверждаю) и nego (отрицаю). Такъ A означаетъ общеутвердительное, I—частноутвердительное. E—общеотрицательное и O частноотрицательное сужденіе.

Отъ Канта идетъ дѣленіе сужденій на *аналитическія* и

синтетическія Дѣленіе это поставлено Кантомъ въ зависимость отъ того, откуда получается предикатъ даннаго сужденія. „Или сказуемое (предикатъ) В относится къ подлежащему А какъ нѣчто, заключающееся въ этомъ понятіи А (скрытымъ образомъ); или В находится внѣ понятія А, хотя и состоитъ съ нимъ въ связи. Въ первомъ случаѣ сужденіе называется аналитическимъ, во второмъ синтетическимъ“). Мнѣніе это нашло себѣ однако основательное возраженіе. Указывали на то, что нѣтъ сложныхъ понятій, содержаніе которыхъ не расширялось бы еще болѣе, воспринимая въ себя все новые и новые признаки. Поэтому одно и тоже сужденіе для однихъ, кто еще не знаетъ, что предикатъ этого сужденія есть признакъ, который уже мыслится въ содержаніи субъекта, оно будетъ синтетическимъ, а для другихъ, уже мыслящихъ этотъ признакъ въ содержаніи субъекта, оно, очевидно, будетъ аналитическимъ. А отсюда падаетъ всякое логическое основаніе дѣлить сужденія на аналитическія и синтетическія. Однако дѣленіе это можетъ быть и сохранено, если мы согласимся аналитическими называть только тѣ сужденія, предикатъ которыхъ есть признакъ, усматриваемый въ содержаніи даннаго субъекта по первому непосредственному наглядному воззрѣнію. А синтетическими сужденіями будутъ называться тѣ, въ которыхъ предикатъ есть признакъ, усвоенный содержанію субъекта не въ силу непосредственнаго воззрѣнія, а благодаря какимъ либо дальнѣйшимъ актамъ сознанія, напр. благодаря размышленію, сравненію, опытамъ и т. д. Такъ, напр., сужденіе: „треугольникъ есть фигура, имѣющая три стороны“, будетъ сужденіемъ аналитическимъ, ибо тотъ признакъ, что треугольникъ образуется опредѣленнымъ пересѣченіемъ трехъ линій, есть признакъ, усматриваемый въ треугольникѣ тотчасъ же какъ мы взглянемъ на него; но сужденіе: „сумма внутреннихъ угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ угламъ“ есть сужденіе синтетическое, ибо равенство угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ выведено нами не

) Критика чистаго разума, перев. Владиславлева, 1867 г. стр. 8.

прямо изъ простого воспріятія фигуры треугольника, а благодаря размышленію. См. приложеніе 6, стр. 69.

Обращаясь теперь къ тому дѣленію сужденій, какое установлено Кантомъ въ его „Критикѣ чистаго разума“ для сужденій, различаемыхъ по разнымъ другимъ связямъ между субъектомъ и предикатомъ, мы должны замѣтить, что это дѣленіе почти цѣликомъ употребляется въ современныхъ руководствахъ по логикѣ. Отбрасываются обыкновенно лишь сужденія безконечныя. По системѣ Канта сужденія дѣлятся на четыре отдѣла и каждый отдѣлъ на три вида. Кантъ дѣлитъ сужденія: 1, по количеству, 2, по качеству, 3, по отношенію и 4, по модальности. Сужденія по количеству (т. е. по отношенію къ субъекту) дѣлятся на общія, частныя и единичныя; по качеству (т. е. по отношенію къ предикату) на утвердительныя, отрицательныя и безконечныя; по отношенію между субъектомъ и предметомъ—на категорическія, условныя и раздѣлительныя и по модальности, т. е по видоизмѣненію связи между субъектомъ и предикатомъ—на возможныя, дѣйствительныя и необходимыя. Стоитъ однако нѣсколько внимательнѣе взглянуть на это дѣленіе, чтобы замѣтить его несостоятельность. Во 1-хъ, можно-ли брать за основаніе дѣленія понятіе „отношенія“ въ примѣненіи къ тѣмъ видамъ сужденій, какіе указаны въ 3-мъ отдѣлѣ, т. е. къ сужденіямъ категорическимъ, условнымъ и раздѣлительнымъ? По „отношенію“ между субъектомъ и предикатомъ сужденія могутъ дѣлиться лишь на сужденія равенства и подчиненія. Въ категорическихъ же сужденіяхъ берется во вниманіе не отношеніе между субъектомъ и предикатомъ, а характеръ связи между послѣдними, въ этомъ же смыслѣ эти сужденія одинаково должны противополагаться какъ условнымъ, такъ и проблематическимъ, и отожествляться съ ассерторическими и аподиктическими. Раздѣлительныя же сужденія не могутъ быть отнесены ни къ сужденіямъ, различаемымъ по отношенію, ни къ сужденіямъ, различаемымъ по характеру связи. Раздѣлительное сужденіе есть не что иное, какъ составное сужденіе, представляющее соединеніе въ одно нѣсколькихъ отдѣльныхъ

сужденій, раскрывающихъ въ своей совокупности объемъ того или другого понятія. Но связь между предикатомъ и субъектомъ въ этихъ отдѣльныхъ сужденіяхъ, сливаемыхъ въ одно, можетъ быть такъ же точно или рѣшительна (категорична) или условна, или проблематична, какъ и во всякихъ другихъ. Оттого и раздѣлительныя сужденія могутъ являться или категорически-раздѣлительными, или условно-раздѣлительными, или проблематически раздѣлительными. „Люди бываютъ или богатые, или средняго состоянія, или бѣдные“—это сужденіе категорически-раздѣлительное. „Если человѣкъ совершенно отдастся во власть порока, то онъ или покончитъ жизнь самоубійствомъ, или сойдетъ съ ума, или, по крайней мѣрѣ, потеряетъсвое здоровье“—это сужденіе условно-раздѣлительное. „На Марсѣ, быть можетъ, или нѣтъ никакой жизни, или есть жизнь низшая земной, или одинаковая съ нею, или даже высшая земной“ это сужденіе проблематически-раздѣлительное.

Чтобы представить правильное дѣленіе сужденій, надо возстановить указанное еще стоиками и вновь предложенное Иберегомъ дѣленіе сужденій по составу, дѣленіе, забытое со временъ Канта. *). Тогда у насъ получится слѣдующее дѣленіе сужденій.

1. По отношенію къ субъекту (по *количеству*) сужденія дѣлятся на *общія* и *частныя*.

2. По отношенію къ предикату (по *качеству*)—на *утвердительныя* и *отрицательныя*.

3. По *отношенію* между субъектомъ и предикатомъ—на сужденія *равенства* и *подчиненія*.

4. По *составу*—на простыя и составныя

5. По *характеру связи* между субъектомъ и предикатомъ—на категорическія и гипотетическія.

Простыя категорическія подраздѣляются на ассерторическія и аподиктическія.

Къ составнымъ категорическимъ принадлежатъ категорически—раздѣлительныя и причинныя

---

*) См. объ этомъ у Зигварта, Логика, т. I. стр. 241

Къ составнымъ гипотетическимъ относятся условныя, условно-раздѣлительныя и проблематически-раздѣлительныя.

Это дѣленіе можетъ быть представлено, для большей наглядности, въ нижеслѣдующей таблицѣ)

По составу	По связи между предикатомъ и субъектомъ	
	Категорическія	Гипотетическія
Простыя	Ассерторическія Аподиктическія	Проблематическія
Составныя	Причинныя Раздѣлительныя	Условныя, условно-раздѣлительныя, проблематически-раздѣлительныя.

Примѣчаніе. Включая въ логику отдѣлъ составныхъ сужденій, мы должны при этомъ указать различіе между логическимъ составнымъ сужденіемъ и грамматическимъ сложнымъ предложеніемъ, дабы не давать повода къ предположенію, что здѣсь включается просто отдѣлъ изъ грамматики. Въ грамматикѣ, какъ извѣстно, составнымъ или сложнымъ предложеніемъ, называется каждое предложеніе, представляющее соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ предложеній, безотносительно къ тому, будутъ ли эти предложенія просто расширеніемъ даннаго субъекта или предиката или будутъ выражать опредѣленное логическое отношеніе, напр. слѣдствія къ основанію или видовыхъ понятій къ объему родового. Логика беретъ во вниманіе, въ качествѣ составныхъ, только тѣ сужденія, соединеніе

*) Изъ таблицы опущены дѣленія сужденій по количеству, качеству и отношенію, такъ какъ каждое изъ означенныхъ въ таблицѣ сужденій можетъ являться или утвердительнымъ или отрицательнымъ, общимъ или частнымъ, сужденіемъ равенства или подчиненія.

или слияніе которыхъ знаменуетъ собой именно какое-либо логическое отношеніе. Такъ, если говорящій желаетъ подкрѣпить соединеніе предиката съ субъектомъ ссылкою на основаніе этого соединенія, то получается связь двухъ категорическихъ сужденій, представляющихъ въ данномъ случаѣ одно логическое цѣлое, которое можно назвать категорическимъ причиннымъ сужденіемъ. „Такъ какъ рожь вполнѣ созрѣла, то ее начали жать“—говорящій не только упоминаетъ о началѣ жатвы, но и указываетъ причину этого начала. Это сужденіе причинное. Если говорящій выскажетъ причину (или основаніе) предполагаемое, то получится сужденіе условное. „Если бы каждый человѣкъ хорошо зналъ самого себя, то предохранилъ бы себя, можетъ быть, отъ многихъ ошибокъ въ жизни“—здѣсь предположеніе о предохраненіи отъ ошибокъ ставится въ зависимость отъ предположенія самопознанія: это сужденіе условное. Или если нѣсколько отдѣльныхъ предложеній будутъ выражать каждое не что иное, какъ подчиненіе видового понятія одному и тому же родовому (липа есть дерево, дубъ дерево и т. д.), то черезъ пріемъ сліянія ихъ въ одно сужденіе получится слитное раздѣлительное сужденіе, въ которомъ будетъ указанъ, въ большей или меньшей степени, объемъ даннаго родового понятія. Опустивъ повтореніе слова „дерево“, мы скажемъ короче: липа, дубъ, береза суть деревья, или иначе деревья раздѣляются на липу, дубъ, березу и т. д. или: деревья суть или липы, или дуба, или березы и т. д. Все это будутъ составныя категорическія раздѣлительныя сужденія. Но предложеніе: „иву, которая росла на берегу рѣки сломило бурею“ не будетъ въ логическомъ смыслѣ составнымъ сужденіемъ, а только сложнымъ (граматически) предложеніемъ, потому что здѣсь придаточное предложеніе входитъ въ составъ субъекта, а не употреблено для выраженія какого либо логическаго отношенія между сужденіями.

Изъ приведенной выше таблицы явствуетъ, что проблематическія сужденія по значенію своему сближены нами не съ аподиктическими и ассерторическими, какъ это обыкновенно принимается, согласно съ Кантомъ, а съ условными. И въ самомъ домѣ, отличительный признакъ и тѣхъ и другихъ тотъ, что связь между субъектомъ и предикатомъ въ нихъ есть связь предположительная, только въ условныхъ эта связь дополняется еще ссылкой на предполагаемое основаніе предположенной связи, а въ простыхъ проблематическихъ такой ссылки нѣтъ. „Возможно, что Марсъ населенъ"—это простое предположеніе. „Если физическія условія жизни на Марсѣ тѣ же, что и на землѣ, то возможно, что Марсъ населенъ"—здѣсь предположеніе относительно населенности Марса дополняется предполагаемымъ основаніемъ допустимости сдѣланнаго предположенія.

Такимъ образомъ съ аподиктическими и ассерторическими проблематическія сужденія могутъ быть сближены лишь по составу (всѣ они простыя) Между тѣмъ другъ съ другомъ ассерторическія и аподиктическія сближаются не только по составу, но и по значенію, потому что они одинаково выражаютъ рѣшительную связь между субъектомъ и предикатомъ. Въ чемъ же, спрашивается, состоитъ ихъ видовое различіе? Въ ассерторическихъ сужденіяхъ рѣшительность связи между субъектомъ и предикатомъ зависитъ отъ увѣренности въ томъ, что связь эта дѣйствительно выражаетъ опредѣленный фактъ, а въ аподиктическихъ эта увѣренность идетъ до признанія того, что связь между предикатомъ и субъектомъ есть связь необходимая, т е. такая, мыслить отрицаніе которой невозможно. Немыслимость, отрицанія связи между предикатомъ и субъектомъ—вотъ отличительный признакъ аподиктическихъ сужденій. Я не могу мыслить, чтобы прямая линія *не была* кратчайшимъ разстояніемъ между двумя точками; я не могу мыслить, чтобы число три *не состояло* изъ трехъ единицъ и т. п Вотъ сужденія строго аподиктическія.

См. приложеніе 7, стр 76.

§ 2. О совмѣстимости сужденій.

Такъ какъ каждое сужденіе, какое бы оно ни было— по связи, по составу или по отношенію между предикатомъ и сказуемымъ—можетъ являться въ четырехъ формахъ, обозначаемыхъ буквами A, I, E и O, и такъ какъ большая или меньшая цѣнность каждаго сужденія зависитъ отъ признанія его истиннымъ или ложнымъ, то естественно можетъ возникнуть вопросъ, всегда-ли эти сужденія, взятыя совмѣстно въ указанныхъ четырехъ формахъ, т. е. сужденія общеутвердительныя, общеотрицательныя, частноутвердительныя и частноотрицательныя могутъ имѣть одну и ту же цѣнность истинности или одинаковое отрицаніе этой цѣнности. Такъ если одно и то же сужденіе, т. е. состоящее изъ одного и того же субъекта и предиката, мы совмѣстно возьмемъ въ формахъ общеутвердительнаго и общеотрицательнаго, или въ формахъ общеутвердительнаго и частноутвердительнаго сужденія и т. д., то спрашивается, всегда-ли возможна совмѣстимость цѣнности ихъ, какъ сужденій истинныхъ, или совпаденіе отрицанія ихъ цѣнности, какъ сужденій ложныхъ? Не окажется-ли иногда дѣло такимъ образомъ, что изъ двухъ взятыхъ совмѣстно сужденій одно будетъ истиннымъ, а другое ложнымъ, такъ что, взятыя вмѣстѣ, они не могутъ являться основаніемъ истинности какой либо мысли? Могутъ ли эти сужденія, сопоставленныя другъ съ другомъ, всегда быть одинаково истинными или одинаково ложными? Если нѣтъ, то требуется указать, въ какихъ случаяхъ возможно совпаденіе ихъ цѣнности или отрицанія этой цѣнности, и въ какихъ эта цѣнность должна быть различной. Для этого нѣтъ другого способа, какъ пересмотрѣть всѣ случаи сопоставленія указанныхъ сужденій.

Прежде, однако, чѣмъ начать обозрѣніе этихъ сопоставленій, скажемъ, отчего можетъ зависѣть ложность сужденія. Здѣсь мы можемъ различать два случая, или ложность состоитъ въ томъ, что субъекту приписывается предикатъ, совершенно несогласный съ его природой, или въ

томъ, что предикатъ, хотя и непротивный природѣ субъекта, отнесенъ ко всему объему послѣдняго, тогда какъ онъ можетъ быть приписанъ лишь части этого объема. Если вы скажете, напр: „всѣ люди имѣютъ крылья“, то это будетъ, очевидно, сужденіе ложное, и ложь его будетъ въ томъ, что субъекту приписанъ предикатъ несогласный съ его природой. Если же вы скажете: „всѣ люди богаты“, то и это будетъ сужденіе ложное, но ложь его только въ томъ, что вы отнесли предикатъ „богаты“ ко всему объему субъекта. Отсюда слѣдуетъ, что общеутвердительное сужденіе лишь тогда можетъ быть истиннымъ, когда предикатъ можетъ быть отнесенъ ко всему объему даннаго субъекта.

Теперь обратимся къ сопоставленію сужденій. Возьмемъ два одинаковыхъ общихъ сужденія, одно утвердительное, другое отрицательное: „всѣ люди смертны“. „всѣ люди не смертны“. „Всѣ люди смертны“ будетъ сужденіе истинное, ибо предикатъ „смертны“ мы имѣемъ право отнести ко всему объему субъекта „люди“. Но тогда въ силу закона противорѣчія ложнымъ должно быть отрицательное сужденіе „всѣ люди не смертны“. ибо совмѣстное утвержденіе и отрицаніе одного и того же признака за однимъ и тѣмъ же субъектомъ уничтожаетъ возможность познанія. Отсюда дается правило: *истинность общеутвердительнаго сужденія заключаетъ въ себѣ ложь общеотрицательнаго.*

Если же общеутвердительное сужденіе истинно, то истиннымъ должно быть и соотвѣтствующее частное, ибо все что относится къ общему, должно относится и къ частному. Если „всѣ люди смертны“ сужденіе истинное, то истинно будетъ и сужденіе: „нѣкоторые люди смертны“, и ложнымъ „нѣкоторые люди не смертны“, соотвѣтствующее ложному общеотрицальному. Слѣдовательно, *истинность общеутвердительнаго сужденія заключаетъ въ себѣ и истинность частноутвердительнаго, ложь соотвѣтствующаго общеотрицательнаго предполагаетъ и ложь частноотрицательнаго.*

Посмотримъ теперь, какъ будетъ обстоять дѣло, если мы возьмемъ общеутвердительное сужденіе не истинное, а ложное. Ложь сужденій, какъ мы сказали, имѣетъ два вида.

Беремъ первый случай. „Всѣ люди имѣютъ крылья“. Это ложь. Тогда очевидно истиной будетъ. „Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ крыльевъ“ Слѣдовательно, *ложь общеутвердительнаго сужденія заключаетъ въ себѣ истинность общеотрицательнаго.* Для соотвѣтствующихъ частныхъ сохраняется то же самое правило. какое было сейчасъ указано, относительно сужденій общеутвердительныхъ истинныхъ, т. е. *ложь общеутвердительнаго сужденія ведетъ за собой и ложь частноутвердительнаго и истинность соотвѣтствующаго общеотрицательнаго предполагаетъ и истинность частноотрицательнаго.* „Всѣ люди имѣютъ крылья“ сужденіе ложное, слѣдов. и „нѣкоторые люди имѣютъ крылья“ тоже будетъ сужденіе ложное. „Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ крыльевъ“— сужденіе истинное, слѣдов и „нѣкоторые люди не имѣютъ крыльевъ“ тоже сужденіе истинное.

Беремъ теперь второй случай. „Всѣ люди богаты“. Ложь здѣсь не въ самомъ предикатѣ. а въ томъ, что предикатъ отнесенъ ко всему объему даннаго субъекта. Слѣдовательно, если ложь въ томъ. что „*всѣ люди* богаты“, то значитъ истина будетъ въ томъ, что „*нѣкоторые* люди богаты“. Но если это послѣднее истинно. то значитъ не можетъ быть истиннымъ: „всѣ люди *не* богаты“. Это сужденіе стало быть такъ же ложно. какъ и общеутвердительное. А такъ какъ ложь его имѣетъ ту же основу, что и для общеутвердительнаго (въ объемѣ), то значитъ истиннымъ должно быть соотвѣтствующее частное „нѣкоторые люди не богаты“. Отсюда слѣдуетъ. что если ложь заключается въ объемѣ то: *ложь общеутвердительнаго и общеотрицательнаго заключаетъ въ себѣ истинность соотвѣтствующихъ частноутвердительнаго и частноотрицательнаго.*

Изъ изложеннаго такимъ образомъ явствуетъ, что общеутвердительныя и общеотрицательныя противорѣчивыя сужденія *не могутъ быть вмѣстѣ истинными, но могутъ быть при извѣстномъ условіи вмѣстѣ ложными.*

Что же касается до частныхъ противорѣчивыхъ сужденій, то они *не могутъ быть вмѣстѣ ложными, но могутъ быть вмѣстѣ истинными.* Они могутъ быть вмѣстѣ истин-

ными, если ложь соотвѣтствующихъ общихъ заключается въ объемѣ, и не могутъ быть вмѣстѣ ни истинными ни ложными (одно должно быть истиннымъ, а другое ложнымъ), если ложь заключается въ предикатѣ.

Слѣдовательно, *совмѣщеніе цѣнности* возможно лишь для сужденій *противорѣчивыхъ частныхъ*, а для *общихъ противорѣчивыхъ* возможно лишь *совмѣщеніе отрицанія ихъ цѣнности.*

Относительно же совмѣщенія цѣнности сужденій общихъ съ частными оказывается, что это совмѣщеніе дается для сужденій общеутвердительныхъ и частноутвердительныхъ и совмѣщеніе отрицанія этой цѣнности для сужденій общеотрицательныхъ и частноотрицательныхъ. Совмѣщеніе же отрицанія цѣнности сужденій общеутвердительныхъ съ частноутвердительными получается лишь въ томъ случаѣ, когда ложь общеутвердительнаго заключается въ предикатѣ. Если же ложь въ объемѣ, то отрицаніе цѣнности общеутвердительнаго заключаетъ въ себѣ, напротивъ, утвержденіе цѣнности соотвѣтствующаго частноутвердительнаго. Тоже самое и для общеотрицательныхъ сужденій, т е ложь общеотрицательнаго предполагаетъ въ данномъ случаѣ истинность частноотрицательнаго.

§ 3. О видоизмѣненіи сужденій.

Очень часто въ учебникахъ логики отдѣлъ объ умозаключеніяхъ начинается съ раздѣленія умозаключеній на двѣ группы: 1, умозаключенія въ несобственномъ смыслѣ или непосредственныя умозаключенія и 2, умозаключенія въ собственномъ смыслѣ или посредственныя*). Но назвать умозаключеніе *умозаключеніемъ въ несобственномъ смыслѣ*,

---

*) См. напр, учебникъ Логики Свѣтилина, изд. 3. стр 55, Учеб логики Челпанова, стр. 69. 4-мъ изд. Элементарный учеб. логики С Джевонса, перев. Антоновича, СПБ. 1881 г стр. 91. Учеб логики Продана, 1909 г. стр. 60. Логика, Минто, перев. Иваповскаго, М. 1909, стр. 182

значитъ сказать, что это умозаключеніе имѣетъ только *видъ* умозаключенія, а не есть настоящее умозаключеніе, и что слѣдовательно никакихъ непосредственныхъ умозаключеній, какъ особой логической формы мышленія, быть не можетъ. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Существуетъ только три элементарныя формы мышленія: понятіе, сужденіе и умозаключеніе, и эти три формы заключаютъ въ себѣ опредѣленную принудительность для процесса мышленія. Если я произношу то или другое слово, въ цѣляхъ быть понятымъ, я необходимо мыслю подъ нимъ опредѣленное содержаніе; если мнѣ даны два понятія, соединенныя опредѣленнымъ образомъ (какъ субъектъ и предикатъ), я необходимо мыслю эти понятія въ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу; если мнѣ даны два понятія, поставленныя въ одинаковое отношеніе къ одному и тому же третьему, я необходимо заключаю о таковомъ же отношеніи ихъ другъ къ другу. Когда, напр., мнѣ говорятъ: „всѣ люди могутъ ошибаться, а Петръ человѣкъ“, то я не могу не сознавать, что сказанное необходимо влечетъ за собой выводъ: слѣдовательно, Петръ можетъ ошибаться. Вотъ этой-то черты необходимости, принудительности къ тому, чтобы сдѣлать требуемое добавленіе, совершенно не заключаетъ въ себѣ то соединеніе сужденій, которое называютъ „непосредственными умозаключеніями“ Въ самомъ дѣлѣ, когда мнѣ говорятъ: „всѣ львы суть хищныя животныя“, то спрашивается, что для меня необходимо вывести изъ этого сужденія? Правда, я *могу* сказать „всѣ львы не суть не хищныя животныя“ или „нѣкоторыя хищныя животныя суть львы“, но сказать это не требуется необходимо: я *могу* сказать, если мнѣ это нужно, но въ самомъ-то сужденіи нѣтъ ничего, что предъявляло бы мнѣ необходимость сказать это. Поэтому, если я соединю оба сужденія и скажу: „всѣ львы суть хищныя животныя, *слѣдовательно* всѣ львы не суть не хищныя животныя, или—нѣкоторыя хищныя животныя суть львы“, то въ этомъ случаѣ союзъ *слѣдовательно* будетъ относиться не къ необходимости вывода второго предложенія изъ перваго, а только къ возможности съ моей стороны поставить рядомъ

тоже самое сужденіе въ измѣненной формѣ. Вотъ собственно какой смыслъ скрывается подъ этимъ соединеніемъ сужденій: „всѣ львы суть хищныя животныя"; слѣдовательно, я могу сказать, если нужно: „всѣ львы не суть не хищныя животныя", „или нѣкоторыя хищныя животныя суть львы". т. е. если мнѣ дано сужденіе, то я могу, въ случаѣ надобности, видоизмѣнить его опредѣленнымъ способомъ. Такимъ образомъ союзъ *слѣдовательно* употребляется здѣсь не въ томъ смыслѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительномъ умозаключеніи; въ послѣднемъ этотъ союзъ указываетъ на необходимость опредѣленнаго вывода, а здѣсь нѣтъ собственно никакого вывода, есть только подобіе его вслѣдствіе употребленія этого союза „слѣдовательно". Здѣсь существуетъ только возможность видоизмѣнить данное сужденіе. Поэтому здѣсь должна идти рѣчь лишь о *видоизмѣненіи* сужденій, а не объ умозаключеніи.

Посмотримъ теперь, какъ могутъ *видоизмѣняться* сужденія. Во 1-хъ сужденія могутъ видоизмѣняться *по качеству*, т. е. вмѣсто утвердительной формы я могу взять, не измѣняя смысла сужденія, равнозначущую отрицательную форму, или обратно. вм. отрицательной—утвердительную. Такое видоизмѣненіе достигается или употребленіемъ двойного отрицанія, для измѣненія утвердительной формы въ отрицательную. ибо двойное отрицаніе есть такая отрицательная форма, которая является равнозначущей утвердительной, или перенесеніемъ отрицанія *не* изъ связки въ предикатъ, для видоизмѣненія отрицательной въ утвердительную. Напр: „всѣ яды опасны"—„всѣ яды *не* суть *не* опасны", „европейцы *не* суть людоѣды" „европейцы суть *не* людоѣды". Такое видоизмѣненіе сужденій называется *превращеніемъ* (obversio). Понятно, что такому превращенію могутъ подвергаться какъ общія, такъ и частныя сужденія.

Во 2-хъ, сужденія могутъ видоизмѣняться черезъ перемѣщеніе субъекта и предиката, т. е. предикатъ дѣлается субъектомъ, а субъектъ—предикатомъ. Такое измѣненіе называется *обращеніемъ* (conversio) Здѣсь могутъ быть два случая: предикатъ можетъ перемѣщаться: а, *безъ измѣненія*

въ своемъ объемѣ и b) *съ ограниченіемъ въ объемѣ*. Въ первомъ случаѣ получается такъ называемое *conversio simplex*—простое обращеніе, а во второмъ—*conversio per accidens* или *per limitationem* обращеніе съ ограниченіемъ. Первый случай относится къ сужденіямъ равенства, а второй—къ сужденіямъ подчиненія Если я возьму сужденіе, въ которомъ предикатъ равенъ субъекту, то я, очевидно, безъ всякаго измѣненія въ смыслѣ, могу сдѣлать предикатъ субъектомъ и субъектъ—предикатомъ Если A=B, то значитъ B=A; если „прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками", то, значитъ, я могу утверждать, что „кратчайшее разстояніе между двумя точками есть прямая линія". Но если я возьму *сужденіе подчиненія*, то, такъ какъ въ этихъ сужденіяхъ предикатъ есть всегда понятіе высшее по объему сравнительно съ субъектомъ, я долженъ уравнять его объемъ съ объектомъ субъекта, чтобы имѣть возможность составить вѣрное сужденіе, иначе у меня получится, что цѣлое меньше своей части. Вотъ почему въ сужденіяхъ подчиненія предикатъ, дѣлаясь при обращеніи субъектомъ, долженъ принимать форму частнаго понятія. Отсюда сужденіе: „всѣ львы суть хищныя животныя" при обращеніи является въ формѣ: „нѣкоторыя хищныя животныя суть львы". И такъ какъ при обращеніи каждое сужденіе, за исключеніемъ сужденій равенства, можетъ являться только въ формѣ сужденій, обращенныхъ per accidens, то это явный знакъ, что всѣ сужденія, которыя не суть сужденія равенства, суть сужденія подчиненія.

Превращеніе можетъ соединяться съ обращеніемъ. Напр. „всѣ звѣзды свѣтятъ собственнымъ свѣтомъ" черезъ превращеніе дастъ: „всѣ звѣзды не свѣтятъ несобственнымъ свѣтомъ" а черезъ обращеніе этого послѣдняго сужденія получится: „нѣкоторыя, не свѣтящія несобственнымъ свѣтомъ небесныя тѣла, суть звѣзды". Такое соединеніе превращенія съ обращеніемъ называется *противопоставленіемъ*.

3. Объ умозаключеніи.

А. Дедуктивное умозаключеніе или силлогизмъ.

§ 1 Фигуры и модусы силлогизма.

Третья элементарная форма мышленія есть *умозаключеніе*. Какъ сужденіе образуется изъ понятій, такъ умозаключеніе—изъ сужденій. Если даны два сужденія, изъ которыхъ съ необходимостью, въ силу опредѣленныхъ логическихъ требованій, слѣдуетъ третье, то всѣ эти три сужденія, тѣсно связанныя въ одно логическое цѣлое, и составляютъ эту третью форму мышленія, называемую умозаключеніемъ. Названіе „умозаключенія“ дано этой формѣ мышленія потому, что она имѣетъ своимъ назначеніемъ раскрыть, какое заключеніе, т. е. какое новое, неизвѣстное до сихъ поръ знаніе (соединеніе понятій) можно вывести умственнымъ усмотрѣніемъ изъ того, что дано уже намъ, какъ извѣстное. Слѣдовательно, съ формальной стороны умозаключеніе можно опредѣлить такимъ образомъ: *умозаключеніе есть форма мышленія, состоящая въ выводѣ третьяго сужденія изъ двухъ предыдущихъ*. Если намъ даны два сужденія: 1) всѣ металлы проводники электричества, и 2) аллюминій—металлъ, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что 3) аллюминій проводитъ электричество. Спрашивается теперь, на чемъ основывается эта необходимость вывода третьяго сужденія изъ двухъ предыдущихъ? Если мы обратимъ вниманіе на составъ этихъ трехъ сужденій, то увидимъ, что всѣ они образованы изъ соединенія трехъ понятій: „аллюминій“, „металлъ“ и „проводникъ электричества“. Мы знаемъ, что по отношенію между подлежащимъ и сказуемымъ (субъектомъ и предикатомъ) каждое сужденіе бываетъ или сужденіемъ равенства или подчиненія. Въ данномъ случаѣ, очевидно, взяты сужденія подчиненія. Въ 1-мъ сужденіи субъектъ „металлы“ подчиненъ предикату „проводникъ электричества“, во 2-мъ сужденіи субъектъ „аллюминій“ подчиненъ предикату „металлъ“ и въ 3-мъ сужденіи субъ-

ектъ „аллюминій“ подчиненъ предикату „проводникъ электричества“. Обративъ вниманіе на объемы данныхъ понятій, мы увидимъ. что одно изъ нихъ имѣетъ высшій объемъ (проводникъ электричества). другое—низшій (аллюминій), а третье занимаетъ въ данномъ отношеніи середину между высшимъ и низшимъ (металлъ) Такимъ образомъ соединеніе трехъ данныхъ сужденій представляетъ изъ себя процессъ послѣдовательнаго подчиненія трехъ понятій: среднее подчиняется высшему, низшее—среднему и низшее высшему. Третье сужденіе представляетъ выводъ: мы ничего не знали о подчиненіи понятія „аллюминій“ понятію „проводникъ электричества“, пока намъ не были даны два предыдущихъ сужденія, представляющія подчиненіе средняго понятія (металлъ) тому же высшему и низшаго—среднему. Но почему же мы имѣемъ право заключать, что если среднее подчинено высшему, а низшее среднему, то и низшее должно быть подчинено высшему? Потому что мы знаемъ общее правило касательно отношенія родового понятія къ видовому: что справедливо для родового. то справедливо и для видового. (Dictum de omni et de nullo). Такъ какъ въ приведенномъ умозаключеніи понятіе съ низшимъ объемомъ (аллюминій) подчиняется понятію съ среднимъ объемомъ (металлъ), то. значитъ. послѣднее является по отношенію къ первому родовымъ. и слѣдовательно: что справедливо для средняго, какъ родового. то справедливо и для низшаго, какъ соотвѣтствующаго видового. Но для средняго справедливо, что оно подчиняется высшему (проводникъ электричества). слѣдовательно это же должно быть справедливо и для низшаго (аллюминій). т. е и низшее должно оказаться въ подчиненіи тому же высшему, которому подчинено среднее. Это можно объяснить и такимъ образомъ: низшее понятіе (по объему) есть часть средняго, а среднее—часть высшаго; высшее берется какъ цѣлое, слѣдоват. среднее будетъ часть этого цѣлаго, а низшее—часть этой части. Но вѣдь часть части цѣлаго есть въ то же время и часть этого цѣлаго; слѣдовательно, низшее,

какъ часть части цѣлаго, есть въ то же время и часть высшаго, какъ цѣлаго

Затѣмъ намъ извѣстно, что содержаніе родового, высшаго понятія есть часть содержанія видового, низшаго Слѣдовательно, въ умозаключеніи содержаніе высшаго (проводникъ электричества) должно входить въ составъ содержанія средняго (металлъ), а такъ какъ содержаніе послѣдняго входитъ въ составъ содержанія низшаго (аллюминій), то значитъ содержаніе высшаго должно входить и въ составъ содержанія низшаго. Обозначивъ буквами понятія—среднее черезъ М. высшее черезъ Р и низшее черезъ S.—будемъ имѣть: если для S справедливо, что оно подчинено М—и стало быть содержаніе М составляетъ часть содержанія S—а для М справедливо, что оно подчинено Р—и стало быть содержаніе Р составляетъ часть содержанія М, то, слѣдовательно, и для S справедливо, что оно подчинено Р—и стало быть содержаніе Р составляетъ часть содержанія S

Изъ всего сказаннаго не трудно опредѣлить составъ умозаключенія. Умозаключеніе состоитъ изъ трехъ сужденій, изъ нихъ первыя два называются *посылками*, а третье—*заключеніемъ*, или *выводомъ*. Сужденія эти представляютъ процессъ послѣдовательнаго подчиненія трехъ понятій. Понятія эти называются *терминами* умозаключенія. То понятіе, которое служитъ предикатомъ въ третьемъ сужденіи (въ заключеніи), называется *большимъ терминомъ*, а то, которое является субъектомъ въ томъ же сужденіи—*меньшимъ терминомъ* (ибо таковы ихъ объемы большій и меньшій); то же понятіе, объемъ котораго является среднимъ между большимъ и меньшимъ, называется *среднимъ терминомъ*. Но такъ какъ средній терминъ является связующимъ звеномъ между большимъ и меньшимъ терминами, то послѣдніе по отношенію къ нему называются еще *крайними терминами*.

Посылки состоятъ изъ соединенія средняго термина въ одной съ большимъ, а въ другой—съ меньшимъ. Та посылка, въ которой средній терминъ соединяется съ боль-

шимъ, называется *большею посылкою*, а въ которой средній терминъ соединяется съ меньшимъ— *меньшею посылкой*.

Если сравнимъ большую посылку съ заключеніемъ, то замѣтимъ, что одному и тому же общему понятію (напр. проводникъ электричества) подчиняются два термина: въ большей посылкѣ терминъ большей общности (металлъ), а въ заключеніи терминъ меньшей общности (аллюминій). Слѣдовательно, отъ подчиненія одному и тому же третьему, понятію сначала *болѣе общаго понятія* мы направляемся къ подчиненію ему потомъ *менѣе общаго* Умозаключеніе такой формы называется *дедуктивнымъ умозаключеніемъ* или *силлогизмомъ*.

Весь процессъ умозаключенія направленъ къ тому, чтобы сдѣлать вѣрный выводъ Значимость же вывода, очевидно, находится въ зависимости отъ посылокъ. Посылки должны заключать въ себѣ достаточное основаніе къ тому, чтобы изъ нихъ могъ вытекать вѣрный выводъ. А для этого требуется, во 1-хъ, чтобы фактически вѣрны были посылки: это истинность *матеріальная*, а во 2-хъ, чтобы посылки заключали въ себѣ и *формальную* правильность. Если я скажу, напр., „всѣ растенія суть хищныя животныя, камень—растеніе, слѣдов. камень есть хищное животное", то здѣсь, очевидно, нарушена истинность матеріальная: выводъ говоритъ ложь, потому что ложь говорятъ посылки. Но формальная правильность здѣсь соблюдена вполнѣ: разъ вы приняли посылки, вы неизбѣжно должны принять и выводъ Формальная правильность нарушается, когда не соблюдается хотя бы какое нибудь одно изъ правилъ силлогизма (о которыхъ будетъ сказано ниже), коими обезпечивается для посылокъ ихъ логическая значимость: быть достаточнымъ основаніемъ для вывода. Напр. если я скажу: „люди не звѣри, птицы не звѣри, слѣдов. люди не птицы", то выводъ сдѣланъ изъ посылокъ безъ достаточнаго основанія, ибо то, что „люди не звѣри" и „птицы не звѣри" не даетъ мнѣ права связать понятія люди и птицы какой либо опредѣленной связью, положительной или отрицательной, т. е. изъ посылокъ я не могу знать, птицы-ли люди или

нѣтъ. Если же приведенный выводъ „люди не птицы“ совпадаетъ съ истиной, то объ этомъ я узналъ не изъ посылокъ, а изъ фактическаго наблюденія. Такое же совпаденіе заключенія съ истиной можетъ оказаться иногда и въ случаѣ ложности обѣихъ посылокъ. Такъ, напр.. „лошади суть существа безхвостыя (ложь), Иванъ. мой дворникъ,—лошадь (ложь), слѣдов Иванъ не имѣетъ хвоста“ (правда). Но вѣрность вывода здѣсь основывается, конечно, не на посылкахъ, а на томъ, что фактически извѣстно объ Иванѣ. Посылки, будучи ложными, не могутъ служить, конечно, достаточнымъ основаніемъ для истины вывода, ибо изъ лжи не можетъ возникнуть истина. Слѣдовательно, чтобы вѣрность вывода необходимо вытекала изъ посылокъ и такимъ образомъ выводъ составлялъ какъ бы одно органическое цѣлое съ посылками. непремѣнно требуется, чтобы посылки заключали въ себѣ матеріальную, фактическую истинность и удовлетворяли требованіямъ формальной правильности.

Вопросъ о формальной правильности силлогизма требуетъ нѣкотораго болѣе или менѣе подробнаго изслѣдованія. Если бы силлогизмъ имѣлъ одну опредѣленную форму, выражаемую, напр., формулой $\left.\begin{matrix} M—P \\ S—M \end{matrix}\right\}$ S—P то тогда, конечно, это изслѣдованіе было бы очень кратко. Но дѣло въ томъ, что форма силлогизма мѣняется въ зависимости отъ состава его посылокъ. Посылки же измѣняются, во 1-хъ, отъ положенія, занимаемаго въ нихъ среднимъ терминомъ, и во 2 хъ, отъ того, какія сужденія представляютъ они собою. Въ 1-мъ отношеніи, т. е. по мѣсту, занимаемому въ посылкахъ среднимъ терминомъ, силлогизмъ раздѣляется на *четыре фигуры*. Средній терминъ можетъ являться:

1) или подлежащимъ (субъектомъ) въ большой посылкѣ и сказуемымъ (предикатомъ) въ меньшей, т. е.

$\left.\begin{matrix} M—P \\ S—M \end{matrix}\right\}$ S—P

Это будетъ *1-я фигура* силлогизма

2) или средній терминъ можетъ занимать мѣсто сказуемаго въ обѣихъ посылкахъ, т. е. $\left.\begin{matrix} P—M \\ S—M \end{matrix}\right\} S—P$

Это будетъ *2-я фигура* силлогизма.

3) или средній терминъ можетъ занимать мѣсто подлежащаго въ обѣихъ посылкахъ, т. е. $\left.\begin{matrix} M—P \\ M—S \end{matrix}\right\} S—P$

Это будетъ *3-я фигура* силлогизма.

4) или, наконецъ, средній терминъ можетъ являться сказуемымъ въ большей посылкѣ и подлежащимъ въ меньшей. т е. $\left.\begin{matrix} P—M \\ M—S \end{matrix}\right\} S—P$

Это будетъ *4-я фигура* силлогизма.

Затѣмъ намъ извѣстно, что каждое сужденіе можетъ являться въ четырехъ формахъ. или оно A (общеутвердительное) или E (общеотрицательное), или I (частноутвердительное) или O (частноотрицательное).

Беря послѣдовательно для той и другой посылки и для заключенія каждую изъ этихъ четырехъ формъ сужденій, мы получимъ слѣдующую таблицу:

1.	AAA	EAA	IAA	OAA
2.	AAE	EAE	IAE	OAE
3.	AAI	EAI	IAI	OAI
4.	AAO	EAO	IAO	OAO
5.	AEA	EEA	IEA	OEA
6.	AEE	EEE	IEE	OEE
7.	AEI	EEI	IEI	OEI
8.	AEO	EEO	IEO	OEO
9.	AIA	EIA	IIA	OIA
10.	AIE	EIE	IIE	OIE
11.	AII	EII	III	OII
12.	AIO	EIO	IIO	OIO
13.	AOA	EOA	IOA	OOA
14.	AOE	EOE	IOE	OOE
15.	AOI	EOI	IOI	OOI
16	AOO	EOO	IOO	OOO

Первыя двѣ буквы означаютъ сужденія, служащія посылками, третья буква—сужденіе, служащее заключеніемъ. Каждая посылка и заключеніе послѣдовательно проходятъ черезъ всѣ буквы A, E, I, O

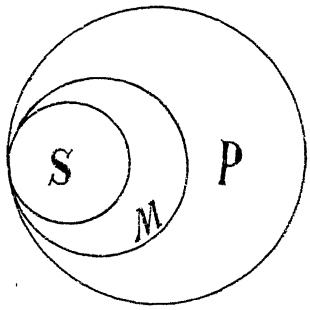
Это таблица такъ называемыхъ *модусовъ* силлогизма. Каждая фигура, слѣдовательно, можетъ имѣть 64 модуса, а такъ какъ фигуръ четыре, то, слѣдовательно, всѣхъ модусовъ 256. Изъ этого числа логическую состоятельность имѣютъ лишь 19 ть модусовъ Модусы эти слѣдующіе:

I. фигура: AAA, EAE, AII, EIO.
II. фигура: EAE, AEE, EIO, AOO,
III фигура: AAI, EAO, AII, IAI, OAO, EIO.
IV. фигура: AAI, AEE, IAI, EAO, EIO.

Между гласными, означающими характеръ посылокъ, вставляются опредѣленныя согласныя буквы. Такъ модусы первой фигуры будутъ читаться такъ:

I, BArbArA, CElArEnt, DArII, FErIO.

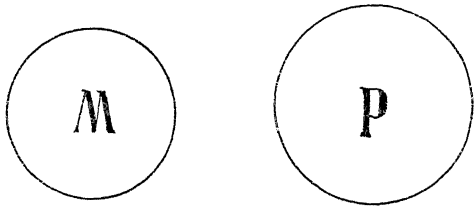
1) Каждый модусъ можетъ быть выраженъ графически. Отношеніе подчиненія выражается двумя кругами, изъ которыхъ меньшій заключается внутри бо́льшаго. Такъ какъ силлогизмъ представляетъ соединеніе трехъ терминовъ, изъ которыхъ средній подчиняется большему, а меньшій среднему, то, очевидно, отношеніе трехъ терминовъ силлогизма, изображаемыхъ въ видѣ круговъ, должно выразиться графически такимъ образомъ:



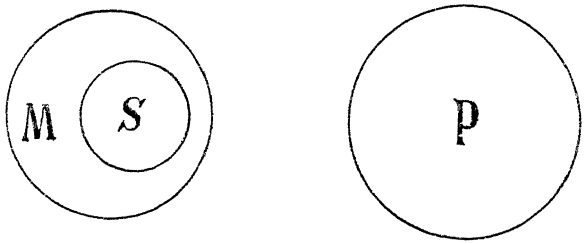
Это графическое изображеніе для BArbArA.

Примѣръ: „Всѣ люди (M) суть существа разумныя (P), китайцы (S)—люди, слѣдов.китайцы суть существа разумныя“.

2) Отрицаніе подчиненія выражается графически двумя кругами, которые совсѣмъ не соприкасаются другъ съ другомъ Второй модусъ I фигуры имѣетъ большей посылкой сужденіе отрицательное, слѣдов. отношеніе средняго и большаго термина должно выразиться здѣсь такимъ образомъ:



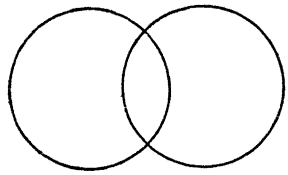
Меньшая посылка—сужденіе утвердительное, слѣдов здѣсь утверждается подчиненіе меньшаго термина среднему, отсюда кругъ S долженъ быть помѣщенъ внутри круга M. И такимъ образомъ получится:



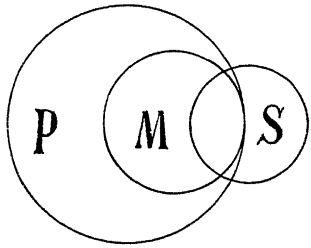
Это графическое изображеніе для CElArEnt.

M внѣ P, слѣдов. и S, находящійся внутри M, будетъ внѣ P. Примѣръ. „Ни одно травоядное животное (M) не питается мясомъ (P), лошадь (S)—животное травоядное, слѣдов. лошадь не питается мясомъ“.

3) Выраженіе подчиненія не всего объема даннаго понятія объему другого, а только части перваго, выражается графически въ видѣ двухъ круговъ, пересѣкающихся другъ съ другомъ:



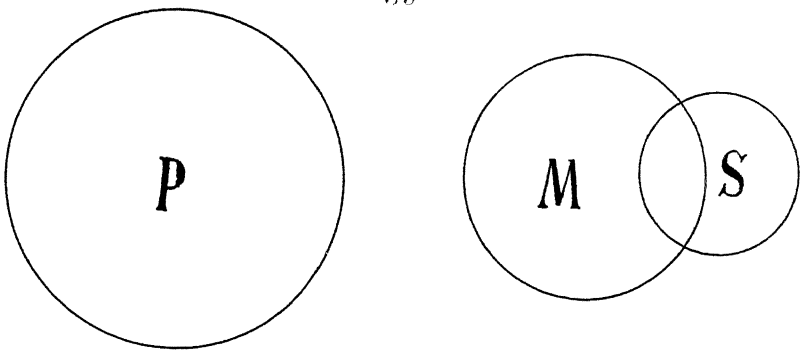
Въ 3-мъ модусѣ большая посылка утвердительная, слѣдов. она должна быть выражена схемой подчиненія. Вторая же посылка—частная, т. е. только часть объема меньшаго термина S должна быть подчинена среднему термину M, слѣдов. часть круга S должна пересѣчь кругъ M, а съ тѣмъ вмѣстѣ и кругъ P.



Средній терминъ (M) всецѣло подчиняется большему (P), но только часть меньшаго (S) подчиняется среднему, слѣдов. только часть меньшаго подчиняется и большему.

Примѣръ: „Всѣ планеты (M) вращаются вокругъ солнца (P), нѣкоторыя небесныя тѣла (S) суть планеты, слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла вращаются вокругъ солнца".

4) Въ четвертомъ модусѣ большая посылка общеотрицательная, слѣдов. кругъ средняго термина (M) должно поставить внѣ круга большаго термина (P). Вторая же посылка—частноутвердительная, т. е. часть круга S должна пересѣчь кругъ M, и тогда эта часть окажется тоже внѣ круга P.



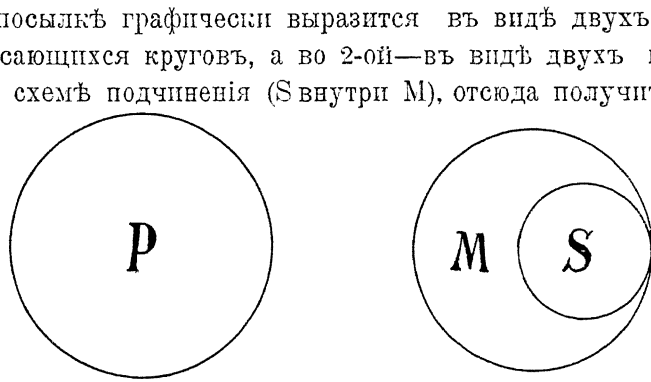
Примѣръ: „Ни одна звѣзда (M) не свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ (P), нѣкоторыя небесныя тѣла (S) суть звѣзды, слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла не свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ“.

II) Модусы II-й фигуры будутъ читаться такимъ образомъ.

CEsArE, CAmEstrEs, FEstInO, BArOcO

Во II-й фигурѣ средній терминъ есть сказуемое въ обѣихъ посылкахъ, т. е. оба крайніе термина подчиняются одному и тому же предикату.

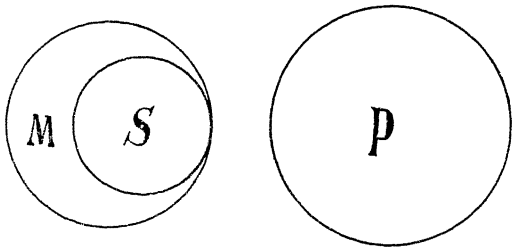
1) Въ CEsArE первая посылка общеотрицательная, а вторая—общеутвердительная, слѣдов отношеніе терминовъ въ 1-й посылкѣ графически выразится въ видѣ двухъ несоприкасающихся круговъ, а во 2-ой—въ видѣ двухъ круговъ по схемѣ подчиненія (S внутри M), отсюда получится:



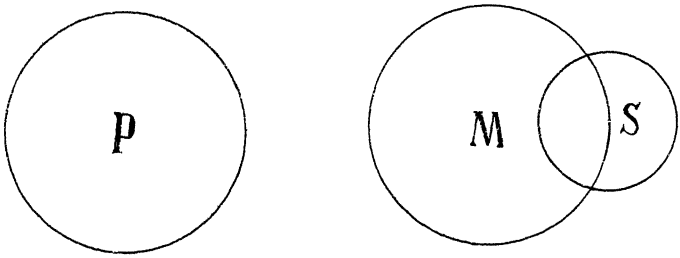
т. е ни одно P не есть M. S есть M. слѣдов ни одно S не есть P.

Примѣръ: „Ни одинъ звѣрь (P) не есть человѣкъ (M), негры (S) суть люди, слѣдов негры не звѣри“.

2) Въ CAmEstrEs отношеніе между терминами такое же, все дѣло только въ томъ, что переставлены посылки. Такимъ образомъ вы можете сказать „Негры (S) суть люди (M), ни одинъ звѣрь (P) не есть человѣкъ, слѣдов. негры не звѣри“.

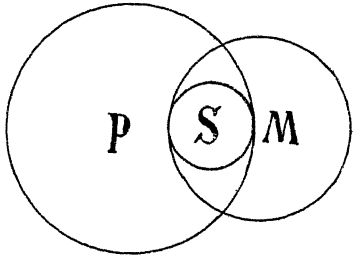


3) FEstInO соотвѣтствуетъ CEsArE, только вторая посылка частная вм. общей. Слѣдов. кругъ S только частью войдетъ въ кругъ M.



Примѣръ: „Ни одна звѣзда (P) не свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ (M), нѣкоторыя небесныя тѣла (S) свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ, слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла не суть звѣзды“.

4) BArOcO соотвѣтствуетъ CAmEstrEs, только опять вторая посылка частная (частно-отрицательная) вмѣсто общей (обще-отрицательной), т. е. кругъ P не весь будетъ внѣ круга M, а только нѣкоторой своей частью.



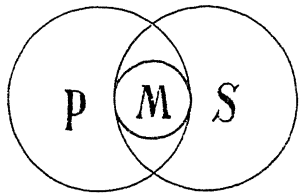
Примѣръ: „Львы (S) животныя хищныя (M), нѣкоторыя млекопитающія (P) не суть животныя хищныя, слѣдовательно нѣкоторыя млекопитающія не суть львы".

III. Модусы III-ей фигуры будуть читаться такимъ образомъ:

DArAptI, FElAptOn, DAtIsI, DIsAmIs, BOcArdO, FErIsOn.

Въ третьей фигурѣ средній терминъ является подлежащимъ въ обѣихъ посылкахъ, т. е. оказывается въ подчиненіи и большему и меньшему терминамъ Отсюда слѣдуетъ:

1) Такъ какъ въ 1-мъ модусѣ DArAptI обѣ посылки общеутвердительныя, то кругъ M, означающій средній терминъ, долженъ быть одновременно включенъ и въ кругъ P и въ кругъ S, что очевидно возможно лишь въ томъ случаѣ, если кругъ M займетъ площадь общаго пересѣченія круговъ S—P, т. е.

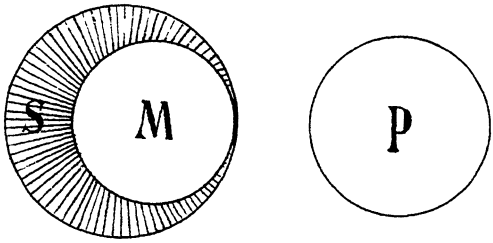


Такимъ образомъ, если M подчиненъ P и въ то же время подчиненъ S, значитъ часть P подчинена S или обратно: во всякомъ случаѣ выводъ окажется частнымъ.

Примѣръ: „Львы (M) суть животныя хищныя (P), львы суть животныя опасныя (S), слѣдоват. нѣкоторыя хищныя животныя суть животныя опасныя (или нѣкоторыя опасныя животныя суть животныя хищныя)".

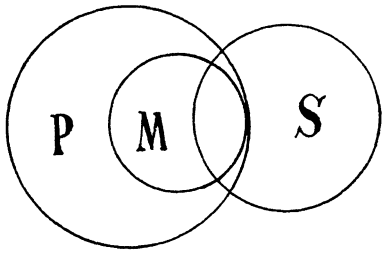
2) Модусъ FElAptOn есть видоизмѣненіе предыдущаго черезъ замѣну общеутвердительной первой посылки общеотрицательной. Кругъ M долженъ стоять внѣ круга P, ибо первая посылка отрицательная; но такъ какъ вторая остается общеутвердительной, то кругъ M долженъ быть включенъ въ кругъ S. А такъ какъ мы не имѣемъ данныхъ ут-

верждать, что кругъ S долженъ стоять внѣ круга P, то можемъ допускать лишь то, что часть круга S, занятая кругомъ M, безспорно должна быть внѣ круга P. Такимъ образомъ выводъ опять получится частный



Примѣръ: „Овцы (M) не суть животныя хищныя (P), овцы—животныя домашнія (S), слѣдов. нѣкоторыя домашнія животныя не суть животныя хищныя“.

3) Модусъ DAtIsI есть тоже видоизмѣненіе DArAptI черезъ замѣну второй посылки *общеутвердительной—частно. утвердительной*. Поэтому кругъ M входитъ въ кругъ S не всецѣло, а только частью; отсюда получается, что часть S, по скольку она есть часть M, есть въ то же время и часть P.

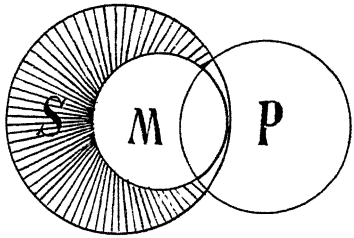


Примѣръ: „Преступники (M) заслуживаютъ наказанія (P), нѣкоторые преступники получаютъ прощеніе (S), слѣдоват. нѣкоторые изъ получающихъ прощеніе заслуживаютъ наказанія“.

4) DIsAmIs является видоизмѣненіемъ DAtIsI черезъ перестановку посылокъ, т. е. мы можемъ сказать такъ: „нѣкоторые преступники получаютъ прощеніе, преступники заслуживаютъ наказанія, слѣдов. нѣкоторые изъ получающихъ прощеніе заслуживаютъ наказанія“.

5) BOcArdO есть видоизмѣненіе предыдущаго модуса DIsAmIs черезъ замѣну *частноутвердительной* первой по-

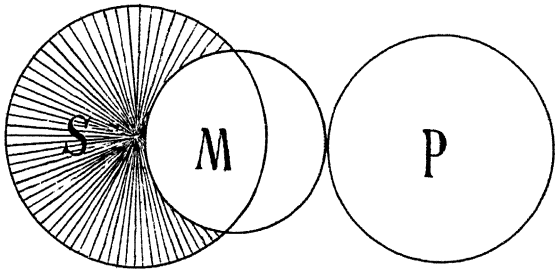
сылки *частноотрицательной*. Нѣкоторое M не есть P, но M есть S, слѣдов. нѣкоторое S не есть P.



Примѣръ: „Нѣкоторые люди (M) не богаты (P), люди стараются добыть себѣ средства къ жизни (S), слѣдов. нѣкоторые изъ старающихся добыть себѣ средства къ жизни не богаты“

6) FErIsOn есть видоизмѣненіе модуса FElAptOn черезъ замѣну *общеутвердительной* второй посылки *частноутвердительной*.

Примѣръ: „Львы (M) не суть домашнія животныя (P). нѣкоторые львы приручаются (S), слѣдов нѣкоторые изъ прирученныхъ животныхъ не суть животныя домашнія“.

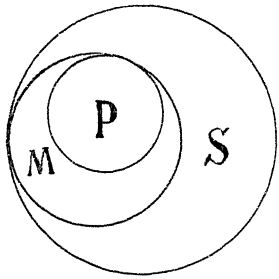


IV. Модусы IV-ой фигуры читаются такъ:

BAmAlIp, CAmEnEs, DImAtIs, FEsApO, FErIsOn.

Въ этой фигурѣ средній терминъ занимаетъ мѣсто сказуемаго въ большей и подлежащаго въ меньшей посылкѣ (обратно въ сравненіи съ I й фигурой). Отсюда слѣдуетъ:

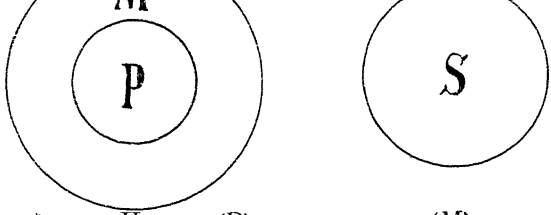
1) Въ первомъ модусѣ BAmAlIp среднему термину M подчиняется большій терминъ P, а во второй посылкѣ средній терминъ M въ свою очередь подчиняется меньшему термину S, Т. обр. получится:



P подчиняется M, а M подчиняется S, слѣдов. нѣкоторая часть S есть P.

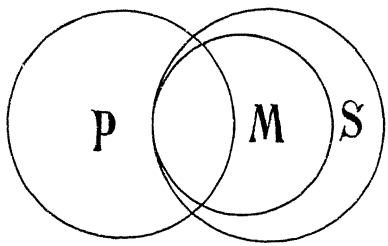
Примѣръ: „Всѣ великіе люди (P) чѣмъ нибудь прославились (M), всѣ прославившіеся долго живутъ въ народной памяти (S), слѣдов. нѣкоторые, изъ долго живущихъ въ народной памяти, были великіе люди“.

2) CAmEnEs: всѣ P суть M, ни одно M не есть S, слѣдоват., ни одно S не есть P



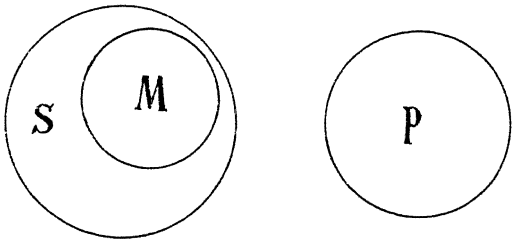
Примѣръ: „Пчелы (P) даютъ медъ (M), ни одно изъ насѣкомыхъ, дающихъ медъ (M), не есть паукъ (S), слѣдов. ни одинъ паукъ не есть пчела“.

3) DImAtIs есть видоизмѣненіе 1-го модуса BAmAIp черезъ замѣну первой *общеутвердительной* посылки *частноутвердительной*. Нѣкоторое P есть M, а M есть S, слѣдов. нѣкоторое S есть P.



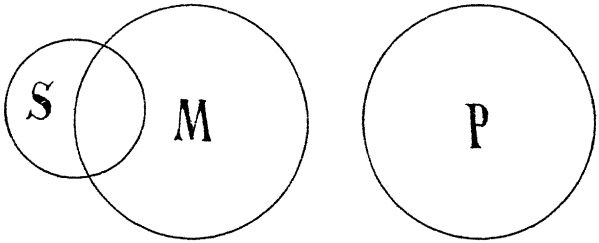
Примѣръ: „Нѣкоторые государи (P) по смерти были причислены къ лику святыхъ (M). святымъ возсылаются молитвы (S), слѣдов. нѣкоторые изъ тѣхъ, которымъ возсылаются молитвы. были на землѣ государями“

4) FEsApO: Ни одно P не есть M, но M есть S, слѣдоват., нѣкоторое S не есть P.



Примѣръ: „Ни одинъ христіанинъ (P) не есть магометанинъ (M), магометане суть монотеисты (S). слѣдов., нѣкоторые монотеисты не суть христіане“.

5) FErIsOn есть видоизмѣненіе предыдущаго модуса черезъ замѣну *общеутвердительной* второй посылки *частноутвердительной*. Ни одно P не есть M, но нѣкоторое M есть S, слѣдов, нѣкоторое S не есть P.



Примѣръ: „Ни одно растеніе (P) не есть животное (M), нѣкоторыя животныя суть органическія существа, живущія въ водѣ (S), слѣдов., нѣкоторыя изъ живущихъ въ водѣ органическихъ существъ не суть растенія“.

Разсмотрѣвъ 19 модусовъ, которые являются нормальными, мы теперь естественно должны рѣшить вопросъ, почему же изъ 64-хъ модусовъ только эти 19 признаются нормальными и, слѣдовательно, всѣ логическія операціи съ силлогизмами должны ограничиваться этимъ числомъ формъ

силлогистическаго вывода). Чѣмъ руководствуются при опредѣленіи логической состоятельности модусовъ? Для этого существуютъ особыя правила. Правила эти между прочимъ связаны съ понятіемъ объ основномъ строѣ силлогизма. Силлогизмъ есть процессъ послѣдовательнаго *подчиненія* двухъ понятій третьему. Слѣдоват., состоятельность вывода вполнѣ зависитъ оттого, остается-ли въ неприкосновенности процессъ подчиненія Если этотъ процессъ, вслѣдствіе употребленія не соотвѣтствующихъ посылокъ, прямо уничтожается или замѣняется другимъ, то выводъ естественно теряетъ свою значимость. Выводъ не можетъ имѣть логической состоятельности и въ томъ случаѣ, конечно, если сочетаніе посылокъ, не нарушая строя силлогизма, тѣмъ не менѣе не заключаетъ въ себѣ достаточнаго основанія къ тому, чтобы сдѣлать требуемый выводъ

1) Итакъ выводъ не имѣетъ значимости, если процессъ подчиненія прямо отрицается. Это, очевидно, бываетъ въ томъ случаѣ, если обѣ посылки отрицательныя. Если S не подчиняется M и M не подчиняется P, то на какомъ основаніи мы будемъ утверждать, что S подчиняется P? Отсюда правило: *изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ нельзя сдѣлать вѣрнаго вывода.* Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь средній терминъ потому и связываетъ два крайнихъ, что самъ онъ связанъ и съ тѣмъ и съ другимъ, а если онъ не связанъ съ ними, то чѣмъ связать крайніе термины? Львы не лошади, лошади не собаки: могу ли я сказать, что львы—собаки? Правда. „львы не собаки“ будетъ сужденіе вѣрное. но объ этомъ я узналъ со стороны, а не какъ выводъ изъ данныхъ посылокъ, ибо въ другихъ случаяхъ отрицательный выводъ

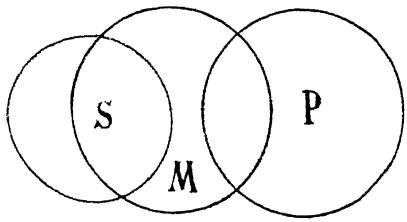
---

*) Не можемъ при этомъ не отмѣтить нѣсколько странное мнѣніе проф. Троицкаго, который полагаетъ, что средневѣковые схоластики мучились надъ превращеніемъ всѣхъ 256 модусовъ силлогизма въ 1-ю фигуру. (Нѣмецкая психологія, т. I. М. 1883 г. стр. 12).

Какъ будто эти схоластики были совершенно лишены здраваго смысла!

будетъ также ложенъ, какъ положительный въ данномъ случаѣ (напр., „попуган не обезъяны, обезъяны не птицы;“ вѣрно ли будетъ, „что попуган не птицы“?) Такимъ образомъ, когда мы имѣемъ двѣ отрицательныхъ посылки. то у насъ нѣтъ основанія ни къ положительному, ни къ отрицательному выводу.

2) Затѣмъ выводъ теряетъ свою значимость, если строй силлогизма нарушается вслѣдствіе того, что отношеніе *подчиненія* между терминами замѣняется отношеніемъ *соподчиненія*, если напр., оба крайніе термина оказываются вмѣстѣ подчиненными среднему, вмѣсто того, чтобы среднему быть въ подчиненіи у одного изъ крайнихъ, или если средній и одинъ изъ крайнихъ являются соподчиненными другому крайнему. S подчинено M и P подчинено M, слѣдовательно S и P подчинены M Очевидно. въ выводѣ мы имѣемъ здѣсь лишь сокращенное выраженіе того. что говоритъ каждая посылка въ отдѣльности, слѣдов , такой выводъ не даетъ ничего новаго, тогда какъ, выводъ долженъ устанавливать искомую связь между крайними терминами. Эта замѣна подчиненія соподчиненіемъ получается прежде всего въ томъ случаѣ, если обѣ посылки являются сужденіями *частными* Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ такой примѣръ: „Нѣкоторые государственные люди были казнены, нѣкоторые философы были государственными людьми“. Средній терминъ здѣсь—„государственные люди“. Когда мы говоримъ: „нѣкоторые государственные люди (M) были казнены (P)‘, значитъ часть средняго термина подчиняемъ большему P, а когда говоримъ далѣе: „нѣкоторые философы (S) были государственными людьми“, то значитъ часть термина „философы“ подчинямъ среднему термину.



Но если часть средняго термина подчиняется P, то можно сказать и обратно, что часть P подчиняется M, какъ это видно и изъ схематич. рисунка, слѣдов., у насъ окажется, что части крайнихъ терминовъ вмѣстѣ подчиняются среднему M и слѣдов. въ выводѣ получается, что часть P, т. е. нѣкоторые изъ казненныхъ, и часть S, т. е нѣкоторые изъ философовъ, были людьми государственными, иначе сказать выводъ повторяетъ посылки, а не вытекаетъ изъ нихъ, какъ нѣчто новое. Отсюда правило: *Изъ двухъ частныхъ посылокъ нельзя сдѣлать вѣрнаго вывода*

3) Наконецъ выводъ не можетъ имѣть логической значимости, если составъ посылокъ, не нарушая строя силлогизма, тѣмъ не менѣе не заключаетъ въ себѣ достаточнаго основанія, чтобы сдѣлать данный выводъ, напр. если выводъ отрицательный, а обѣ посылки утвердительныя, или если въ III фигурѣ мы сдѣлаемъ выводъ общимъ, тогда какъ онъ долженъ быть частнымъ. Но если только одна изъ посылокъ отрицательная или частная, то выводъ возможенъ Ибо мы можемъ, какъ это видѣли изъ разбора нормальныхъ модусовъ, вывести не только подчиненіе меньшаго термина большему, но и отрицаніе этого подчиненія, если только средній терминъ, которому подчиненъ меньшій, тоже не подчиняется большему. Или можемъ утверждать подчиненіе лишь части меньшаго термина большему, если меньшій только этой же частью подчиняется среднему, всецѣло подчиненному большему Отсюда ясно, что въ случаѣ, если одна изъ посылокъ отрицательная или частная, выводъ долженъ быть тоже отрицательнымъ или частнымъ Поэтому дается такое правило, *Выводъ не можетъ быть ни утвердительнымъ ни общимъ, если одна изъ посылокъ отрицательная или частная выводъ долженъ принадлежать въ этомъ случаѣ къ типу болѣе слабой посылки.*

Теперь примѣняя указанныя правила къ изложенной выше таблицѣ 64-хъ модусовъ, мы очевидно должны исключить изъ нея, какъ не имѣющіе логической состоятельности, слѣдующіе модусы:

a) во 2-мъ и 4-мъ столбцѣ модусы 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, и 13-го, 14-го, 15-го, 16-го рядовъ, какъ имѣющіе *двѣ отрицательныя* посылки (всего 16 модусовъ);

b) въ 3-мъ столбцѣ модусы отъ 9-го по 16 рядъ включительно и въ 4-мъ столбцѣ модусы отъ 9-го по 12 рядъ включительно, какъ имѣющіе *двѣ частныя* посылки (всего 12 модусовъ);

c) модусы AAE, AAO, IAE, AEO, IAO, и IAE, какъ имѣющіе отрицательный выводъ, когда обѣ посылки утвердительныя (шесть модусовъ);

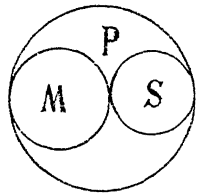
d) модусы AEA, AEI, EAA, EAI, EIA, EII, IEA IEE, AOA, OAA, и OAI, какъ имѣющіе утвердительный выводъ, когда одна изъ посылокъ отрицательная (11 модусовъ).

e) модусы AIA, AOE, EIE, IEE, IAA, EIA, OAE, имѣющіе въ выводѣ сужденіе общее, когда одна изъ посылокъ частная (7 модусовъ)

Итого изъ каждой фигуры исключено 52 модуса (всего 208) Остается 12 нормальныхъ для каждой фигуры. Слѣдовательно, всего нормальныхъ модусовъ должно было бы быть 48, но ихъ, какъ мы видѣли, только 19-ть Это оттого, что каждая фигура имѣетъ не 12 нормальныхъ модусовъ, а далеко меньше, потому что при опредѣленномъ положеніи для каждой фигуры средняго термина нужно сочетаніе опредѣленныхъ посылокъ, чтобы, во 1-хъ, отношеніе подчиненія между терминами не превращалось въ отношеніе соподчиненія, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ случаѣ, когда обѣ посылки—сужденія частныя. и, во 2-хъ, чтобы не нарушались и нѣкоторыя другія основанія для значимости вывода. Какія посылки требуются въ этомъ отношеніи для каждой фигуры, это опредѣляется ея спеціальными правилами. А именно:

1) Спеціальное правило для I фигуры таково. *большая посылка должна быть общей, а меньшая—утвердительной.* Чтобы доказать справедливость этого требованія, возьмемъ, вопреки ему, модусъ, положимъ, съ *отрицательной* меньшей посылкой, т. е AEE, напримѣръ: „всѣ историки (M) подвержены ошибкамъ, (P), врачи (S) не историки, слѣдовательно врачи не подвержены ошибкамъ. Выводъ очевидно не вѣренъ,

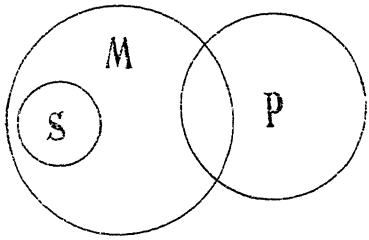
ибо кому не извѣстно, что врачи ошибаются едва-ли не чаще историковъ Въ чемъ же дѣло? Когда мы говоримъ „историки подвержены ошибкамъ" мы включаемъ объемъ понятія „историки" (какъ объемъ субъекта) въ объемъ понятія „люди подверженные ошибкамъ" (какъ въ объемъ предиката). Слѣдов., изображая отношеніе графически, кругъ. означающій понятіе „историки" (M) мы должны помѣстить внутри круга, означающаго объемъ понятія „люди. подверженные ошибкамъ" (P). Когда же мы говоримъ далѣе: „врачи—не историки" то черезъ это отрицаемъ подчиненіе объема понятія „врачи" (S) объему понятія „историки" (M). Но отсюда мы еще не имѣемъ никакого основанія отвергать подчиненіе понятія „врачи" понятію „люди, подверженные ошибкамъ". По требованію второй посылки мы должны только поставить понятіе „врачи" внѣ понятія „историки" но ничто не запрещаетъ намъ поставить это понятіе рядомъ съ понятіемъ „историки" внутри того же круга P, выражающаго объемъ понятія „люди, подверженные ошибкамъ"



Слѣдов. и здѣсь, какъ въ примѣрѣ съ двумя частными посылками мы видимъ, что два термина оказываются въ отношеніи соподчиненія одному и тому же третьему, въ данномъ случаѣ меньшій (S) и средній (M)—большему (P). стало быть выводъ, если его сдѣлать по схемѣ, повторитъ лишь въ одномъ предложеніи (врачи и историки подвержены ошибкамъ) то, что говоритъ каждая посылка въ отдѣльности, а не представляетъ изъ себя искомой связи крайнихъ терминовъ, какъ это должно быть въ правильномъ силлогизмѣ.

Для большей убѣдительности возьмемъ еще какой нибудь модусъ I-ой фигуры, не соотвѣтствующій ея правилу,

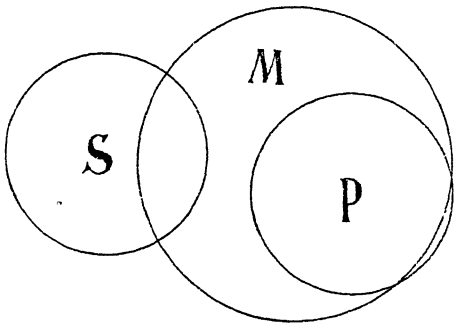
напр. IAI. Примѣръ: „нѣкоторыя небесныя тѣла (M) свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ (P), всѣ звѣзды (S) суть небесныя тѣла. “ Что отсюда мы можемъ вывести? Отношеніе между понятіями опять будетъ точно такое же, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ. Часть понятія „небесныя тѣла“ (M) подчиняется объему понятія „свѣтятъ заимствов. свѣтомъ“, (P) что ровно обратному, т. е. что часть объема послѣдняго понятія P подчиняется объему понятія „небесныя тѣла“ (M); понятіе же „звѣзды“ всецѣло подчиняется тому же понятію „небесныя тѣла“ (M). Такимъ образомъ понятіе „звѣзды“ и „нѣкоторыя, свѣтящія заимствованнымъ свѣтомъ“ оказываются *соподчиненными* понятію „небесныя тѣла“; поэтому можемъ только сказать, что есть небесныя тѣла, которыя суть звѣзды, и есть нѣкоторыя небесныя тѣла, которыя свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ, т. е. сдѣлать выводъ, равносильный по своей цѣнности выводу, сдѣланному въ предыдущемъ примѣрѣ.



Итакъ модусъ IAI въ I-ой фигурѣ не можетъ имѣть логическаго значенія, потому что если допустить сочетаніе указанныхъ въ этомъ модусѣ посылокъ, то отношеніе подчиненія опять замѣнится отношеніемъ соподчиненія. То же самое получится и для остальныхъ модусовъ этой фигуры, не соотвѣтствующихъ требованію ея спеціальнаго правила Такимъ образомъ, въ силу послѣдняго, изъ числа продложенныхъ 12-ти модусовъ для I-й фигуры должны быть исключены модусы: AEE, AOO, IAI, OAO, AEO, IEO. Что касается до модусовъ AAI и EAO, то о нихъ обыкновенно говорятъ, что они даютъ ослабленное заключеніе сравнительно съ нормальными AAA и EAE (т. е. даютъ частный выводъ вм. общаго), а потому они не представляютъ значе-

ния и ихъ, въ силу этого, тоже исключаютъ. Вотъ почему, за всѣми сдѣланными исключеніями (въ количествѣ 8 модусовъ), для 1-ой фигуры и остаются имѣющими логическую значимость лишь извѣстные уже намъ четыре модуса: AAA, EAE, AII и EIO.

2) Для II-ой фигуры даются слѣдующія правила: 1) *большая посылка должна быть общей* и 2) *одна изъ посылокъ должна быть отрицательной*. Чтобы провѣрить это требованіе, беремъ модусъ, не соотвѣтствующій даннымъ правиламъ, напр IAI, т е. модусъ безъ отрицательной посылки. Примѣръ: „Нѣкоторые великіе люди подверглись забвенію, всѣ обыкновенные люди подвергаются забвенію. Можно-ли сказать: нѣкоторые великіе люди были людьми обыкновенными? Такъ какъ средній терминъ занимаетъ въ этой фигурѣ мѣсто сказуемаго въ обѣихъ посылкахъ, то отношеніе между терминами приметъ здѣсь такую форму: часть понятія „великіе люди“ (S) подчиняется понятію „подвергались забвенію“ (M) и весь объемъ понятія „обыкновенные люди“ (P) подчиняется тоже понятію „подвергались забвенію“ (M).

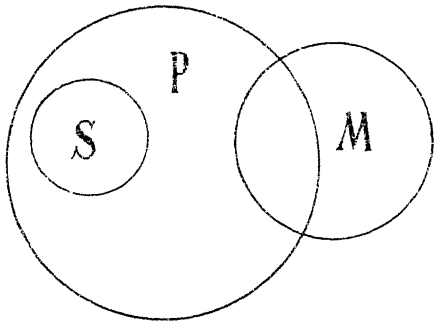


Такимъ образомъ мы видимъ, что „нѣкоторые великіе люди“ и „обыкновенные люди“ оказываются въ отношеніи соподчиненія понятію „подверглись забвенію“, слѣдов. мы опять можемъ только сказать, что забвенію подвергаются и обыкновенные люди и нѣкоторые великіе люди, т. е. сдѣлать выводъ, подобный выводу изъ двухъ частныхъ посылокъ. Итакъ, руководствуясь правилами для II-ой фигуры, мы должны исключить изъ числа 12, предполага-

емыхъ нормальныхъ для нея тоже шесть модусовъ AAA, AII,AII,IAI,OAO и IEO Что касается до модусовъ EAO и AEO, то они, какъ дающіе ослабленное заключеніе (сравнительно съ модусами EAE и AEE), должны быть тоже исключены Такимъ образомъ въ качествѣ нормальныхъ для II-ой фигуры остаются тоже четыре модуса: AEE,AOO,EAE и EIO.

3) Для III-ей фигуры есть тоже два условія: 1) *чтобы меньшая посылка была утвердительной* и 2) *чтобы заключеніе было частное.*

Для доказательства опять возьмемъ какой нибудь модусъ, не соотвѣтствующій указаннымъ требованіямъ, напр. AAA. Въ этомъ модусѣ заключеніе общеутвердительное. Но мы уже видѣли при разборѣ нормальныхъ модусовъ этой фигуры, что въ силу положенія средняго термина въ этой фигурѣ возможны лишь выводы частные. Слѣдов, этотъ модусъ, какъ не заключающій для вывода достаточнаго основанія въ своихъ посылкахъ, не можетъ имѣть логической значимости. Примѣръ: „всѣ планеты суть небесныя тѣла, всѣ планеты свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ“. Будетъ-ли вѣренъ выводъ всѣ небесныя тѣла свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ? Возьмемъ теперь модусъ съ отрицательной второй посылкой, напр. AEO Примѣръ: „Нѣкоторыя птицы (M) выучиваются говорить (P), птицы не люди“. (S) Что отсюда получится? M подчиняется отчасти P, поэтому кругъ M пересѣчетъ кругъ P, а когда мы говоримъ „птицы не люди“, то очевидно кругъ S должны поставить внѣ M. но мы вполнѣ можемъ поставить его внутри круга P, а тогда у насъ окажется, что часть M и все S подчинены P, т. е. получится: и люди выучиваются говорить и нѣкоторыя птицы; слѣдовательно, подчиненіе превратилось въ соподчиненіе. Итакъ, основываясь на указанныхъ для III-ей фигуры правилахъ, мы должны исключить изъ числа нормальныхъ слѣдующіе модусы: AAA, AEE, AOO, EAE, AEO и IEO. Остаются: AAI, AII. EAO, EIO, IAI и OAO.



4) Для четвертой фигуры даются слѣдующія правила 1) *чтобы ни одна изъ посылокъ не была частно-отрицательной (O), 2) чтобы меньшая посылка не была частно-утвердительной (I), при обще-утвердительной большей* (A) 3) *чтобы большая посылка не была частно-утвердительной (I) при общеотрицательной меньшей (E) и 4) чтобы заключеніе было частнымъ, если вторая посылка утвердительная.* На основаніи этихъ правилъ не считаются нормальными для этой фигуры модусы: AAA, AII. AOO, OAO и IEO. Что касается до модусовъ EAE и AEO, то они не могутъ имѣть значенія въ этой фигурѣ потому, что въ ней приняты нормальными индусы EAO и AEE. Такимъ образомъ нормальными для IV фигуры являются модусы: AAI, AEE, EAO, EIO и IAI.

Для провѣрки справедливости поставленныхъ для IV фигуры условій относительно ея посылокъ и заключенія, возьмемъ какой нибудь модусъ этой фигуры, не удовлетворяющій тому или другому изъ указанныхъ требованій, напр AOO (вторая посылка частнотрицательная вопреки 1-му правилу). Примѣръ: „Лошадь есть домашнееж ивотное, нѣкоторыя домашнія животныя не имѣютъ значительнаго роста“... Спрашивается, можно-ли отсюда вывести, что нѣкоторыя большія животныя не суть лошади? Если нѣкоторыя домашнія животныя не имѣютъ значительнаго роста, то другія, стало быть имѣютъ, поэтому мы можемъ обратить сужденіе и сказать, что „нѣкоторыя животныя, имѣющія значительный ростъ, суть домашнія животныя“; но и лошади—домашнія

животныя, и потому мы можемъ въ выводѣ только сказать, что нѣкоторыя большія животныя и лошади суть животныя домашнія Вопросъ же о томъ, къ какому росту отнести лошадь, остается открытымъ Ибо если мы вмѣсто „лошади“ поставимъ „кошки“, то выводъ, что „нѣкоторыя большія животныя не суть кошки“ окажется явно безсмысленнымъ. Итакъ умозаключая по модусу AOO въ IV-ой фигурѣ мы встрѣчаемъ опять нарушеніе процесса послѣдовательнаго подчиненія и замѣну его соподчиненіемъ, слѣдов., не можемъ считать его нормальнымъ

Мы взяли на удачу нѣсколько модусовъ изъ числа тѣхъ которые не удовлетворяютъ спеціальнымъ правиламъ. Если читатель потрудится, то взявши другіе модусы изъ того же числа и разобравши ихъ, онъ увидитъ, что придетъ къ тому же результату: или процессъ подчиненія превращается въ соподчиненіе, и слѣдовательно основной строй силлогизма не выдержанъ, или сочетаніе посылокъ не представляетъ достаточнаго основанія для вывода, какъ напр. въ модусахъ III й фигуры AEE и EAE,

Итакъ вотъ почему нормальныхъ модусовъ не 48. Но почему же ихъ 19, а не больше и не меньше? Если бы для каждой фигуры число модусовъ, какъ для I-ой, равнялось четыремъ, то мы имѣли бы 16 нормальныхъ модусовъ. Но дѣло въ томъ, что модусовъ не повторяющихся ни въ одной фигурѣ, только три: AAA—въ I ой, AOO—во II-й, OAO въ III-ей. Остальные всѣ повторяются. EIO четыре раза, а EAE, AEE, AAI, AII, EAO и IAI—по два раза Сосчитайте теперь число повторяющихся модусовъ и у васъ получится 16 модусовъ (6×2+4=16). Прибавьте къ нимъ 3 не повторяющихся—и вотъ у васъ 19 модусовъ.

Такъ какъ средній терминъ является связующимъ звеномъ между крайними терминами, то, очевидно, что процессъ послѣдовательнаго подчиненія (S=M, M=P, S=P) будетъ нарушенъ, если M въ 1-ой посылкѣ и M во 2-ой будетъ не однимъ и тѣмъ же понятіемъ. Тогда посылки будутъ представлять два самостоятельныхъ сужденія, и вы-

водъ окажется не возможенъ. Вотъ почему къ числу общихъ правилъ, опредѣляющихъ логическую состоятельность вывода, присоединяется обыкновенно еще правило касательно средняго термина: средній терминъ долженъ быть понятіемъ тожественнымъ въ обѣихъ посылкахъ. Но кому же, спрашивается, придетъ въ голову употреблять два разныхъ понятія въ качествѣ средняго термина? Развѣ не для всякаго очевидно, что тогда нельзя сдѣлать никакого вывода? Развѣ не очевидно, напримѣръ, что нельзя сдѣлать никакого заключенія, положимъ хоть изъ такихъ посылокъ: „всѣ люди суть существа разумныя, негры живутъ въ Африкѣ“? Къ чему же указанное правило и для кого оно нужно? Оно нужно потому, что въ языкѣ, какъ мы знаемъ, есть слова одинаковыя по звуковому составу, но различныя по значенію, такъ называемые омонимы. И вотъ обозначая средній терминъ однимъ и тѣмъ же, повидимому, словомъ, но въ сущности двумя различными по значенію словами, мы можемъ составить силлогизмъ, съ внѣшней стороны совершенно правильный, но который, конечно, не можетъ дать вѣрнаго вывода. Напр. „ключъ можетъ утолить жажду, каждый замокъ имѣетъ ключъ“... Можемъ-ли вывести, что замокъ можетъ утолить жажду“? Однако, по правдѣ сказать, едва-ли кто рѣшится считать здѣсь и слово „ключъ“ въ качествѣ средняго термина, такъ какъ изъ контекста ясно, что это слово употребляется здѣсь въ разныхъ значеніяхъ. Слѣдовъ, опасность представляютъ лишь тѣ случаи, когда различное значеніе термина не всякому ясно изъ контекста. Тогда, конечно, такому человѣку легко принять ложный выводъ за истинный. Напр.: „вѣрность“ есть благородное качество, представленный счетъ имѣетъ *вѣрность*. слѣдовъ. представленный счетъ свидѣтельствуетъ о благородномъ качествѣ“ (того человѣка, конечно, который его представилъ). Но здѣсь слово „вѣрность“ взято въ двухъ разныхъ значеніяхъ: вѣрность своему обѣщанію и вѣрность въ смыслѣ безошибочности въ счетѣ. Кто не вникнетъ въ это обстоятельство, тотъ, пожалуй, можетъ согласиться съ выводомъ. Итакъ, прежде чѣмъ соглашаться съ выводомъ, надо

обратить вниманіе на средній терминъ. надо вникнуть, не допущено-ли подъ покровомъ одного и того же слова *удвоеніе* значенія даннаго средняго термина, а, стало быть, *учетвореніе* терминовъ силлогизма, не допущена-ли, т обр. ошибка, которая по латынѣ называется *quaternio terminorum*.

Примѣчаніе I. Въ нѣкоторыхъ руководствахъ, кромѣ этого правила для средняго термина, даются еще такія правила относительно терминовъ: 1, Средній терминъ долженъ быть распредѣленъ (т. е. взятъ во всемъ объемѣ), хотя въ одной посылкѣ и 2, ни одинъ терминъ въ заключеніи не можетъ быть взятъ во всемъ объемѣ, если не взятъ въ этомъ объемѣ въ посылкахъ Но правила эти представляютъ не что иное, какъ замѣну тѣхъ спеціальныхъ правилъ для каждой фигуры въ силу которыхъ не признаются нормальными модусы, заключающіе въ себѣ превращеніе подчиненія терминовъ въ соподчиненіе. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ руководствахъ, напр. у Джевонса, Троицкаго. Челпанова, кромѣ указанныхъ общихъ правилъ для терминовъ излагаются еще и спеціальныя правила для фигуръ сами собою. Но если эти правила для терминовъ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ той, какую преслѣдуютъ и спеціальныя правила каждой фигуры, то очевидно, вполнѣ достаточно ограничиться или тѣми или другими Мы выбрали спеціальныя правила, такъ какъ тогда всѣ правила (за исключеніемъ quaternio terminorum) будутъ относиться лишь къ сужденіямъ. составляющимъ силлогизмъ, а не отчасти къ сужденіямъ и отчасти къ терминамъ, и слѣдовательно будутъ имѣть единство въ своемъ характерѣ.

Примѣчаніе 2 Общія и спеціальныя правила, которыми устанавливается логическая состоятельность 19 модусовъ силлогизма, имѣютъ отношеніе лишь къ тѣмъ силлогизмамъ, въ которыхъ посылки и заключеніе представляютъ сужденія подчиненія. Если же силлогизмъ составленъ изъ сужденій равенства, то нѣкоторыя изъ этихъ правилъ теряютъ свое значеніе, и лег-

ко понять--какія. Въ сужденіяхъ равенства объемы подлежащаго и сказуемаго равны другъ другу, а этимъ исключается возможность соподчиненія. Не могутъ А и В вмѣстѣ входить въ объемъ С, если объемъ С равенъ 1. Слѣдовательно, всѣ тѣ правила, которыя предостерегаютъ насъ отъ возможности превратить отношеніе подчиненія въ соподчиненіе, здѣсь не могутъ имѣть мѣста. И такимъ образомъ всѣ тѣ модусы, которые въ силу спеціальныхъ правилъ должны быть исключены изъ числа нормальныхъ, являются здѣсь логически состоятельными. Возьмите, напр., модусъ АЕЕ для первой фигуры Онъ не нормаленъ, если отношеніе между его терминами есть отношеніе подчиненія. Но если М равно Р, а S не равно М, то развѣ вы не скажете, что S не равно Р? Домъ А равенъ по высотѣ дому В, но домъ В не равенъ по высотѣ дому С, слѣдов. и домъ А не равенъ по высотѣ дому В. Заключеніе вполнѣ вѣрное. То же самое получится если вы возьмете модусъ ААА для II-й фигуры. При сужденіяхъ подчиненія этотъ модусъ для данной фигуры не нормаленъ, но при сужденіяхъ равенства онъ сохранитъ логическую значимость. Спеціальныя правила связаны съ положеніемъ средняго термина въ посылкахъ, но въ сужденіяхъ равенства положеніе средняго термина не имѣетъ никакого значенія. Ибо тогда рѣшительно все равно, скажете ли вы:

М=Р М=Р М=Р Р=М

S=M или S=M или M=S или M=S, ибо

во всѣхъ этихъ случаяхъ вы одинаково имѣете право вывести, что S=P.

§ 2. Сведеніе фигуръ силлогизма.

Процессъ послѣдовательнаго подчиненія наиболѣе типичнымъ образомъ выражается I-ой фигурой силлогизма. А такъ какъ остальныя фигуры представляютъ изъ себя не что иное, какъ видоизмѣненіе первой, вслѣдствіе перемѣны мѣста средняго термина, то понятно, что и обратно —

каждый модусъ этихъ фигутъ, въ силу нѣкоторыхъ перемѣщенiи. можетъ быть превращенъ въ соотвѣтствующiй модусъ I фигуры. Чтобы обозначить. какiя нужно сдѣлать съ этою цѣлiю превращенiя въ томъ или другомъ модусѣ и въ какой модусъ I-ой фигуры онъ окажется черезъ это превращеннымъ,—для этого дѣлается указанiе тѣми согласными, которыя вставляются. въ модусахъ II, III и IV фигуръ, между гласными. и тѣми согласными. которыми эти модусы начинаются. Такимъ образомъ оказывается, что только въ I-ой фигурѣ эти согласныя являются произвольно выбранными для удобства чтенiя, а въ остальныхъ онѣ имѣютъ уже опредѣленное значенiе, за исключенiемъ немногихъ. Если читатель обратитъ сначала вниманiе на тѣ согласныя, которыми *начинаются* модусы фигуръ, то онъ увидитъ, что для I-ой фигуры эти согласныя взяты просто въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы опредѣлить порядокъ модусовъ: B, C. D, F. A затѣмъ читатель замѣтитъ, что модусы остальныхъ фигуръ начинаются только которой нибудь изъ этихъ же буквъ, а не другими. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ ту цѣль, чтобы начальныя согласныя каждаго модуса остальныхъ трехъ фигуръ указывали на тотъ модусъ I-ой фигуры. въ который можетъ быть превращенъ данный модусъ. Такъ начальная буква C въ модусахъ CEsArE, CAmEstrEs, CAmEnEs указываетъ, что модусы эти могутъ быть превращены въ CElArEnt I-ой фигуры; буква B въ модусахъ BArOcO. BOcArdO, BAmAlp указываетъ на модусъ BArbArA и т. д. Что же касается до остальныхъ согласныхъ, употребляемыхъ въ модусахъ *между* гласными A, I, E, O, то онѣ имѣютъ слѣдующее значенiе: a) буква s указываетъ на то, что посылка, послѣ которой стоитъ эта буква. должна подвергнуться простому обращенiю (conversio simplex). Такъ s въ модусѣ CEsArE показываетъ, что въ немъ посылка, обозначенная первою буквою E, должна подвергнуться обращенiю черезъ conversio simplex, т е. субъектъ и предикатъ должны въ ней помѣняться мѣстами. Если это будетъ сдѣлано, CEsArE превратится въ CElArEnt. Въ самомъ дѣлѣ; ни одно P не есть M, S есть M, слѣдов. ни одно S не

есть P. Это CEsArE. Обратите теперь первую посылку: Ни одно M не есть P. S есть M, слѣдов. ни одно S не есть P— и у васъ получится CElArEnt. „Ни одинъ человѣкъ не безсмертенъ, ангелы безсмертны, слѣдов ангелы не люди". „Ни одно изъ безсмертныхъ существъ не есть человѣкъ, ангелы безсмертны, слѣдов. ангелы—не люди".

в) Буква *p* указываетъ на то, что обращение должно быть conversio per accidens (съ ограниченіемъ объема) Такъ если мы возьмемъ модусъD ArAptI въ III-ей фигурѣ, то буква P, послѣ второго A, указываетъ намъ, что эта посылка должна быть превращена черезъ conversio per accidens, т. е. изъ общей должна сдѣлаться частной, и тогда у насъ получится DArII первой фигуры. Въ самомъ дѣлѣ: Всѣ планеты (M) вращаются вокругъ солнца (P), планеты суть небесныя тѣла (S), слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла вращаются вокругъ солнца, т. е. M есть P и M есть S. слѣдовательно нѣкоторыя S суть P. Это DArAptI третьей фигуры. Но обратите вторую посылку изъ общей въ частную, и у васъ получится: всѣ планеты (M) вращаются вокругъ солнца (P), нѣкоторыя небесныя тѣла (S) суть планеты, слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла вращаются вокругъ солнца Получилось DArII первой фигуры.

с) Буква m показываетъ, что нужно сдѣлать перемѣщеніе посылокъ, т. е. переставить ихъ: первую сдѣлать второй и вторую—первой. Такъ m въ модусѣ CAmEstrEs указываетъ, что посылку A надо сдѣлать второй посылкой Если же затѣмъ вы вторую посылку E, поставивъ ее на мѣсто A, подвергнете прямому обращенію, на что указываетъ буква S, то у васъ и получится CElArEnt первой фигуры

$$\left.\begin{array}{r} \text{S есть M} \\ \text{P не есть M} \end{array}\right\} \text{ слѣдов S не есть P.}$$

Это CAmEstrEs II-ой фигуры. Теперь вторую посылку „P не есть M" поставьте первой, обративъ ее, какъ это указывается буквою S, черезъ conversio simplex, въ „M не есть P"; тогда получится: M не есть P, S есть M, слѣдов. S не есть P, т. е. получится CElArEnt I-ой фигуры.

„Львы (S)—животныя хищныя (M), лошади (P) не суть животныя хищныя, слѣдов. львы не лошади". Черезъ указанную перестановку получится: „хищныя животныя не суть лошади, львы—животныя хищныя, слѣдов. львы не лошади".

d, Такъ какъ I фигура есть типичная фигура силлогизма, то достовѣрность выводовъ этой фигуры должна отличаться наибольшею ясностью. Слѣдовательно, если какой-либо модусъ остальныхъ фигуръ, будучи сведенъ къ соотвѣтствующему модусу I-ой фигуры, удержитъ тотъ же самый выводъ, то черезъ это выводъ этотъ находитъ какъ бы повѣрку своей достовѣрности. Но не всѣ модусы могутъ быть прямо сведены на тотъ или другой модусъ I-ой фигуры. Есть два модуса, которые ни черезъ перестановку посылокъ, ни черезъ полное и неполное обращеніе ихъ не могутъ быть сведены ни къ одному модусу I-ой фигуры. Это модусы BArOcO и BOcArdO. Въ самомъ дѣлѣ перестановка посылокъ здѣсь не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ въ I-ой фигурѣ нѣтъ модуса, въ которомъ посылка являлась бы сужденіемъ частноотрицательнымъ. Если же прибѣгнуть къ обращенію, то частно-отрицательныя сужденія могутъ обращаться только по conversio simplex, слѣдовательно и при этомъ условіи, т. е. при обращеніи, частно отрицательная посылка останется все таки сужденіемъ частноотрицательнымъ, что, какъ мы видѣли, исключаетъ возможность превращенія данныхъ модусовъ въ какой-либо модусъ I-ой фигуры Если же сдѣлать обращеніе посылки A, то оно, конечно, возможно, только нисколько не поможетъ дѣлу, потому что вторая посылка всетаки будетъ частно-отрицательной, слѣдов. будетъ препятствовать требуемому сведенію къ модусу I фигуры. Въ силу такого обстоятельства для провѣрки достовѣрности заключенія въ этихъ модусахъ пользуются особымъ пріемомъ, называемымъ reductio ad absurdum. Буква c въ BArOcO или BOcArdO указываетъ, что къ этимъ модусамъ долженъ быть примѣненъ именно этотъ пріемъ; буква же B означаетъ здѣсь уже не сведеніе къ 1-му модусу I-ой фигуры, а только то, что при употребленіи сейчасъ сказаннаго пріема слѣдуетъ воспользоваться

модусомъ BArbArA. Цѣль этого пріема состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить сомнѣвающихся въ вѣрности выводовъ въ этихъ модусахъ, что сомнѣніе это приведетъ къ противорѣчію и стало быть не можетъ имѣть мѣста. Пусть въ самомъ дѣлѣ мы будемъ утверждать, что въ модусѣ II-ой фигуры BArOcO заключеніе (O) не есть сужденіе достовѣрное. Тогда намъ скажутъ, что если частно-отрицательное сужденіе есть сужденіе ложное, то значитъ истиннымъ будетъ общеутвердительное. Если ложно, что „нѣкоторые S не суть P", то стало быть истиннымъ будетъ: „всѣ S суть P". Сдѣлаемъ это сужденіе второй посылкой въ модусѣ BArbArA, на что имѣемъ полное право, такъ какъ у насъ здѣсь на лицо подчиненіе однихъ и тѣхъ же двухъ понятій одному и тому же третьему, и ничто не мѣшаетъ намъ располагать ихъ такъ или иначе. Тогда у насъ получится: Всѣ P суть M, всѣ S суть P, слѣдов. всѣ S суть M. Но если мы пришли къ выводу, что всѣ S суть M, то значитъ вошли въ противорѣчіе съ меньшей посылкой модуса BArOcO которая говоритъ, что нѣкоторыя S не суть M и которую мы принимаемъ за истинную, такъ какъ сомнѣваемся лишь въ выводѣ, а не въ посылкахъ. Отсюда слѣдуетъ, что наше сомнѣніе въ истинности вывода въ модусѣ BArOcO не можетъ имѣть мѣста, и мы должны признать его достовѣрнымъ. Примѣръ: „Всѣ планеты вращаются вокругъ солнца, нѣкоторыя небесныя тѣла не вращаются вокругъ солнца, слѣдов. нѣкоторыя небесныя тѣла не суть планеты". Если ложенъ выводъ, то истиной будетъ: „всѣ небесныя тѣла суть планеты". Сдѣлаемъ это сужденіе 2-ой посылкой въ модусѣ BArbArA: „Всѣ планеты вращаются вокругъ солнца, всѣ небесныя тѣла суть планеты, слѣдов. всѣ небесныя тѣла вращаются вокругъ солнца". А этотъ выводъ противорѣчитъ 2-й посылкѣ модуса BArOcO, принимаемой за истинную. Подобный же пріемъ мы должны употребить и для модуса BOcArdO (въ III-ей фигурѣ). „Нѣкоторые хищные звѣри не суть львы, всѣ хищные звѣри опасны, слѣдов. нѣкоторые опасные звѣри не суть львы". Сомнѣваемся въ истинности вывода. Тогда, стало быть, долж-

ны признать за истину: „всѣ опасные звѣри суть львы". Сдѣлаемъ это сужденіе I-ой посылкой въ модусѣ BArbArA „Всѣ опасные звѣри суть львы, всѣ хищные звѣри—опасны, слѣдов. всѣ хищные звѣри суть львы". Но выводъ теперь окажется въ противорѣчіи съ I-ой посылкой даннаго модуса, принятой за истинную: „нѣкоторые хищные звѣри не суть львы", а потому мы не можемъ сомнѣваться и въ истинности вывода въ модусѣ BOcArdO.

Примѣчаніе. Изъ изложеннаго видно, что кромѣ начальныхъ согласныхъ буквъ B, C. D и F въ модусахъ имѣютъ опредѣленное значеніе лишь буквы s. p, m и c. Остальныя же (b, d. l, n, r и t) употребляются единственно какъ вставочныя, для удобства чтенія. См. Приложеніе 8, стр 77

---

§ 3. Условный и раздѣлительный силлогизмъ.

Тѣ формы силлогизма, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, составлены изъ сужденій категорическихъ Поэтому и самый силлогизмъ такого рода называется *категорическимъ силлогизмомъ.*

Но можно составить силлогизмъ, въ которомъ первая посылка будетъ сужденіемъ условнымъ или раздѣлительнымъ. Въ 1-мъ случаѣ получится *условный силлогизмъ*, во 2-мъ—*раздѣлительный.*

Въ условномъ сужденіи, какъ извѣстно. связаны въ одно цѣлое два сужденія: одно выражаетъ причину или основаніе, а другое—слѣдствіе Но причина (или основаніе) со своимъ слѣдствіемъ даны здѣсь лишь предположительно Условное сужденіе говоритъ только, что „если есть X, то есть и P", но оставляетъ открытымъ, существуетъ-ли въ дѣйствительности въ данную минуту X и вытекающее изъ него P. Но иногда у насъ есть возможность рѣшить, что дѣйствительно на лицо находится (или наоборотъ рѣшительно отвергается) одинъ изъ членовъ даннаго условнаго сужденія, что есть дѣйствительно на лицо или причина или

слѣдствіе (или что ихъ нѣтъ) И вотъ который изъ этихъ членовъ дѣйствительно данъ (или рѣшительно отвергается) въ настоящую минуту, это указывается вторымъ сужденіемъ, которое, очевидно, должно быть непремѣнно сужденіемъ категорическимъ). Такимъ образомъ условный силлогизмъ состоитъ изъ двухъ посылокъ. первая есть сужденіе условное, выражающее опредѣленное предположеніе о связи двухъ фактовъ, а вторая—сужденіе категорическое, устанавливающее (или отрицающее) дѣйствительное существованіе въ данную минуту одного изъ этихъ фактовъ (причины или слѣдствія). Теперь возникаетъ такой вопросъ: если одинъ изъ членовъ предположительнаго причиннаго отношенія переведенъ, какъ это указывается второй посылкой, изъ области предположеній въ сферу дѣйствительности, то что при этомъ обстоятельствѣ мы можемъ утверждать о второмъ членѣ? Можемъ-ли и его также изъ предполагаемаго превратить въ фактъ дѣйствительности или должны отказаться дать о немъ какое-либо утвержденіе? Логика отвѣчаетъ, что въ однихъ случаяхъ возможно первое, а въ другихъ—второе. Предположимъ, что изъ двухъ фактовъ, указанныхъ въ большей посылкѣ, намъ данъ существующимъ на лицо въ данную минуту тотъ, который выражаетъ причину. Спрашивается, можемъ-ли мы заключать къ существованію и другого факта, т. е. слѣдствія? Въ логикѣ дается на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. „Если метеоры падаютъ съ неба, то въ небѣ есть камни. метеоры дѣйствительно падаютъ съ неба, значитъ въ небѣ дѣйствительно есть камни“. Отсюда формула. Если X есть M. то M есть P, X есть M, слѣдов M есть P. Итакъ отъ утвержденія причины (или основанія) мы можемъ заключать къ утвержденію слѣдствія. Теперь возьмемъ такой примѣръ: „Если у г. NN сгоритъ домъ, то онъ разорится“. Если затѣмъ случится, что г. NN дѣйствительно разорился, то можемъ-ли мы от-

*) Г. проф. Введенскій почему-то полагаетъ, что и вторая посылка можетъ быть сужденіемъ условнымъ. Къ сожалѣнію. онъ не привелъ ни одного примѣра подобнаго условнаго силлогизма Логика, стр. 198—199

сюда заключать, что у него сгорѣлъ домъ? Нѣтъ, очевидно не можемъ, потому что онъ могъ разориться и *отъ другихъ причинъ*. (Напр., г. NN могъ продать свой домъ, на полученную отъ продажи сумму накупить процентныхъ бумагъ и потомъ разориться вслѣдствіе полнаго паденія ихъ курса) Итакъ, отъ утвержденія слѣдствія нельзя заключать къ утвержденію условія (или причины). Но если мы отвергнемъ слѣдствіе, то должны будемъ отвергнуть и условіе Беремъ такой примѣръ „Если невдалекѣ происходитъ пушечная пальба, то слышны громоподобные звуки, но такихъ звуковъ не слышно, слѣдов. нѣтъ и пушечной пальбы". Коль скоро утверждается, что громоподобныхъ звуковъ нѣтъ, значитъ нѣтъ на лицо и всѣхъ тѣхъ условій, отъ которыхъ эти звуки зависятъ, слѣдов нѣтъ и пушечной пальбы. Итакъ отрицаніе слѣдствія ведетъ и къ отрицанію условія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что условный силлогизмъ имѣетъ два вида. Въ одномъ мы утверждаемъ условіе и приходимъ къ утвержденію слѣдствія: это *modus ponens* (положительный видъ), а въ другомъ отрицаемъ слѣдствіе и приходимъ къ отрицанію условія· это *modus tollens* (отрицательный видъ).

1) Если есть X, то есть и P,
   X есть, слѣдов. есть и P (modus ponens).
2) Если есть X, то есть и P,
   но P нѣтъ, слѣдов. нѣтъ и X (modus tollens).

Утверждая логическую значимость только за этими двумя видами условнаго силлогизма, логика, очевидно, запрещаетъ поступать противно этому требованію, т. е. отрицать условіе и утверждать слѣдствіе Запрещеніе это, впрочемъ, не безусловное Оно основывается на томъ, что слѣдствіе, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ не отъ одной причины, а отъ нѣсколькихъ различныхъ. Такъ, напр, то обстоятельство, что земледѣлецъ собралъ съ своей нивы очень мало хлѣба, можетъ зависѣть не отъ одного состоянія погоды, а и отъ количества удобренія, отъ истребленія хлѣба саранчей или градомъ и т. п. Въ условномъ сужденіи указывается всегда одно изъ возможныхъ условій. Это ведетъ

къ тому, что если я отвергну указанное условіе, то еще не получу права отвергнуть и данное слѣдствіе: оно можетъ остаться на лицо, ибо остаются прочія условія, отъ которыхъ оно точно также можетъ зависѣть. И равнымъ образомъ, если я буду утверждать слѣдствіе, то въ силу того же обстоятельства не получу права утверждать именно данное условіе, ибо слѣдствіе можетъ вытекать и изъ другихъ условій. Безспорно, что если лѣтомъ будетъ стоять засуха то земледѣлецъ соберетъ мало хлѣба. Но если онъ въ самомъ дѣлѣ собралъ его мало, то это могло произойти не отъ одной засухи, а отъ того, напр , что хлѣбъ его былъ выбитъ градомъ еще до начала жатвы. Итакъ, отъ утвержденія слѣдствія нельзя заключать къ утвержденію условія, и отъ отрицанія условія къ отрицанію слѣдствія Но это, очевидно. имѣетъ приложеніе лишь къ тѣмъ случаямъ, когда мы имѣемъ множественность условій для одного и того же слѣдствія. Если же данное слѣдствіе зависитъ отъ одного только единственнаго условія, то ограниченіе это, конечно, уничтожается. Тогда мы свободно можемъ какъ отрицать условіе, такъ и утверждать слѣдствіе. „Если духовное лицо епископъ, го оно имѣетъ право рукополагать ищущихъ церковнаго служенія въ священный санъ“. Если далѣе намъ о какомъ нибудь духовномъ лицѣ точно извѣстно, что оно епископъ, то извѣстнымъ дѣлается, что оно имѣетъ право рукоположенія, а если также точно извѣстно, что оно не епископъ, одинаково извѣстнымъ дѣлается и то, что оно не имѣетъ указаннаго права См приложеніе 9, стр 81

Если первая посылка силлогизма—сужденіе раздѣлительное, то получается раздѣлительный силлогизмъ Раздѣлительное сужденіе, какъ мы знаемъ, раскрываетъ объемъ даннаго понятія. Это первый моментъ въ построеніи раздѣлительнаго силлогизма. Второй моментъ: дается одинъ или нѣсколько индивидуальныхъ предметовъ изъ даннаго объема. Спрашивается, какое можно сдѣлать заключеніе объ этомъ одномъ или о нѣсколькихъ предметахъ въ связи съ даннымъ объемомъ? Заключеніе получается сообразно тому, что полагается намъ извѣстнымъ о данномъ одномъ или

нѣсколькихъ предметахъ. Если извѣстно, что они принадлежатъ къ одному изъ тѣхъ видовыхъ понятій, изъ которыхъ слагается объемъ даннаго родового, то значитъ они не входятъ въ составъ прочихъ видовыхъ понятій. Если, наоборотъ, извѣстно, что данный предметъ или нѣсколько не входятъ въ составъ всѣхъ видовыхъ понятій, за исключеніемъ одного, то заключеніе скажетъ, что этотъ предметъ или нѣсколько входятъ именно въ составъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ въ раздѣлительномъ силлогизмѣ три части: 1-я посылка—сужденіе раздѣлительное, раскрывающее объемъ даннаго понятія, 2-я посылка—сужденіе категорическое, выражающее или къ какому одному изъ перечисленныхъ въ 1-ой посылкѣ видовыхъ понятій относится данный предметъ (или нѣсколько), или къ какимъ видовымъ, за исключеніемъ одного, этотъ предметъ (или нѣсколько) напротивъ не относится. Заключеніе будетъ въ 1-мъ случаѣ отрицательнымъ, а во 2-мъ—положительнымъ. Отсюда получается два вида раздѣлительнаго силлогизма. Первый видъ, когда черезъ положительную вторую посылку получается отрицательное заключеніе: этотъ видъ называется *modus ponendo tollens*. и 2 ой видъ, когда черезъ отрицательную вторую посылку получаемъ утвердительное заключеніе: этотъ видъ называется *modus tollendo ponens*.

1) S есть или P или P′ или P″.

S есть P, слѣдов. S не есть ни P′ ни P″ (modus ponendo tollens).

2) S есть или P или P′ или P″.

S не есть ни P′, ни P″. слѣдов. S есть P (modus tollendo ponens).

„Небесныя тѣла суть или звѣзды, или планеты. или спутники планетъ, или кометы, Земля — планета, слѣдов. Земля не звѣзда, не спутникъ, не комета“. Если же мы послѣ той же первой посылки скажемъ: „Земля не звѣзда, не спутникъ. не комета“, то должны будемъ заключить, что она—планета

Справедливость вывода въ раздѣлительномъ силлогизмѣ зависитъ отъ двухъ условій. отъ правильности 1-ой посылки и

отъ матеріальной вѣрности 2-ой. Правильность 1-ой посылки состоитъ въ томъ, когда члены дѣленія, указанные въ ней, т. е видовыя понятія, дѣйствительно исключаютъ другъ друга. Ибо если мы поставимъ такую посылку: „дома бываютъ или деревянные, или каменные, или одноэтажные, или многоэтажные“ и потомъ скажемъ: „этотъ домъ каменный“, то еще не можемъ утверждать, что онъ не одноэтажный или не многоэтажный, ибо каменные дома бываютъ и тѣ и другіе Затѣмъ, если, сказавъ, что небесныя тѣла дѣлятся такъ-то, мы далѣе будемъ утверждать, что луна—комета, то очевидно заключеніе наше будетъ ложно, потому что ложна вторая посылка.

Если въ условномъ сужденіи мы выразимъ сужденіемъ раздѣлительнымъ ту часть его, которая выражаетъ слѣдствіе, и затѣмъ составимъ обычнымъ порядкомъ силлогизмъ, т. е. обозначимъ второй посылкой утвержденіе условія или отрицаніе слѣдствія, то у насъ получится силлогизмъ условно-раздѣлительный.

1) Если есть X, то S есть или P, или P′, или P″

Но X есть. слѣдов. S есть или P. или P′, или P (modus ponens).

2) Если есть X, то S есть или P, или P′, или P″.

Но S не есть ни P, ни P′, ни P″, слѣдов нѣтъ и X (modus tollens)

„Если данная книга много читается, то она или полезна, или увлекательна, или забавна, она дѣйствительно много читается, слѣдов. она или полезна, или увлекательна, или забавна“.

„Если предположить, что данная книга много читается, то надо допустить, что она или полезна, или увлекательна, или забавна, но она, и не полезна, и не увлекательна, и не забавна, слѣдов. нельзя думать, что она много читается“.

Условно-раздѣлительный силлогизмъ носитъ названіе *диллемы*, такъ какъ раздѣлительное сужденіе въ 1 й посылкѣ указываетъ обязательно по крайней мѣрѣ на два возможныхъ допущенія (λῆμμα) въ составѣ слѣдствія. Двѣ леммы въ составѣ слѣдствія—это какъ бы рога, изъ которыхъ

за каждый можно съ одинаковымъ правомъ ухватиться, дѣлая выводъ, отчего и самый силлогизмъ носитъ названіе *рогатый силлогизмъ* (syllogismus cornutus).

---

§ 4. Сложные и сокращенные силлогизмы.

Если заключеніе одного силлогизма вы сдѣлаете большей или меньшей посылкой другого силлогизма, а заключеніе послѣдняго поставите одной изъ посылокъ третьяго и т. д., то, очевидно, у васъ всѣ эти силлогизмы составятъ одно цѣлое, составятъ сложный силлогизмъ или такъ называемый *полисиллогизмъ*.

1) B есть A
C — B
слѣдов. C — A } просиллогизмъ

2) C есть A
D — C
слѣдов. D — A } эписиллогизмъ 1-ый.

3) D есть C
F — D
слѣдов F — C } эписиллогизмъ 2-ой.

И т. д

Примѣръ:

1) Знаніемъ пріобрѣтается мудрость.
науки даютъ знаніе,
слѣдов науками пріобрѣтается мудрость.
2) Науками пріобрѣтается мудрость.
исторія есть наука,
слѣдов. исторія, какъ наука, участвуетъ въ пріобрѣтеніи мудрости.

Подобно категорическому силлогизму и условные силлогизмы могутъ быть тоже сложными. Для этого въ первой посылкѣ надо соединить нѣсколько условныхъ сужденій, напр., если A есть B, то C есть D и если F есть G, то C есть D. Здѣсь соединены два условныхъ сужде-

нія, имѣющія одно и то же слѣдствіе. Такъ человѣкъ, знающій, что онъ находится на островѣ, можетъ разсуждать т. обр.: „если я пойду направо, то приду къ морю если я пойду налѣво, то приду къ морю“. Но можно, конечно, взять и такія условныя сужденія, въ которыхъ слѣдствія будутъ различны, напр. если A есть B, то C есть D и если F есть G, то H есть K Въ русскихъ былинахъ богатырь встрѣчаетъ на распутіи такую надпись на камнѣ· „если ты поѣдешь направо, убитъ будешь, если поѣдешь налѣво — коня потеряешь“.

Когда, имѣя одно изъ такихъ сложныхъ условныхъ сужденій, мы пожелаемъ сдѣлать его 1-ою посылкою силлогизма, то должны будемъ присоединить къ нему 2-ю посылку, которая по обыкновенному правилу для условныхъ силлогизмовъ, должна или утверждать условіе или отрицать слѣдствіе (modus ponens и modus tollens). Но такъ какъ мы имѣемъ въ 1-ой посылкѣ два различныхъ условія, исключающихъ другъ друга, то мы не можемъ дѣлать о нихъ совмѣстное утвержденіе, а должны указать, что стоимъ передъ выборомъ или того или другого. Поэтому 2-я посылка должна принять форму уже не категорическаго сужденія, а раздѣлительнаго. „Если я пойду направо, то приду къ морю, если я пойду налѣво, то приду къ морю, но я долженъ идти или направо или налѣво, слѣдов. я приду къ морю“.

Если A есть B, то C есть D и если F есть G, то C есть D, но или A есть B или F есть G, слѣдов C есть D.

При отрицаніи слѣдствія будутъ совмѣстно отрицаться и всѣ данныя условія. Если A есть B, то C есть D и если F есть G, то C есть D, но C не есть D, слѣдов. нѣтъ и A=B и F=G. „Если я пойду направо, то приду къ морю, если пойду налѣво, то приду къ морю, но я не хочу идти къ морю, слѣдов не пойду ни направо, ни налѣво“. Если же въ условныхъ сужденіяхъ, составляющихъ первую посылку, слѣдствія различны, то кромѣ 2-ой посылки и заключеніе должно явиться въ формѣ раздѣлительнаго сужденія, потому что невозможно совмѣстное утвержденіе двухъ взаим-

но исключающихъ слѣдствій. Если A есть B, то C есть D, и если F есть G, то H есть K, но или A есть B или F есть G, слѣдов. или C есть D, или H есть K. „Если поѣдешь направо, убитъ будешь, если поѣдешь налѣво—коня потеряешь, но я долженъ ѣхать или направо или налѣво, слѣдоват. я или убитъ буду или коня потеряю".

При отрицаніи всѣхъ данныхъ слѣдствій, совмѣстно отрицаются, конечно, и всѣ условія. Если A есть B, то C есть D, и если F есть G, то H есть K, но ни C не есть D, ни H не есть K, слѣдов. ни A не есть B, ни F не есть G. „Если поѣдешь направо, убитъ будешь, если поѣдешь налѣво, коня потеряешь, но я не поѣду ни направо, ни налѣво, слѣдов въ данномъ случаѣ я, убитъ не буду и коня не потеряю").

Мы уже говорили, что основныя формы мышленія—понятіе, сужденіе, умозаключеніе—образуясь одно изъ другого, могутъ обратно превращаться одно въ другое. Такъ изъ понятій образуются сужденія, но сужденія въ свою очередь могутъ обращаться въ понятія равнымъ образомъ изъ сужденій образуются умозаключенія, но въ свою очередь и умозаключенія превращаются въ сужденія Послѣднее происходитъ при такъ называемымъ *сокращеніи* умозаключеній: сокращаясь, умозаключенія превращаются въ сложныя сужденія, именно въ сужденія причинныя. Сокращеніе состоитъ въ томъ, что силлогизмъ не высказывается вполнѣ во всѣхъ своихъ трехъ сужденіяхъ: одно которое нибудь умалчивается, остается какъ бы въ умѣ, въ душѣ, ἐν θυμῷ по

*) Такъ какъ въ составъ этихъ силлогизмовъ, какъ мы видѣли, входятъ иногда сужденія раздѣлительныя, то они могутъ быть отнесены къ отдѣлу силлогизмовъ условно-раздѣлительныхъ. Но называть *простымъ* условно-раздѣлительнымъ тотъ modus, въ которомъ въ 1-ой посылкѣ при разныхъ условіяхъ указывается одно и тоже слѣдствіе и *сложнымъ*—тотъ, въ которомъ даны разныя слѣдствія, какъ это дѣлаетъ г Челпановъ, кажется намъ совершенно неосновательнымъ Оба modus'a представляютъ одинаково сложную 1-ую посылку, слѣдов оба одинаково должны быть названы *сложными условными силлогизмами*

гречески. откуда и самая форма сокращеннаго силлогизма получила названіе *энтимемы*. Если напр. мы возьмемъ такой силлогизмъ: „Всѣ планеты свѣтятъ отраженнымъ свѣтомъ. Марсъ—планета. слѣдов Марсъ свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ“, то мы можемъ выпустить одну изъ посылокъ и соединить заключеніе съ оставленной, образуя сложное сужденіе въ формѣ причиннаго предложенія Если выпустимъ меньшую посылку „Марсъ—планета“, то у насъ получится: „Марсъ свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, потому что всѣ планеты свѣтятъ отрженнымъ свѣтомъ“ или „такъ какъ всѣ планеты свѣтятъ отраженнымъ свѣтомъ. то и Марсъ свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ“ Можемъ выпустить и большую посылку; тогда получимъ: „такъ какъ Марсъ—планета, то онъ свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ“, или „Марсъ свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, потому что онъ планета“. Можно удержать въ умѣ и заключеніе: „Такъ какъ всѣ планеты свѣтятъ отраженнымъ свѣтомъ, а Марсъ планета“. .. Но понятно, что послѣднее сокращеніе рѣзко отличается отъ предыдущихъ, ибо мы здѣсь просто обрываемъ силлогизмъ, а не превращаемъ его въ другую самостоятельную форму мышленія.

Подобно тому, какъ, соединивши нѣсколько полныхъ простыхъ силлогизмовъ, мы получаемъ *сложный* силлогизмъ, такъ точно, соединивши нѣсколько энтимемъ, мы получимъ сложный энтимематическій силлогизмъ. который носитъ названіе *эпихеремы* Напр. „Такъ какъ все, что содѣйствуетъ прогрессу человѣчества, полезно, то развитіе знанія, безъ сомнѣнія. полезно, ибо знаніе ведетъ къ прогрессу. а такъ какъ развитіе знанія выражается въ наукахъ, то каждая серьезная наука полезна“ Выразивъ тоже самое въ формѣ полнаго сложнаго силлогизма, получимъ: „Все, что содѣйствуетъ прогрессу человѣчества, полезно; развитіе знанія содѣйствуетъ прогрессу, слѣдов. развитіе знанія полезно; развитіе знанія полезно, знаніе въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, выражается въ наукахъ, слѣдов. каждая серьезная наука полезна“.

Когда мы соединимъ въ одинъ сложный силлогизмъ нѣсколько простыхъ полныхъ силлогизмовъ, то у насъ не-

избѣжно являются повторенія нѣкоторыхъ сужденій, ибо заключеніе предыдущаго силлогизма дѣлается одной изъ посылокъ послѣдующаго Возьмемъ такой примѣръ: „Все, что обладаетъ сознаніемъ, есть существо живое, животныя обладаютъ сознаніемъ, слѣдов. *животныя суть существа живыя*; *животныя суть существа живыя*, млекопитающія суть животныя, слѣдов., *млекопитающія суть существа живыя*; *млекопитающія суть существа живыя*, хищные звѣри суть животныя млекопитающія, слѣдов., *хищные звѣри суть существа живыя*, *хищныя звѣри суть существа живыя*, львы суть хищные звѣри, слѣдов., львы суть существа живыя".

Мы видимъ, что здѣсь повторяются три сужденія. Вслѣдствіе подобныхъ повтореній полисиллогизмъ принимаетъ видъ чего-то растянутаго, неуклюжаго. Надо выбросить эти повторенія. Это очень легко сдѣлать. Вѣдь если вы могли изъ нѣсколькихъ силлогизмовъ сдѣлать одинъ сложный силлогизмъ, то лишь потому, что меньшій терминъ предыдущаго силлогизма можетъ являться какъ средній терминъ въ послѣдующемъ, т. е. вы имѣете рядъ понятій, послѣдовательно подчиненныхъ одинъ другому. Итакъ начните съ подчиненія средняго термина большему и меньшаго среднему, а затѣмъ укажите весь рядъ подчиненій меньшихъ терминовъ, пока не дойдете до конца, гдѣ и свяжете послѣдній меньшій терминъ съ указаннымъ въ первой посылкѣ большимъ терминомъ—и вотъ у васъ получится сокращенный сложный силлогизмъ, называемый *соритомъ* (отъ греч. слова σωρός, что значитъ куча). Такъ если вы сдѣлаете такую операцію съ приведеннымъ сейчасъ примѣромъ то у васъ получится: „Все, что обладаетъ сознаніемъ, есть существо живое (средній терминъ соединяете съ большимъ), животныя обладаютъ сознаніемъ (соединяете меньшій терминъ съ среднимъ), млекопитающія суть животныя (новый меньшій терминъ соединяете съ предыдущимъ меньшимъ, сдѣлавъ его среднимъ); хищные звѣри суть животныя млекопитающія (тоже); львы суть хищные звѣри (тоже), слѣдовательно,

львы суть существа живыя (соединяете послѣдній меньшій терминъ съ большимъ) Представивъ примѣръ въ схематическомъ видѣ, получимъ

M — P
S — M
X — S
У — X
Z — У

Z — P

Обративъ вниманіе на объемъ понятій, служащихъ среднимъ терминомъ, мы замѣтимъ, что они идутъ здѣсь по степени убывающей общности ихъ объема. „обладать сознаніемъ", „животныя", „млекопитающія", „хищныя", „львы" Но вы можете расположить понятія и въ обратномъ порядкѣ, т е поставить ихъ по степени увеличивающейся общности ихъ объема

Z — У
У — X
X — S
S — M
M — P

Z — P

, Львы суть хищные звѣри, хищные звѣри суть млекопитающія млекопитающія суть животныя, животныя обладаютъ сознаніемъ. все. что обладаетъ сознаніемъ, есть существо живое, слѣдов., львы суть существа живыя".

Итакъ сориты могутъ быть двухъ видовъ. Первый видъ называется *Аристотелевскимъ* или *прогрессивнымъ* (этотъ соритъ предложенъ былъ извѣстнымъ греч. философомъ Аристотелемъ. Прогрессивнымъ онъ называется потому, что переходя постепенно къ менѣе общимъ понятіямъ, мы *прогрессируемъ* относительно величины ихъ содержанія (ибо чѣмъ меньше объемъ понятія, тѣмъ обширнѣе его содержаніе). Второй видъ называется *Гокленіевскимъ* или *регрессивнымъ*. (Гокленій,

проф. Марбургскаго университета, первый указалъ на эту форму сорита, въ которой мы *регрессируемъ* отъ болѣе обширнаго содержанія понятій къ менѣе обширному).

Не говоря уже о полныхъ сложныхъ силлогизмахъ которые, конечно, нигдѣ не употребляются, кромѣ какъ въ учебникахъ логики, малоупотребителенъ и соритъ. Изъ литературныхъ произведеній можно добыть нѣсколько рѣдкихъ примѣровъ (Всего болѣе извѣстенъ, напр., соритъ Сенеки: Qui prudens est, et temperans est; qui temperans est, et constans est, qui constans est, et imperturbatus est, qui imperturbatus est, sine tristitia est, qui sine tuistitia est, beatus est; ergo prudens beatus est). Но въ обыкновенной практикѣ языка соритъ почти такъ же мало употребителенъ, какъ и полные сложные силлогизмы Зато сокращенные простые силлогизмы, энтимемы, являются одними изъ самыхъ употребительныхъ оборотовъ рѣчи. Это потому, что энтимема есть превращеніе силлогизма въ самостоятельную логическую фурму причиннаго *сужденія*, а сужденіе есть основная, главнѣйшая форма выраженія мысли.

В. Индуктивное умозаключеніе или индукція.

Мы видѣли, что умозаключеніемъ называется такая форма мышленія, которая состоитъ въ выводѣ рѣшительнаго утвержденія связи между двумя понятіями изъ извѣстнаго намъ отношенія этихъ понятій къ одному и тому же третьему. Изъ того, что A=B, а B=C, мы выводимъ, что A=C. Изъ того, что B подчинено C, а A подчинено B мы выводимъ, что A подчинено C На основаніи того, что „всѣ металлы суть хорошіе проводники электричества (B—C), а „мѣдь металлъ“ (A—B), мы заключаемъ, что „мѣдь есть хорошій проводникъ электричества“ (A—C). Начавши съ утвержденія опредѣленнаго признака за металломъ вообще, мы приходимъ къ утвержденію того же признака за мѣдью, слѣдоват., отъ родового понятія переходимъ къ видовому. Это, какъ мы знаемъ, называется дедуктивнымъ умозаклю-

ченіемъ или силлогизмомъ. Но, спрашивается, единственный ли это способъ умозаключенія или наше мышленіе владѣетъ еще какимъ нибудь другимъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы легко можемъ получить, если разсмотримъ основанія значимости входящихъ въ составъ силлогизма утвержденій. Что мѣдь, какъ металлъ, есть хорошій проводникъ электричества, это мы знаемъ на томъ основаніи, что вообще всѣ металлы суть хорошіе проводники электричества. Но на какомъ основаніи мы можемъ утверждать, что всѣ металлы хорошо проводятъ электричество? Единственно на основаніи опыта, единственно потому, что производились опыты надъ отдѣльными кусками различныхъ металловъ. Эти опыты установили связь между данными кусками металловъ и проводимостью электричества, а мы эту связь распространили на весь классъ металловъ. До опыта мы не знали объ этой связи, опытъ далъ намъ возможность установить ее. Слѣдовательно, и здѣсь мы сдѣлали выводъ утвержденія такого отношенія между двумя понятіями, которое намъ не было извѣстно, сдѣлали выводъ изъ того, что намъ оказалось извѣстнымъ благодаря опыту. Т. обр. и здѣсь предъ нами является умозаключеніе. Слѣдовательно, наше мышленіе не ограничивается однимъ способомъ умозаключенія. Если сравнимъ этотъ второй способъ съ силлогизмомъ, то разница между ними легко можетъ быть усмотрѣна. Въ силлогизмѣ мы беремъ за основу вывода общее понятіе положимъ „металлъ“, и въ выводѣ утверждаемъ о частномъ понятіи (мѣдь), что она „проводитъ электричество“, а здѣсь за основу вывода мы беремъ частные факты (образцы различныхъ металловъ) и въ выводѣ утверждаемъ объ общемъ понятіи: „всѣ металлы“, что они „проводятъ электричество“. Этотъ второй способъ умозаключенія называется *индуктивнымъ умозаключеніемъ* или *индукціей*. Сущность этого умозаключенія состоитъ, какъ мы видимъ, въ томъ, что извѣстное намъ о частныхъ фактахъ мы распространяемъ на общее, мы обобщаемъ то, что намъ извѣстно относительно частныхъ фактовъ. (Отсюда слѣдуетъ, что терминъ inductio,

ἐπαγωγή, что собственно значитъ *наведеніе*, лучше перевести: *распространеніе*, *обобщеніе*).

Итакъ индукція есть заключеніе отъ частнаго къ общему. Но спрашивается, по какому праву мы дѣлаемъ такое заключеніе? Заключать отъ *общаго къ частному*, какъ это дѣлается въ силлогизмѣ, намъ дозволяется правиломъ: что справедливо для общаго, то справедливо для частнаго. Но какой принципъ позволяетъ намъ заключать отъ *частнаго къ общему*? Вѣдь мы видѣли (въ ученіи о понятіяхъ), что логика запрещаетъ отъ истинности частнаго заключать къ истинности общаго, ибо не всегда то, что справедливо для частнаго, низшаго понятія, можетъ быть справедливымъ для общаго: если для нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ справедливо, что они людоѣды, то это, конечно, не справедливо для людей вообще. Почему же въ индуктивномъ умозаключеніи мы какъ разъ поступаемъ вопреки этому правилу и считаемъ все таки наше заключеніе согласнымъ съ истиной? Индукція, конечно, была бы невозможна, если бы запрещеніе заключать отъ частнаго къ общему имѣло такой же абсолютный характеръ, какъ дозволеніе заключать отъ общаго къ частному. Есть случаи, когда заключеніе отъ частнаго къ общему такъ же дозволительно, т. е. имѣетъ такую же достовѣрность, какъ и заключеніе отъ общаго къ частному. Это бываетъ, во 1-хъ, когда намъ извѣстно, одно и тоже обо всѣхъ предметахъ даннаго класса. Напр. намъ извѣстно, что каждый изъ двѣнадцати учениковъ І. Христа былъ родомъ іудей, отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что всѣ ученики Христа были по происхожденію іудеи. Намъ извѣстно, что Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ вращаются вкругъ солнца, отсюда мы дѣлаемъ выводъ, что всѣ планеты нашей солнечной системы вращаются вокругъ солнца.

Во 2-хъ, если намъ дѣлается, благодаря опыту, что либо извѣстнымъ объ отдѣльномъ предметѣ того или другого класса предметовъ, то чрезъ это тоже самое дѣлается извѣстнымъ и обо всемъ классѣ. Если напр., кусокъ желѣза мы расплавимъ дѣйствіемъ жара опредѣленнаго градуса,

то этого для насъ достаточно, чтобы знать, что всякій кусокъ желѣза расплавится при той же температурѣ. Желѣзо (вообще) плавится, говоримъ мы, при такихъ то градусахъ жара. Отъ отдѣльнаго предмета мы сдѣлали вполнѣ достовѣрное заключеніе ко всему классу даннаго предмета.

Разсматривая оба эти случаи, мы легко можемъ замѣтить, что первый случай собственно представляетъ чисто словесное общее заключеніе; ибо если намъ извѣстно одно и тоже о каждомъ отдѣльномъ предметѣ даннаго класса, то этимъ данъ уже и общій выводъ, который, выражаясь далѣе обобщенно, мы только повторяемъ въ другой формѣ Такъ что здѣсь мы имѣемъ, собственно говоря, заключеніе отъ совокупности фактовъ къ общему ихъ термину, т. е иначе сказать тавтологію въ умозаключеніи, и такъ какъ всякая тавтологія не имѣетъ никакой логической цѣны, то все значеніе этого вида индукціи сводится лишь къ практическому удобству короче выразиться о чемъ либо обобщеннымъ образомъ вмѣсто иногда длиннаго перечисленія предметовъ. Такая чисто словесная индукція традиціонно называется въ учебникахъ логики *полною индукцией*

Что касается второго случая заключенія отъ частнаго къ общему, то здѣсь мы имѣемъ дѣйствительно умозаключеніе въ его логической значимости, ибо дѣлаемъ выводъ отъ того, что намъ извѣстно, къ тому, что непосредственно не подлежитъ нашему воспріятію: отъ отдѣльнаго предмета заключаемъ ко всему классу предметовъ, къ которому этотъ отдѣльный предметъ относится. И надо замѣтить, что это заключеніе имѣетъ такую же достовѣрность, какъ и обратное заключеніе отъ общаго къ частному. Но весьма важно при этомъ обратить вниманіе на то, что эта значимость принадлежитъ данному выводу лишь въ томъ случаѣ, когда то новое, что намъ сдѣлалось извѣстнымъ объ отдѣльномъ предметѣ, стоитъ къ этому предмету въ причинномъ отношеніи. Таковъ, напр., случай плавкости куска желѣза отъ дѣйствія высокой температуры или замерзанія опредѣленнаго количества ртути при извѣстномъ градусѣ холода Но если наше наблюденіе надъ отдѣльнымъ предметомъ уста-

навливаетъ лишь случай простого сосуществованія или простой послѣдовательности двухъ явленій, то заключеніе отъ частнаго къ общему никогда не можетъ достигать полной достовѣрности. Изъ того, что въ домѣ, на крышѣ котораго сидѣлъ воронъ, случился покойникъ, еще не слѣдуетъ, что во всякомъ домѣ, на крышу котораго сядетъ воронъ, непремѣнно будетъ покойникъ. Для того, чтобы эта связь между ворономъ на крышѣ дома и покойникомъ въ домѣ пріобрѣла хотя бы тѣнь возможности заключенія о ея постоянствѣ, нуженъ не одинъ, а нѣсколько случаевъ подобной связи. И чѣмъ больше будетъ наблюдаться случаевъ такой связи, тѣмъ достовѣрнѣе будетъ наше заключеніе о ея постоянствѣ. Ибо частое повтореніе двухъ явленій въ опредѣленной послѣдовательности естественно клонитъ мысль къ предположенію, что между этими явленіями есть какое-то внутреннее, причинное отношеніе.

Если вы въ первый разъ видите лебедя и раньше ничего о немъ не знали и не слыхали, то связь между фигурой птицы и цвѣтомъ ея перьевъ не можетъ имѣть для васъ значенія чего-то необходимаго, ибо вамъ неизвѣстно, существуетъ-ли причинное отношеніе между указанными фактами. Вы легко можете допустить, что другія птицы точно такого же органическаго строенія, т. е. такой же внѣшней фигуры, могутъ имѣть не бѣлую, а, напр., пеструю окраску перьевъ. Но послѣ того какъ вы имѣли возможность видѣть, положимъ, сотню бѣлыхъ лебедей, мысль о другомъ цвѣтѣ перьевъ этой птицы уже теряетъ всякую долю вѣроятности, ибо у васъ является предположеніе, что связь между фигурой и цвѣтомъ перьевъ имѣетъ какое-то внутреннее соотношеніе. И чѣмъ больше вы наблюдаете постоянства въ связи этихъ фактовъ, тѣмъ болѣе укрѣпляется ваше предположеніе въ данномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе это предположеніе какъ бы оно ни было крѣпко вслѣдствіе безчисленнаго повторенія связи двухъ опредѣленныхъ фактовъ, можетъ быть сразу опровергнуто однимъ единственнымъ примѣромъ. Стоитъ только найтись одному черному лебедю, и мысль о причинной зависимости между

органическимъ строеніемъ лебедя и цвѣтомъ его перьевъ должна утратить всякую претензію на достовѣрность. Т. обр. есть случаи, когда большая или меньшая вѣроятность заключенія о постоянствѣ связи между опредѣленнымъ признакомъ и всѣмъ классомъ даннаго предмета находится въ прямо пропорціональномъ отношеніи къ количеству наблюденій надъ отдѣльными предметами этого класса, наблюденій, не встрѣчающихъ возраженія со стороны другихъ наблюденій. Это такъ называемая *inductio per enumerationem simplicem ubi non reperitur instantia contradictoria.* Именно этотъ видъ индукціи лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ нашихъ общихъ заключеній, вродѣ того, что всѣ вороны черны, что всѣ двухкопытныя животныя отрыгаютъ жвачку и т. п. Понятно, что указанная выше такъ называемая „полная индукція“ представляетъ лишь частный случай индукціи per enumerationem simplicem: она получается въ томъ случаѣ, когда объемъ даннаго понятія остается строго опредѣленнымъ, когда количество предметовъ, образующихъ этотъ объемъ, не находится въ процессѣ непрерывнаго возобновленія (такія понятія называются индиктивными), каковы, напримѣръ, количества предметовъ, образующихъ объемы понятій: планеты, ученики Христа, мѣсяцы въ году и т. д. Если же объемъ понятія является неопредѣленнымъ, то заключеніе по индукціи per enumerationem simplicem никогда не можетъ достигнуть полной достовѣрности, потому что сколько бы мы случаевъ опредѣленной связи ни наблюдали, это количество случаевъ никогда не можетъ дать намъ ручательства въ томъ, что не явится новый случай, опровергающій наше обобщеніе. Заключенія по этой индукціи даютъ обобщенія извѣстныя подъ названіемъ *эмпирическихъ законовъ*, обобщенія болѣе или менѣе приблизительной вѣроятности. Эти обобщенія только наталкиваютъ мысль на изысканіе причинной связи между постоянно повторяющимися явленіями, *стоящими* другъ къ другу *въ отношеніи* сосуществованія или простой послѣдовательности. Напр., эмпирическій законъ, что хина излѣчиваетъ лихорадку, ведетъ къ стремленію выяснить, въ чемъ состоитъ это вліяніе хины на прекращеніе

болѣзни, почему именно *она* излѣчиваетъ лихорадку, и если бы удалось установить причину этого вліянія, то данный эмпирическій законъ превратился бы въ законъ *научный*, такъ какъ наука и состоитъ главнымъ образомъ въ опредѣленіи причинной связи между явленіями. Такъ законъ Кеплера о движеніи планетъ по эллиптическимъ орбитамъ былъ закономъ эмпирическимъ, пока законъ тяготѣнія, давшій объясненіе этому явленію, не превратилъ его въ законъ научный.

Итакъ наши индуктивныя обобщенія могутъ быть раздѣлены, по характеру связи между наблюдаемыми явленіями, на два отдѣла: на обобщеніе фактовъ, представляющихъ лишь сосуществованіе или простую послѣдовательность явленій, и на обобщеніе фактовъ, представляющихъ причинное отношеніе между явленіями. Оба эти отдѣла относительно достовѣрности своихъ обобщеній представляютъ значительное различіе. Обобщенія перваго отдѣла требуютъ въ качествѣ своей основы большаго или меньшаго повторенія случаевъ наблюдаемой связи и все таки никогда не могутъ пріобрѣсти значимости полной достовѣрности; для обобщенія же второго отдѣла достаточно одного случая наблюдаемой связи, и тѣмъ не менѣе обобщеніе это будетъ имѣть полную достовѣрность.

Спрашивается теперь, въ чемъ же лежитъ основаніе такого различія? Почему обобщенія только фактовъ причиннаго отношенія имѣютъ эту значимость полной достовѣрности?

Если въ фактахъ причиннаго отношенія не видѣть ничего болѣе кромѣ явленія простой послѣдовательности, лишь не допускающей никакого исключенія и образующей въ насъ привычку мыслить эти явленія безусловно связанными, то очевидно, что понятіе причиннаго отношенія, завися отъ количества повтореній, не могло бы примѣняться къ фактамъ явленій послѣдовательности, пока эти факты не достигли бы извѣстнаго количества повтореній. Но вѣдь, какъ извѣстно, мы усматриваемъ причинное отношеніе въ явле-

ніяхъ послѣдовательности безъ всякаго условія повторяемости этихъ явленій. Если я, подвергнувъ кусокъ олова дѣйствію сильнаго жара, получилъ олово въ расплавленномъ видѣ, то для меня вовсе не нужно ждать повторенія этого опыта, чтобы поставить эти факты, т. е. расплавленное олово съ одной стороны и кооперацію олова въ твердомъ видѣ съ дѣйствіемъ высокой температуры, съ другой, въ причинное отношеніе другъ къ другу. Олово въ расплавленномъ видѣ есть фактъ послѣдующій, кооперація твердаго олова и дѣйствія жара есть фактъ предыдущій, который и обусловилъ собой явленіе олова въ расплавленномъ состояніи И вездѣ, гдѣ мы находимъ, что послѣдующее есть результатъ кооперации по крайней мѣрѣ двухъ предыдущихъ факторовъ, мы связываемъ это послѣдующее съ предыдущимъ причиннымъ отношеніемъ. И, слѣдовательно, для того, чтобы опредѣлить, стоитъ-ли послѣдующее въ причинномъ отношеніи къ предыдущему, надо только установить, что оно есть результатъ этого предыдущаго, представляющаго опредѣленную кооперацію по крайней мѣрѣ двухъ факторовъ. Не можетъ результатъ быть порожденіемъ единственнаго фактора. Не можетъ одинъ огонь породить расплавленное олово: чтобы оно явилось, нуженъ огонь и твердое олово. Вода не можетъ возникнуть изъ одного водорода и поваренная соль изъ одного натра: нужна кооперація водорода съ кислородомъ, чтобы явилась вода, и натра съ хлоромъ, чтобы явилась поваренная соль. Не можетъ солнечный лучъ самъ по себѣ распасться на цвѣта радуги: нужно, чтобы онъ прошелъ черезъ призму или нѣчто ей подобное Факты эти безчисленны:

Слѣдовательно, причинное отношеніе отличается отъ явленій простой послѣдовательности между прочимъ тѣмъ, что предыдущее въ немъ никогда не есть единичный фактъ, а всегда нѣчто сложное. Причина есть то, что порождаетъ явленіе, но то, что порождаетъ явленіе, есть всегда кооперація нѣсколькихъ факторовъ. Теперь посмотримъ, какъ производится обобщеніе фактовъ причиннаго отношенія.

Если бы мы не жили въ мірѣ повторяемости явленій, мы не имѣли бы общихъ понятій. Но такъ какъ повторяемость явленій, обуславливающая повторяемость нашихъ дѣйствій, есть необходимое условіе нашего существованія, то у насъ не только есть общія понятія, но и стремленіе мыслить о каждомъ отдѣльномъ предметѣ, какъ включенномъ въ общее понятіе. Найдя какое нибудь новое вещество, химикъ не думаетъ, что онъ открылъ именно только этотъ кусочекъ вещества, который никогда и нигдѣ больше не повторится въ видѣ совершенно подобныхъ же кусочковъ, а полагаетъ, что онъ открылъ новый видъ вещества, котораго данный кусочекъ есть лишь отдѣльный образецъ. Это какъ бы часть, взятая отъ цѣлаго, а такъ какъ часть не можетъ имѣть другихъ существенныхъ свойствъ, кромѣ тѣхъ, какія присущи и цѣлому, то значитъ все, что мы свяжемъ съ существенными свойствами части, въ одинаковой мѣрѣ будетъ присуще и цѣлому. Чтобы узнать достоинство вина, наполняющаго бочку, не требуется выпить всю бочку заразъ, а лишь взять изъ нея небольшую пробу Вотъ почему, когда химикъ подвергнетъ кусочекъ открытаго имъ вещества кооперации съ другими дѣятелями природы и получитъ опредѣленный результатъ этой кооперации, онъ тотчасъ сдѣлаетъ заключеніе, что и весь видъ этого вещества, т. е. всѣ куски его, какіе мы только можемъ найти, дадутъ тотъ же самый результатъ, если будутъ подвергнуты той же кооперации. И это заключеніе будетъ вполнѣ безошибочнымъ въ логическомъ отношеніи, ибо основано на законѣ тожества. Отдѣльные куски одного и того же вещества мы считаемъ тожественными по ихъ существеннымъ свойствамъ, потому что различаемъ ихъ только по положенію въ пространствѣ, а пространство не вліяетъ на измѣненіе существенныхъ свойствъ предмета. Слѣдовательно, каждый отдѣльный кусокъ даннаго вещества есть его образецъ, все равно какъ и другой, и третій, и т. д И потому то, что мы произвели съ однимъ кускомъ, мы точно также можемъ произвести и со всякимъ другимъ, т. е. сказать, что весь видъ даннаго вещества подверженъ возможности дать одинъ

и тотъ же результатъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ кооперации. Конечно, практика можетъ приподнести намъ нѣкоторые сюрпризы. Можетъ оказаться, напр, что взятый для опыта кусокъ, повидимому, того же самаго вещества вдругъ при той же самой кооперации даетъ иной результатъ, а не тотъ, какой мы имѣли раньше. Но это будетъ значить только то, что есть вещества, имѣющія скрытыя отъ внѣшняго наблюденія различія и совершенно одинаковыя тѣ свойства, которыя этому наблюденію доступны. Такъ цезій и рубидій были долго ошибочно принимаемы за калій.) Но это не значитъ, какъ это полагаетъ Джевонсъ, чтобы оказывались ложными наши самыя надежныя умозаключенія, если мы ошибочно принимали одно вещество за другое. Для того, что̀ есть дѣйствительно калій, наши обобщенія остались вполнѣ достовѣрными и послѣ открытія рубидія, и нисколько не поколебались отгого, что нѣкогда мы рубидій ошибочно принимали за калій Пусть можетъ найтись такое вещество, которое съ цвѣтомъ, тягучестью, удѣльнымъ вѣсомъ и другими свойствами золота соединяетъ другія качества, которыхъ мы не ожидаемъ. Тогда это не будетъ золото, а лишь вещество, подобное ему; золото же останется золотомъ, и наши обобщенія относительно его нисколько не потеряютъ своей достовѣрности.

Итакъ есть индуктивныя обобщенія, имѣющія полную достовѣрность. И это именно обобщенія причиннаго отношенія отъ отдѣльнаго образца на весь видъ того вещества или тѣхъ предметовъ, отъ котораго взятъ данный образецъ. Это обобщеніе не выступаетъ, слѣдовательно, за предѣлы даннаго вида. потому что отдѣльный предметъ можетъ быть образцомъ лишь своего вида. Отдѣльная липа есть образецъ только липъ, отдѣльный дубъ—только дубовъ и т. д. И при этомъ требуется, чтобы данный образецъ ничѣмъ не отличался въ своихъ существенныхъ свойствахъ отъ остальныхъ предметовъ своего вида. Ибо можетъ случиться, что въ кооперацію съ другимъ дѣятелемъ можетъ войти такое свойство даннаго образца, которое имѣетъ

*) Джевонсъ Основы науки, стр. 227

въ немъ высшую степень, чѣмъ въ остальныхъ предметахъ даннаго вида. Если ученикъ съ хорошей памятью въ полчаса отлично выучитъ страницу изъ исторіи, то это не значитъ, что всѣ его товарищи выучатъ эту страницу въ тотъ же самый срокъ: для другихъ понадобится больше времени, потому что они не обладаютъ такой же хорошей памятью. Итакъ полное тожество существенныхъ свойствъ даннаго образца и того вида, къ которому. образецъ относится; затѣмъ предѣлы обобщенія тѣмъ видомъ, къ которому относится образецъ, подвергнувшійся данной операціи,—вотъ условія достовѣрности индуктивнаго обобщенія, которое. какъ мы видимъ, можетъ касаться лишь фактовъ. представляющихъ причинное отношеніе.—Отсюда ясно, что если мы, установивъ для отдѣльнаго образца фактъ причиннаго отношенія распространимъ это отношеніе не только на видъ. но и на ближайшій родъ даннаго понятія, то легко можемъ впасть въ грубую ошибку. Если мы, расплавивши олово жаромъ опредѣленнаго градуса, сдѣлаемъ заключеніе, что не только олово. но и *всѣ металлы* плавятся при томъ же градусѣ теплоты, то наше заключеніе будетъ ошибочно, и опытъ изобличитъ насъ) Но мы имѣемъ однако возможность сдѣлать достовѣрныя индуктивныя обобщенія и высшаго порядка. Для этого надо соединить въ одно индуктивныя обобщенія тѣхъ видовъ, которые составляютъ весь объемъ ближайшаго родового понятія. Тогда у насъ получится и родовое достовѣрное обобщеніе. Нельзя, напр.. отъ опыта, произведеннаго только надъ какимъ нибудь твердымъ тѣломъ, которое мы подвергли вліянію теплоты, сдѣлать обобщеніе ко всѣмъ тѣламъ и сказать. всѣ тѣла расширяются отъ теплоты. Но если вы произвели опытъ надъ твердымъ тѣломъ, потомъ надъ жидкимъ и газообразнымъ и такимъ образомъ получили достовѣрное обобщеніе для каждаго вида объема ро-

---

) Такъ Лавуазье, замѣтивъ, что кислородъ входитъ въ составъ большаго числа кислотъ, сдѣлалъ выводъ, что всякая кислота заключаетъ въ себѣ кислородъ. Опытъ указалъ ошибочность такого вывода, ибо оказалось что соляная кислота (acide muriatique) есть комбинація хлора и водорода (См. Э. Навиль, Логика гипотезы, СПБ 1882 г. стр. 167).

дового понятія „тѣло“, тогда у васъ будетъ достовѣрное обобщеніе и для всего родового понятія. Слѣдовательно, чтобы родовое обобщеніе могло имѣть полную достовѣрность, оно должно быть составлено изъ видовыхъ обобщеній, представляющихъ весь объемъ даннаго родового понятія. Но если объемъ родового понятія остается неопредѣленнымъ (понятія съ такимъ объемомъ носятъ названіе адіористическихъ) т. е. если мы не можемъ съ точностью указать, изъ какого числа видовыхъ понятій образуется данное родовое понятіе, или если не всѣ видовыя понятія были предметомъ одного и того же опыта, то и индуктивное заключеніе,сдѣланное так. образомъ лишь отъ нѣкотораго числа видовыхъ понятій ко всему роду, не можетъ быть вполнѣ достовѣрнымъ. Ибо ничто не препятствуетъ намъ полагать, что найдутся такіе виды, для которыхъ потребуется иная кооперація факторовъ, чтобы получить результатъ, одинаковый съ тѣмъ, какой установленъ для данныхъ видовъ Что кромѣ лучей спектра есть еще невидимые для насъ свѣтовые лучи, этотъ фактъ ученымъ былъ извѣстенъ давно. Извѣстно было также, что лучи спектра не могутъ проникать сквозь непрозрачные предметы. И если, выходя изъ послѣдняго факта, дѣлалось обобщеніе, что всѣ вообще свѣтовые лучи не могутъ проникать сквозь непрозрачные предметы, то это было обобщеніе недостовѣрное. Опытъ опровергъ его, потому что оказались X лучи, которые могутъ проникать черезъ картонъ, дерево, кожу и т. п И если опять, благодаря опытамъ съ X лучами, мы стали бы утверждать, что вообще всѣ свѣтовые лучи могутъ быть раздѣлены только на два отдѣла, именно, проходящихъ и непроходящихъ черезъ непрозрачную среду, то наше обобщеніе опять таки было бы недостовѣрнымъ, ибо мы не имѣемъ исчерпывающаго знанія объ объемѣ понятія „лучъ свѣта“: кто знаетъ, не найдутся ли и такіе свѣтовые лучи, которые не проходятъ ни черезъ какую угодно среду.

Конечно, обобщеніе видовыхъ индукцій, составляющихъ весь объемъ даннаго рода, весьма напоминаетъ обобщеніе въ такъ называемой „полной индукціи“. Тѣмъ не

менѣе эту послѣднюю нельзя ставить на одну доску съ тѣмъ обобщеніемъ, которое мы сейчасъ разсматриваемъ. Вѣдь мы видѣли, что такъ называемую полную индукцію нельзя считать дѣйствительно индуктивнымъ процессомъ, а лишь замѣной нѣсколькихъ выраженій однимъ общимъ. Генерализація же видовыхъ обобщеній есть генерализація именно индуктивныхъ процессовъ и представляетъ такимъ образомъ не что иное, какъ сложную форму индукціи, составленную изъ видовыхъ обобщеній. И вотъ объ этой сложной формѣ мы и должны утверждать, что она можетъ имѣть значимость полной достовѣрности лишь въ томъ случаѣ, если видовыя обобщенія, изъ которыхъ она состоитъ, составляютъ весь объемъ даннаго родового понятія.

Изъ изложеннаго мнѣ кажется, ясно, что индуктивныя обобщенія, мы можемъ дѣлить, во 1-хъ, на достовѣрныя и недостовѣрныя (по значенію) и, во 2-хъ, на простыя и сложныя (по составу). Это дѣленіе можетъ быть представлено нижеслѣдующей таблицей:

По составу	ПО ЗНАЧЕНІЮ	
	достовѣрныя	недостовѣрныя
Простыя	1) Видовыя обобщенія причиннаго отношенія (отъ отдѣльнаго факта къ цѣлому виду).	3) Видовыя и родовыя обобщенія фактовъ сосуществованія и простой послѣдовательности 4) Обобщеніе фактовъ причиннаго отношенія внѣ предѣловъ даннаго вида (отъ отдѣльнаго факта даннаго вида къ другому соподчиненному виду или къ цѣлому роду).
Сложныя	2) Генерализація видовыхъ обобщеній причиннаго отношенія индуктивныхъ понятій	5) Генерализація индуктивнаго вывода причиннаго отношенія безъ примѣненія опыта ко всѣмъ видамъ объема даннаго индуктивнаго понятія. 6) Генерализація индуктивнаго вывода причиннаго отношенія отъ нѣсколькихъ видовъ ко всему роду даннаго адіористическаго понятія.

Примѣры къ таблицѣ:

1) Если химикъ, сдѣлавъ анализъ куска поваренной соли и найдя, что она состоитъ изъ хлора и натра, дѣлаетъ заключеніе, что поваренная соль *вообще* состоитъ изъ хлора и натра, то онъ дѣлаетъ *простое достовѣрное* индуктивное обобщеніе.

2) Если естествоиспытатель, подвергнувъ дѣйствію высокой температуры сначала какое нибудь твердое тѣло, потомъ жидкое, потомъ газообразное и найдя, что всѣ эти тѣла отъ дѣйствія тепла расширились, выразитъ результатъ своихъ опытовъ въ обобщенномъ заключеніи: всѣ тѣла отъ дѣйствія тепла расширяются, то онъ сдѣлаетъ *сложное достовѣрное* индуктивное обобщеніе. Онъ соединитъ въ этомъ обобщеніи три достовѣрныхъ обобщенія: отъ теплоты всѣ твердыя тѣла расширяются, всѣ жидкія расширяются и всѣ газообразныя расширяются. А эти три понятія—твердое, жидкое и газообразное—составляютъ весь объемъ понятія *физическое тѣло.*

3) Если изъ ящика, наполненнаго шарами неизвѣстнаго мнѣ цвѣта, я выну сначала черный шаръ, затѣмъ другой черный, третій черный, четвертый и пятый, то я могу сказать, что, вѣроятно, весь ящикъ наполненъ черными шарами, но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, утверждать не имѣю права, т. е. я могу сдѣлать лишь *простое недостовѣрное индуктивное обобщеніе.*

4) Если, расплавивъ кусокъ желѣза, я сдѣлаю заключеніе, что, вѣроятно, отъ дѣйствія той же температуры расплавится и олово, и серебро, и золото, то я сдѣлаю тоже *недостовѣрное простое* индуктивное обобщеніе. Такъ-ли это, должны рѣшить спеціальные опыты

5) Если я, подвергнувъ дѣйствію тепла лишь тѣло твердое, а потомъ жидкое и, имѣя два вѣрныхъ видовыхъ обобщенія, перейду прямо къ общему родовому обобщенію, что *всѣ тѣла* отъ дѣйствія тепла расширяются, то мое обобщеніе будетъ *сложнымъ недостовѣрнымъ* индуктивнымъ обобщеніемъ. У меня не достаетъ здѣсь еще одного видового

обобщенія (всѣ газообразныя тѣла отъ тепла расширяются), чтобы имѣть право сдѣлать сложное достовѣрное родовое обобщеніе.

6) Замѣтивъ, что желѣзо, свинецъ, золото, серебро— тонутъ въ водѣ я могу только сказать, что, вѣроятно, всѣ металлы тонутъ въ водѣ, т е. могу сдѣлать только *недостовѣрное сложное* родовое обобщеніе. Ибо какое бы количество видовъ ни подтверждало сдѣланное мной родовое обобщеніе, у меня нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобы въ объемѣ адіористическаго понятія не могли найтись такіе виды, которые могутъ оказаться въ противорѣчіи съ даннымъ опытомъ

Изъ изложеннаго видно, что въ индукціи мы приходимъ чаще къ недостовѣрнымъ, гипотетическимъ заключеніямъ, чѣмъ къ достовѣрнымъ, безспорнымъ. Чтобы недостовѣрное индуктивное заключеніе превратить въ достовѣрное, необходимо дополнить данный видовой опытъ, представляющій поводъ для вывода, другими видовыми опытами, пока не будетъ исчерпанъ весь объемъ даннаго родового понятія. А такъ какъ для нѣкоторыхъ понятій (адіористическихъ) этого сдѣлать невозможно, понятія же этого рода представляютъ громадное большинство, то тѣмъ самымъ индуктивныя родовыя обобщенія въ огромномъ числѣ случаевъ никогда не могутъ достигнуть полной достовѣрности и обречены вѣчно находиться на степени обобщеній гипотетическихъ, недостовѣрныхъ.

Итакъ видовыя обобщенія причиннаго отношенія, безспорно, достовѣрны, т. е. у меня не можетъ быть сомнѣнія, чтобы найденная мною на отдѣльномъ предметѣ кооперативная связь его съ другимъ предметомъ, дающая въ результатѣ опредѣленное явленіе (кусокъ желѣза+высокая температура=расплавленное желѣзо), могла дать для вполнѣ подобныхъ же кусковъ желѣза и при одинаковыхъ условіяхъ какіе нибудь совершенно иные результаты У меня не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что отъ измѣненія отдѣльнаго факта, представителя вида, я могу сдѣлать распространеніе подобнаго же результата на цѣлый видъ. Спра-

шивается, на какомъ же основаніи сомнѣніе въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста? Какъ извѣстно, Д. С. Милль видитъ это основаніе въ идеѣ единообразія законовъ природы. Эту идею онъ почему-то считаетъ спеціальной основой индукціи. Но если подъ этимъ единообразіемъ понимать не что иное, какъ тотъ основной фактъ, что мы живемъ въ мірѣ повторяемости явленій, то идея единообразія законовъ природы будетъ одинаково обосновывать какъ индукцію, такъ и дедукцію. Ибо и въ дедукціи, заключая отъ общаго къ частному, я жду собственно повторенія того же факта, который наблюдался раньше и который вмѣстѣ съ другими далъ поводъ образовать общее положеніе Дедуктивный выводъ былъ бы невозможенъ, если бы высказывая общее положеніе, напр. „желѣзо есть хорошій проводникъ электричества“, я не былъ увѣренъ, что и данный кусокъ желѣза долженъ удовлетворять этому условію, т. е. если бы опытъ сначала показалъ мнѣ одно, а потомъ, при совершенно равныхъ условіяхъ, нѣчто вполнѣ иное. Но въ той же мѣрѣ было бы невозможно и индуктивное заключеніе, т. е. тотъ же самый процессъ умозаключенія, взятый лишь въ обратномъ направленіи. Слѣдовательно, положеніе: равныя условія даютъ равныя слѣдствія, есть одинаково основной принципъ какъ дедукціи, такъ и индукціи. Это положеніе есть не что иное, какъ одно изъ выраженій закона тожества. Я не могу мыслить, если не буду полагать каждый предметъ моего мышленія тожественнымъ себѣ, т. е. независимымъ въ своихъ измѣненіяхъ ни отъ пространства, ни отъ времени. А опредѣленный результатъ опредѣленной кооперації (A+B=C) мыслится мною именно какъ одно цѣлое, какъ единый неразрывный процессъ, связавшій всѣ данныя части (напр, твердый кусокъ желѣза, высокая температура, расплавленное желѣзо) внутренней связью въ неразрывное цѣлое. А потому, когда я мыслю это цѣлое, я не могу его мыслить инымъ, чѣмъ онъ есть, гдѣ бы и когда бы я ни находилъ его. Вотъ почему если это цѣлое дается мнѣ въ видѣ общаго положенія, я долженъ его мыслить тѣмъ же, когда оно дается въ видѣ отдѣльнаго факта, и

обратно, если это цѣлое дается сначала какъ отдѣльный фактъ, я не могу его мыслить инымъ, когда оно является въ обобщенной формѣ. О вкусѣ вина я могу одинаково судить, буду-ли заключать отъ цѣлой бочки къ стакану вина или отъ стакана къ цѣлой бочкѣ Если мнѣ извѣстно, напр., что вино въ данной бочкѣ сладковатаго вкуса, то я скажу, что и вино въ стаканѣ, взятое изъ той же бочки, точно такого же вкуса. И обратно, если мнѣ дана проба вина изъ бочки, то по этой пробѣ я опредѣлю вкусъ вина въ цѣлой бочкѣ Такія тожественныя заключенія я дѣлаю вовсе не потому, что вынуждаюсь къ этому идеей о единообразіи законовъ природы, а просто потому, что иначе я и не могу мыслить. И принудительная сила даннаго процесса мышленія такимъ образомъ лежитъ не въ этой идеѣ, а въ основномъ законѣ мышленія—законѣ тожества Да и возможно-ли допустить, чтобы формы и процессы познанія не находили своего обоснованія въ коренныхъ условіяхъ самого познанія? А если такъ, то искать этого обоснованія въ какихъ-то спеціальныхъ идеяхъ, разумѣется, совершенно излишне.

Но кромѣ достовѣрныхъ индуктивныхъ обобщеній есть, какъ мы видѣли, обобщенія гипотетическія. Это тѣ обобщенія, которыя образуются черезъ генерализацію видовыхъ обобщеній, не составляющихъ всего объема даннаго родового понятія Результатъ опыта надъ отдѣльными предметами одного опредѣленнаго вида металловъ, наприм. надъ кускомъ желѣза, мы можемъ предположительно распространить и на другіе виды металловъ и даже на всѣ металлы И это будетъ естественнымъ видоизмѣненіемъ того же самаго процесса, который имѣетъ мѣсто въ достовѣрныхъ видовыхъ обобщеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь послѣднія возможны вслѣдствіе тожества признаковъ части и того цѣлаго, отъ котораго часть взята. Мы потому и можемъ съ полной достовѣрностью говорить о всемъ видѣ то, что узнано нами объ отдѣльномъ предметѣ этого вида, что существенные признаки и тутъ и тамъ одни и тѣже. А такъ какъ такого тожества при сравненіи разныхъ видовъ нѣтъ, то мы теряемъ право и на категорическое обобщеніе. Но въ силу

того, что мы всетаки находимъ между отдѣльными видами и опредѣленныя черты сходства, эти послѣднія даютъ намъ основаніе предположить, что и для другого вида искомый результатъ кооперації будетъ тотъ же самый. И понятно, что чѣмъ это сходство сильнѣе, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ наше предположеніе: изъ нѣсколькихъ видовъ мы отдадимъ въ данномъ случаѣ предпочтеніе тому, въ которомъ болѣе сходства съ тѣмъ видомъ, изъ котораго взятъ экспериментируемый предметъ Такъ если бы насъ спросили, какія дрова по сравненію съ дубовыми дадутъ больше тепла— вязовыя или осиновыя, то мы могли бы отвѣтить, что, вѣроятно, вязовыя, основываясь на томъ, что по твердости древесины, цвѣту коры и формѣ листьевъ вязъ стоитъ ближе къ дубу, чѣмъ осина Отъ сходства въ нѣсколькихъ признакахъ мы имѣемъ нѣкоторый поводъ предположить, что и другой видъ будетъ обладать тѣмъ же отличіемъ, которое, какъ намъ извѣстно, присуще первому.

Итакъ въ подобныхъ случаяхъ мы очевидно ищемъ, на какіе предметы можетъ быть распространенъ данный признакъ. Но въ другихъ случаяхъ нашей цѣлью можетъ быть стремленіе найти и то, какой признакъ можетъ быть распространенъ на данные предметы. Этотъ видъ индуктивнаго умозаключенія, когда отъ сходства въ признакахъ между двумя видовыми понятіями мы заключаемъ о сходствѣ ихъ и въ какомъ нибудь другомъ признакѣ, носитъ названіе *аналогіи*. Судя по названію (аналогія значитъ сходство), было бы, конечно, ошибочно только въ аналогіи видѣть типъ такого умозаключенія, въ основѣ котораго лежитъ сходство. И индукція, какъ мы сейчасъ видѣли, основывается на сходствѣ Все различіе между индукціей и аналогіей состоитъ въ томъ, что въ индукціи, отправляясь отъ сходства между предметами, мы ищемъ, какимъ предметамъ съ наибольшей основательностью можетъ быть приписанъ данный признакъ, въ аналогіи же мы ищемъ, какой признакъ, находящійся въ однихъ предметахъ, можетъ быть приписанъ и другимъ на основаніи сходства послѣднихъ съ первыми въ другихъ признакахъ. Такъ на основаніи

внѣшняго сходства между кошкой и тигромъ, мы можемъ строить предположенія о томъ, какія черты кошачьяго характера повторяются и въ характерѣ тигровъ. Слѣдов., въ индукціи мы направляемся отъ признака къ предметамъ, а въ аналогіи—отъ предметовъ къ признаку, имѣя тутъ и тамъ въ основѣ сходство между предметами. Отсюда слѣдуетъ, что аналогія есть не что иное, какъ разновидность одного и того же индуктивнаго пріема мышленія См. приложеніе 10, стр 82.

Заключенія по аналогіи, какъ и по индукціи, могутъ быть и достовѣрными (категорическими) и недостовѣрными (гипотетическими) Только при этомъ надо взять въ соображеніе ту особенность, которой аналогія отличается отъ индукціи Если въ аналогіи, на основаніи сходства между двумя предметами, мы стремимся приписать другому нѣще опредѣленный признакъ, который существуетъ въ первомъ, то степень возможности послѣдняго утвержденія зависитъ, очевидно, отъ того, въ какомъ отношеніи этотъ признакъ находится къ сходнымъ признакамъ Если онъ находится отъ нихъ въ функціональной зависимости, т. е если онъ представляетъ необходимый выводъ изъ этихъ признаковъ, необходимое ихъ дополненіе, тогда, разумѣется, ничто не мѣшаетъ утверждать его за всѣми предметами, которые владѣютъ данными сходными признаками Тогда заключеніе по аналогіи будетъ имѣть полную достовѣрность. Такъ всѣмъ фигурамъ, имѣющимъ общій признакъ многоугольности, мы безошибочно можемъ приписать и свойство дѣлимости на треугольники, ибо это свойство стоитъ въ необходимомъ отношеніи къ многоугольности; такъ числамъ, дающимъ равныя произведенія (напр. 12×2, 6×4, 3×8), мы безошибочно припишемъ то свойство, что произведеніе у всѣхъ ихъ одинаково раздѣлится безъ остатка на одного изъ множителей; такъ если двѣ равносильныя паровыя машины развили одинаковую упругость паровъ, мы припишемъ ту же степень давленія или напряженія работы другой машинѣ, какую находимъ въ первой Но если между данными сходными признаками и какимъ нибудь другимъ, кото-

рый мы желали бы распространить и на всѣ предметы, владѣющіе этими сходными признаками, нѣтъ необходимой зависимости, тогда основаніе сходства можетъ привести лишь къ болѣе или менѣе вѣроятному предположенію, тогда заключеніе по аналогіи будетъ непремѣнно только гипотетическимъ. Пусть будетъ неопровержимо доказано, что органическая жизнь есть функція жидкаго состоянія матеріи, и тогда будетъ безусловно достовѣрно, что на Марсѣ и на всѣхъ однаковыхъ съ нимъ планетахъ есть жизнь, если разъ вполнѣ точно установлено, что Марсъ обладаетъ рѣками и морями. Но такъ какъ мы не владѣемъ даже въ слабой степени доказательствомъ подобнаго отношенія между жизнью и влагой, то и всѣ признаки сходства между нашей планетой и Марсомъ не могутъ привести къ достовѣрному заключенію, что и Марсъ обладаетъ жизнью.

Отдѣлъ III.

Ученіе о правилахъ и пріемахъ мышленія научнаго.

Мы разсмотрѣли элементарныя формы нашего мышленія: понятія, сужденія, умозаключенія, т. е. тѣ формы, которыя употребляются въ обыкновенномъ житейскомъ примѣненіи нашей мыслительной способности. Но если мы ставимъ нашему мышленію болѣе высокую задачу, именно быть органомъ нашего стремленія къ истинному знанію, то мы должны предъявить къ нему особыя, болѣе строгія требованія. Мы желаемъ тогда, чтобы наше мышленіе удовлетворяло требованіямъ отчетливости, ясности, точности и основательности. Ибо только такое мышленіе можетъ создать то, что называется наукою. Вотъ почему тѣ правила и пріемы которые обезпечиваютъ намъ за нашимъ мышленіемъ указанныя сейчасъ свойства, называются правилами и пріемами мышленія научнаго.

Ученіе объ этихъ правилахъ и пріемахъ называется иначе *методологіей*, ученіемъ о методахъ, т. е. о тѣхъ путяхъ (μέθοδος значитъ путь), благодаря которымъ мы дѣлаемъ наше мышленіе органомъ познанія истины.

Методологія можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы:

1. Ученіе объ опредѣленіи.
2. Ученіе о дѣленіи и классификаціи.
3. Ученіе о доказательствахъ.
4. Ученіе о научныхъ системахъ.

§ 1. Объ опредѣленіи.

Понятія, которыми мы пользуемся въ обыкновенномъ житейскомъ употребленіи нашего мышленія и языка, весьма часто употребляются безъ отчетливаго и яснаго сознанія о томъ, что именно должно въ нихъ мыслиться. Какъ часто случается, что два разныхъ лица одно и тоже слово понимаютъ совершенно различно! Такое положеніе дѣла, конечно, не можетъ быть терпимо въ наукѣ. Для науки необходимо, чтобы каждое понятіе, каждое слово употреблялось въ строго-установленномъ значеніи, чтобы подъ понятіемъ нельзя было мыслить то одно, то другое, потому что это открываетъ возможность дѣлать взаимно уничтожающіе выводы и так. обр. ни на шагъ не подвинуться въ познаніи. Намъ извѣстно уже, что совокупность тѣхъ признаковъ, которые должны быть мыслимы въ понятіи, называется его *содержаніемъ* Стремленіе установить постоянное содержаніе того или другого понятія, даетъ начало особому виду сужденій, именно такъ называемымъ *опредѣленіямъ*. Слѣдовательно, *опредѣленіемъ называется сужденіе, устанавливающее содержаніе даннаго понятія.*

Сужденіе понятія можетъ состоять изъ весьма большого числа признаковъ. Если бы въ опредѣленіи требовалось перечислить всѣ признаки даннаго понятія, то это было бы и затруднительно и иногда прямо невозможно. Поэтому въ опредѣленіи указываются лишь тѣ признаки, которые имѣютъ для насъ наибольшую важность. А это суть общіе и постоянные признаки, или существенные Эти признаки раздѣляются на болѣе общіе и менѣе общіе Первые суть признаки родовые, а вторые—видовые Вотъ эти то признаки и указываются въ опредѣленіи, они входятъ въ составъ предиката опредѣленія Так. обр. въ опредѣленіи находятся слѣдующія части: 1) субъектъ опредѣленія, т. е. то понятіе, содержаніе котораго должно быть установлено; 2) предикатъ опредѣленія, раскрывающій составъ содержанія даннаго понятія, т. е. указывающій его *родовой* признакъ (genus proximum) и *видовое отличіе* (differentia specifica).

Такъ. напр., если я хочу опредѣлить понятіе „планета“, то въ предикатѣ я долженъ сначала указать на родовой признакъ планета, говорю я, есть темное небесное тѣло Но вѣдь темныхъ небесныхъ тѣлъ можетъ быть очень много (напр. потухнувшія звѣзды), всѣ ли они должны быть названы планетами? И вотъ. чтобы среди темныхъ небесныхъ тѣлъ выдѣлить именно тѣ, которыя только и могутъ быть названы планетами, я долженъ указать на тотъ отличительный признакъ, которымъ планеты разнятся отъ прочихъ темныхъ небесныхъ тѣлъ; поэтому къ сдѣланному указанію „планета есть темное небесное тѣло“, я прибавляю отличительный видовой признакъ „вращающееся вокругъ тѣла самосвѣтящагося“. Такимъ образомъ опредѣленіе отличается отъ простого сужденія тѣмъ, что въ немъ предикатъ состоитъ изъ двухъ частей и является равнымъ субъекту. Опредѣленіе есть сужденіе равенства А (субъектъ)= В (родовой признакъ)+С (видовое отличіе). Такъ какъ оно есть сужденіе равенства, то можетъ подлежать прямому обращенію (conversio simplex). В+С=А· темное небесное тѣло, вращающееся вокругъ самосвѣтящагося, называется планетой. Опредѣленіе, удовлетворяющее этимъ требованіямъ, называется *полнымъ*. Понятно. что полному опредѣленію могутъ подлежать не всѣ понятія. Если мы возьмемъ единичное конкретное понятіе. то оно лишь въ томъ случаѣ можетъ быть опредѣлено полнымъ опредѣленіемъ, когда представляетъ собой какъ бы видовое понятіе съ объемомъ равнымъ 1. Напр. „земля есть планета, вращающаяся вокругъ солнца по третьему отъ него концентрическому кругу“ Но если единичное конкретное понятіе есть лишь отдѣльный предметъ изъ цѣлаго вида предметовъ, то чтобы отличить его отъ прочихъ подобныхъ ему предметовъ того же самаго вида, надо указать не одинъ отличительный признакъ. а массу ихъ. т. е. у насъ получится такое опредѣленіе. которое не укладывается въ указанную схему полнаго опредѣленія. И такое опредѣленіе носитъ названіе уже не опредѣленія, а *описанія*. Такъ. напр., чтобы раскрыть содержаніе понятія „мой домъ“, я долженъ указать, гдѣ онъ

находится, изъ какого матеріала сдѣланъ, какой имѣетъ видъ, сколько стоитъ и т. д Съ другой стороны есть понятія настолько общія, что не подчиняются уже никакому высшему, а потому и такія понятія не могутъ опредѣлять ся по схемѣ полнаго опредѣленія, потому что нельзя для нихъ указать genus proximum. Можно ли, напр., понятіе „сущее, бытіе“ подчинить какому либо болѣе общему? Отсюда слѣдуетъ, что по схемѣ полнаго опредѣленія могутъ опредѣляться лишь понятія видовыя, т. е. такія, которыя могутъ являться въ качествѣ видовыхъ, когда будетъ указано надъ ними болѣе общее понятіе и рядомъ съ ними—соподчиненныя.

Самыя общія понятія вообще не могутъ опредѣляться, ибо не имѣютъ ни высшаго надъ собой, ни соподчиненныхъ рядомъ съ собою. Они допускаютъ опредѣленіе лишь *номинальное*. Номинальнымъ опредѣленіемъ въ отличіе отъ *реальнаго*, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, называется опредѣленіе, состоящее въ толкованіи слова, даннаго въ качествѣ субъекта опредѣленія Это всего чаще бываетъ, если такимъ субъектомъ является слово иностранное Напр. географія есть землеописаніе, астрономія есть изученіе небесныхъ свѣтилъ и т. п. Но толкованію, т. е указанію на то, какъ можно иначе выразить данное понятіе, можетъ подлежать и всякое слово, кажущееся говорящему почему либо маловразумительнымъ Напр. милосердіе есть свойство любящаго сердца. И вотъ высшее понятіе, не имѣющее genus proximum, а слѣдовательно и differentia specifica, можетъ подлежать только такому истолковательному номинальному опредѣленію. Сущее есть все то, что есть—вотъ единственно какъ мы можемъ опредѣлить понятія „сущаго, бытія“. Здѣсь *опредѣлить* значитъ *истолковать*, ибо мы здѣсь не сдѣлали ничего иного, какъ только показали, какъ можно иначе выразить то, что мы мыслимъ подъ словомъ „сущее“.

Итакъ опредѣленія могутъ раздѣляться на слѣдующіе отдѣлы:

1. *Полное* или дѣйствительное *опредѣленіе*. оно же и *реальное*.

2. Истолковательное опредѣленіе или *номинальное*

3. Описательное опредѣленіе или просто *описаніе*.

Указанные виды опредѣленія могутъ быть названы *правильными*, потому что различіе между ними обусловливается самымъ существомъ дѣла или той цѣлью, съ которой опредѣленіе дѣлается (истолкованіе иностраннаго или вообще маловразумительнаго слова) Но логика должна указать и на такія опредѣленія, въ которыхъ говорящій сознательно или безсознательно дѣлаетъ уклоненія отъ правильной схемы полнаго опредѣленія

1) Такъ можетъ случиться, что, опредѣляя какое-либо видовое понятіе, говорящій дастъ или слишкомъ *обширное* опредѣленіе или слишкомъ *узкое*. Первое получится, когда будетъ опущено видовое отличіе или оно будетъ выражено признакомъ, захватывающимъ болѣе, чѣмъ данный опредѣляемый видъ; слишкомъ *узкое* опредѣленіе произойдетъ въ томъ случаѣ, когда видовое отличіе (differentia specifica) будетъ состоять въ признакѣ, не вполнѣ его исчерпывающемъ. Такъ если я скажу, что „планета есть небесное тѣло“, то это будетъ опредѣленіе слишкомъ обширное, потому что здѣсь опущено видовое отличіе и т. обр. понятіе „планета“ не выдѣляется изъ объема понятія „небесное тѣло“. Если я скажу, что „логика есть наука о мышленіи“, то это тоже будетъ опредѣленіе обширное сверхъ надлежащаго, ибо здѣсь видовой признакъ захватываетъ болѣе чѣмъ одинъ видъ науки, такъ какъ мышленіе изучаетъ не одна логика, но и психологія и теорія познанія. Но когда я говорю: логика есть наука о понятіяхъ, то это будетъ опредѣленіе слишкомъ *узкое*, потому что видовое отличіе здѣсь не исчерпываетъ всего, что составляетъ предметъ логики: ибо извѣстно, что логика учитъ не объ однихъ понятіяхъ *)

*) Въ нѣкоторыхъ учебникахъ логики говорится, что узкое опредѣленіе получается въ томъ случаѣ, если опускается genus proximum (см. Струве, стр. 63). Это ошибка: genus proximum никогда не опускается, а

2) Опредѣленіе есть раскрытіе содержаніе даннаго понятія, а раскрывая его содержаніе, мы указываемъ тѣ признаки, которыми это понятіе отличается отъ другихъ понятій. Предикатъ опредѣленія есть то слово, которое выражаетъ эти отличительные признаки. Слѣдовательно, если различаемое, т. е субъектъ, будетъ различаться посредствомъ самого себя же т. е. если предикатъ повторитъ въ себѣ субъектъ, безъ добавленія къ нему отличительныхъ признаковъ, то у насъ получится не опредѣленіе, а *тождесловіе, тавтологія* (idem per idem). Это повтореніе субъекта въ предикатѣ можетъ быть полное, напр. „логика есть логика“, или не полное. когда признакъ, указанный въ предикатѣ. имѣетъ при себѣ въ качествѣ отличительнаго свойства субъектъ опредѣленія, напр. Логика есть наука о *логическомъ* мышленіи Если говорящій соединитъ въ одно два такихъ опредѣленія, въ которыхъ предикатъ 1-го является субъектомъ 2-го, а въ прединатѣ 2-го повторяется субъектъ 1-го, то у насъ получится то, что называется *кругомъ въ опредѣленіи* (circulus in definiendo). Такъ, напр., опредѣляя понятіе имперіи мы можемъ сказать. что „имперія есть государство. управляемое властью императора“; но если мы сейчасъ же. захотимъ опредѣлить, что такое власть императора и поэтому добавимъ, что власть императора есть власть. поставленная во главѣ имперіи, то мы будемъ вращаться въ кругу: имперію опредѣлимъ черезъ власть императора, а власть императора черезъ имперію.

3) Опредѣляя какое нибудь понятіе, мы указываемъ, къ какому кругу предметовъ оно принадлежитъ и чѣмъ отличается отъ прочихъ видовыхъ понятій того же круга. Слѣдовательно, ясно, что каждое опредѣленіе можетъ выражаться лишь въ положительной формѣ: отрицательныя

только иногда принимаетъ иное, чѣмъ обыкновенно, словесное выраженіе (такъ, напр., если вм. „логика есть наука о законахъ и формахъ мышленія“, я скажу: „логика изучаетъ законы и формы правильнаго мышленія“). Логика должна тщательно избѣгать смѣшенія словеснаго выраженія съ логическимъ понятіемъ.

опредѣленія не могутъ считаться опредѣленіями. Сколько бы мы ни перечисляли, напр., предметовъ, которые не есть человѣкъ, мы черезъ это никогда не доберемся до того, что именно есть человѣкъ

Мы говорили уже выше, что схема полнаго опредѣленія не всегда можетъ употребляться, когда мы хотимъ дать ясное и отчетливое понятіе о томъ, что должно мыслиться подъ даннымъ терминомъ. Такъ какъ эта схема, какъ было сказано, не можетъ примѣняться къ понятіямъ единичнымъ конкректнымъ, мы должны тогда употреблять *описаніе*. Но къ описанію мы можемъ прибѣгать не только въ этомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что схема полнаго опредѣленія имѣетъ своимъ назначеніемъ точно указать лишь отношеніе даннаго понятія къ другимъ понятіямъ. Но эта схема совершенно безсильна образовать въ насъ представленіе даннаго предмета Если бы мы никогда не видали растенія и не имѣли представленія о немъ, то опредѣленіе дерева, какъ растенія, имѣющаго стволъ, было бы для насъ совершенно безполезно. Вотъ почему, когда опредѣленіе касается предметовъ малознакомыхъ, мы должны имѣть въ виду не только уясненіе положенія такихъ предметовъ въ кругу имъ подобныхъ, но и то чтобы создать прежде всего представленіе этихъ предметовъ, ибо знаніе начинается съ представленія Но создать представленіе малознакомаго предмета нельзя черезъ указаніе на одинъ какой нибудь признакъ, какъ его differentia specifica. надо указать на множество подробностей, изъ которыхъ должно сложиться представленіе предмета. и чѣмъ этихъ подробностей будетъ указано больше, тѣмъ точнѣе будетъ и самое представленіе. Вотъ почему самымъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы создать наиболѣе точное представленіе. будетъ наглядное знакомство съ самимъ предметомъ) Если кто нибудь нико-

---

) Г Челпановъ въ своемъ учебникѣ причисляетъ даже этотъ пріемъ матеріальнаго нагляднаго знакомства къ числу логическихъ пріемовъ, подъ именемъ „указанія“, съ чѣмъ однако едва-ли возможно согласиться См. учеб логики, изд. 4-ое, стр. 34.

да не видалъ пароходной машины, то много-ли поможетъ ему схема полнаго опредѣленія узнать, что такое пароходная машина? Для того, чтобы такому человѣку дать хоть приблизительное представленіе о пароходной машинѣ, надо подробно изложить ея устройство, т. е. сдѣлать ея *описаніе*. Равнымъ образомъ, когда берется понятіе не изъ разряда наглядныхъ, напр., какое нибудь психологическое понятіе, то весьма часто наиболѣе точное знаніе о немъ пріобрѣтается не чрезъ указаніе на то, къ какому отдѣлу психическихъ понятій оно должно быть причислено, а черезъ перечисленіе того, что получается отъ него, какъ отъ дѣйствующей силы. Такъ, напр., ап. Павелъ, желая дать понятіе о томъ, что такое христіанская любовь, именно указываетъ, какъ дѣйствуетъ любовь и каковы ея послѣдствія: любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ (1 Кор. ст. 4—7). Т. обр. къ пріему описанія мы прибѣгаемъ весьма часто, прибѣгаемъ не только въ случаѣ единичныхъ конкретныхъ понятій, но и когда берутся понятія видовыя, выразить опредѣленіе которыхъ лишь по одной схемѣ полнаго опредѣленія или затруднительно или не достигаетъ цѣли— дать о нихъ ясное и отчетливое знаніе.—Если при описаніи берутся лишь важнѣйшіе, отличительные признаки предмета, тѣ признаки, совокупность которыхъ образуетъ такъ сказать характеръ предмета, то такое описаніе носитъ названіе *характеристики*. Конечно, такого рода описанія всего чаще можно найти въ историческихъ сочиненіяхъ, гдѣ требуется изобразить характеръ того или другой исторической личности. Въ сочиненіяхъ нашихъ русскихъ извѣстныхъ историковъ— Карамзина, Соловьева, Костомарова—можно найти много прекрасныхъ характеристикъ важнѣйшихъ дѣятелей русской исторіи.

Съ цѣлію усилить яркость представленія того или другого предмета и этимъ содѣйствовать болѣе ясному по-

знанію его, въ описаніе могутъ вводиться *сравненія*. Но если, говоря о какомъ либо предметѣ, мы ограничимся только однимъ сравненіемъ, то такой пріемъ не содѣйствуя ясному и отчетливому познанію предмета, не можетъ имѣть логической цѣнности Таковы, напр, всѣ сравненія, указанныя въ логикѣ Струве (стр 58) *)

Сравненіе можетъ быть какъ положительное, такъ и отрицательное Послѣднее иногда носитъ названіе *разъясненія*. Мы можемъ сравнить, напр., воображеніе съ воспоминаніемъ и указать, чѣмъ оно отличается отъ послѣдняго, т е. разъяснить какихъ признаковъ нѣтъ въ одномъ изъ сравниваемыхъ понятій воображеніе, говоримъ мы, не только воспроизводитъ признаки, но и создаетъ новые путемъ ихъ комбинаціи, а воспоминаніе только воспроизводитъ полученные.

§ 2. О дѣленіи и классификаціи.

Есть два рода дѣленія понятій одно связано съ обобщеніемъ, а другое вытекаетъ изъ опредѣленія.

Когда мы утверждаемъ, что тотъ или другой признакъ присущъ многимъ предметамъ, т е. когда мы обобщаемъ его, то черезъ это самое мы устанавливаемъ двѣ умственныя группы предметовъ ту, которая обладаетъ этимъ признакомъ, и ту, которая не имѣетъ его. Слѣдовательно, каждое обобщеніе даетъ поводъ установить такъ называемую *дихотомію*, т е. такое двучленное дѣленіе, въ которомъ второй членъ есть отрицаніе перваго. Такъ, обобщая признакъ „знаніе грамоты", мы раздѣляемъ людей на грамотныхъ и неграмотныхъ, обобщая признакъ „исповѣданіе христіанской религіи", дѣлимъ людей на христіанъ и не христіанъ и пр.

*) Напр „Два глаза—это два наблюдателя, разсматривающіе міръ съ различныхъ постовъ, сообщающіе другъ другу свои наблюденія и на основаніи ихъ рисующіе для нашего пользованія образы предметовъ". Очевидно, это сравненіе не только не есть отвѣтъ на то, что такое глазъ, но даже не заключаетъ въ себѣ и намека на этотъ отвѣтъ.

Второй видъ дѣленія вытекаетъ, какъ мы сейчасъ сказали, изъ опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ опредѣленіи указывается родовой признакъ и видовое отличіе, т. е. обозначаются двѣ группы предметовъ: родовая группа и та видовая, которая въ нее включается. Но видовая группа потому и видовая, что рядомъ съ ней предполагаются другія группы, которыя включаются въ ту же самую родовую. Естественно является потребность указать, какія же существуютъ, кромѣ опредѣляемой, другія видовыя группы, имѣющія свои видовыя отличія. Но если мы перечислимъ всѣ эти видовыя группы, то черезъ это раскроемъ объемъ даннаго родового понятія. Отсюда вытекаетъ и опредѣленіе раздѣленія: *дѣленіе есть логическій пріемъ, раскрывающій объемъ понятія*. Для яснаго и обстоятельнаго знанія того, что мыслится подъ опредѣляемымъ видовымъ понятіемъ, надо знать не только то, какіе признаки мыслятся въ его содержаніи, но и какія группы имѣютъ съ нимъ общій родовой признакъ и какія видовыя свои особенности. Когда я опредѣляю, что такое береза, то наиболѣе ясное знаніе о березѣ я пріобрѣту лишь въ томъ случаѣ, когда знаніе мое о березѣ, что она есть лиственное дерево, дополню указаніемъ на то, въ ряду какихъ другихъ группъ береза входитъ въ родовое понятіе „лиственное дерево“. Ибо это указаніе на остальныя группы служитъ основаніемъ, почему я приписываю березѣ именно эти видовыя отличія (бѣлый цвѣтъ коры и опредѣленная форма листьевъ), а не какія нибудь другія. Отсюда ясно, что если обобщеніе и дѣленіе неразрывно связаны одно съ другимъ, то также точно связаны и опредѣленіе съ дѣленіемъ: они дополняютъ другъ друга.

Тотъ признакъ, который мы обобщаемъ и въ силу этого устанавливаемъ опредѣленную дихотомію, или который служитъ намъ руководствомъ при разложеніи родового понятія на подчиненныя ему видовыя, признакъ этотъ, входя въ родовое понятіе, является общимъ для видовыхъ различій, входящихъ въ него въ качествѣ соподчиненныхъ понятій. Такъ что то или другое родовое понятіе дѣлится на свои виды не иначе, какъ черезъ этотъ признакъ. При

знакъ этотъ поэтому называется *основаніемъ дѣленія*. Такъ основаніемъ для дѣленія домовъ на каменные и деревянные служитъ „матеріалъ построекъ“, основаніемъ дѣленія деревьевъ на хвойныя и лиственныя служитъ „форма листьевъ“ (хвоя—тѣ же листья, только особой формы), основаніемъ дѣленія народонаселенія Европы на славянъ, нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и пр служатъ „національныя различія“ и т. д.

Процессъ дѣленія можетъ идти двумя путями: или дѣленіе возникаетъ вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ, или, производя дѣленіе, мы руководствуемся основаніемъ, уже извѣстнымъ намъ заранѣе. Первый случай имѣетъ мѣсто, когда открывается въ предметахъ какой-либо новый признакъ. Такъ, когда было замѣчено, что нѣкоторыя птицы не живутъ круглый годъ въ одной и той же мѣстности, а совершаютъ періодическіе перелеты, тотчасъ установилось и дѣленіе птицъ на перелетныхъ и неперелетныхъ. Основаніе дѣленія (годичное пребываніе птицъ въ одной и той же мѣстности) здѣсь не было дано раньше дѣленія, а возникло изъ наблюденія и тотчасъ обусловило собой дѣленіе. Но дѣло можетъ стоять и такъ, что мы выбираемъ основаніе дѣленія изъ числа тѣхъ признаковъ, которые уже намъ давно извѣстны, какъ входящіе въ составъ понятія даннаго предмета. Такъ намъ извѣстно, напр., что содержаніе понятія „книга“ можетъ быть разложена на слѣдующіе признаки: форматъ книги, матеріалъ, содержаніе, языкъ, на которомъ книга написана, отношеніе къ автору, отношеніе къ владѣльцу и т. д. И вотъ любой изъ этихъ признаковъ мы можемъ выбрать, какъ основаніе нашего дѣленія книгъ на отдѣлы Разложивъ любой изъ этихъ признаковъ на соподчиненные ему виды, мы установимъ наше дѣленіе книгъ на опредѣленные отдѣлы. Такъ по формату мы можемъ дѣлить книги на большія (in folio), среднія (in quarto) и малыя (in octavo); по языку на русскія, французскія, нѣмецкія и т. д., по содержанію: на религіозныя, научныя, поэтическія и пр.

Такъ какъ дѣленіе имѣетъ своимъ назначеніемъ раскрыть объемъ даннаго понятія, то отсюда вытекаютъ нѣкоторыя условія, которымъ должно удовлетворить дѣленіе, чтобы оказаться согласнымъ съ своей цѣлью.

1) Каждый объемъ опредѣляется видовыми различіями охватываемыми общимъ родовымъ признакомъ, которое, какъ мы видѣли, называется основаніемъ дѣленія. Такъ объемъ понятія „домъ“ можетъ составиться изъ понятій „каменный“, „деревянный“, подчиненнымъ родовому признаку „матеріалъ“. Признаки книгъ: in folio, in quarto, in octavo подчиняются общему признаку „форматъ книги“ и т. д. Слѣдовательно каждый опредѣленный объемъ обусловливается опредѣленнымъ основаніемъ. Отсюда правило: дѣленіе должно исходить изъ одного и того же основанія. Этимъ требованіемъ обусловливается *стройность* дѣленія, исключающая путаницу въ немъ. Такъ если мы раздѣлимъ дома на каменные, деревянные и многоэтажные, то это будетъ дѣленіемъ спутаннымъ, ибо видовыя отличія не подчиняются здѣсь одному и тому же признаку, основанію дѣленія, слѣдовательно мы раскрываемъ здѣсь не одинъ опредѣленный объемъ, а захватываемъ и часть другого, и эта часть, какъ не выражающая всего объема, не имѣетъ, слѣдов., въ данномъ дѣленіи никакого значенія. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что мы не можемъ при дѣленіи одного и того же понятія исходить изъ различныхъ основаній. Мы можемъ соединить параллельныя дѣленія, но каждое должно представлять при этомъ какъ бы отдѣльное цѣлое исходящее изъ своего основанія. Такъ мы можемъ „народонаселеніе Европы“ раздѣлить параллельно, исходя изъ разныхъ основаній, по національностямъ, по религіи, по занятіямъ и т. д. Но это будетъ соединеніе отдѣльныхъ дѣленій, а не смѣшеніе разныхъ дѣленій въ одномъ и томъ же, какъ это оказывается въ дѣленіи спутанномъ. Въ спутанномъ дѣленіи члены дѣленія не исключаютъ другъ друга. Такъ многоэтажными могутъ быть и каменные и деревянные дома.

2) Раскрывая объемъ даннаго понятія, дѣленіе, конечно, лишь въ томъ случаѣ будетъ вполнѣ достигать своей цѣли, когда раскроетъ намъ *весь* объемъ этого понятія, т. е. когда будутъ указаны всѣ виды, составляющіе объемъ даннаго родового понятія, или, иначе сказать, когда дѣленіе можетъ быть названо *полнымъ*. Такъ если мы раздѣлимъ народонаселеніе Европы на нѣмцевъ, французовъ, англичанъ—и только, то, понятно, такое дѣленіе не можетъ быть названо исчерпывающимъ весь объемъ дѣлимаго понятія. Надо замѣтить однако, что полнота дѣленія есть своего рода идеалъ, достигнуть котораго не всегда и не для всѣхъ возможно. Недостатокъ свѣдѣній, относящихся къ кругу опредѣленнаго понятія, есть одно изъ обстоятельствъ, препятствующихъ составить полное дѣленіе даннаго понятія. Такъ человѣкъ, мало знакомый съ энтомологіей, не въ состояніи представить даже болѣе или менѣе сноснаго дѣленія насѣкомыхъ. Но даже и научное дѣленіе не всегда можетъ достигнуть абсолютной полноты, тоже вслѣдствіе недостатка свѣдѣній, именно въ тѣхъ наукахъ, гдѣ знаніе фактовъ не достигло стадіи полнаго завершенія. Можно-ли поручиться, напр., что зоологамъ извѣстны всѣ виды животныхъ и ботаникамъ всѣ виды растеній на землѣ и что не будутъ открыты ни новые виды животныхъ, ни новые виды растеній? Слѣдовательно, теперешнее и научное дѣленіе животныхъ и растеній не можетъ считаться совершенно полнымъ, ибо оно можетъ современемъ пополниться новыми видами.

Неполнота дѣленія получится и въ томъ случаѣ, когда мы вмѣсто сложнаго дѣленія представимъ простое, т. е. раздѣлимъ данное понятіе на виды, не непосредственно ему подчиненные, а на дальнѣйшіе, подчиненные промежуточнымъ, между даннымъ общимъ и указанными членами его дѣленія, понятіямъ. Такъ если мы понятіе „растеніе“ раздѣлимъ на дубъ, сосну, смородину, бузину, лопухъ, крапиву и сѣрый мохъ, то мы дадимъ именно такое простое, но неправильное по своей непослѣдовательности дѣленіе, ибо „растеніе“ здѣсь раздѣляемъ на дальнѣйшіе, а не ближай-

шіе виды, которые здѣсь опущены: растеніе мы должны сперва раздѣлить на деревья, кустарники, травы и мхи. затѣмъ „деревья“ на лиственныя и хвойныя и уже „лиственныя“ на дубъ. березу. липу и т. д. и „хвойныя“ на сосну. ель, пихту и т. д. Также должны соотвѣтствующимъ образомъ поступить и съ понятіями кустарники, травы. мхи. Такой пропускъ непосредственныхъ членовъ въ сложномъ дѣленіи называется *скачкомъ* въ дѣленіи, исключающимъ его *послѣдовательность*, а съ ней вмѣстѣ и *полноту*

Итакъ только то дѣленіе должно быть признано цѣннымъ въ логическомъ отношеніи, которое отличается *стройностью*, *полнотой* и. если оно сложное, *послѣдовательностью*

При дѣленіи понятій мы весьма часто не ограничиваемся дѣленіемъ только одного понятія, но если оно въ значительной степени общее, то обыкновенно продолжаемъ дѣленіе подвергая ему и полученные члены дѣленія Затѣмъ члены, происшедшіе отъ этого послѣдняго. можемъ подвергнуть дальнѣйшему дѣленію, доходя т. обр. до предѣла, когда видъ уже не возможно будетъ разложить на видовыя понятія, а единственно на индивидуальные предметы Такъ, если намъ дано понятіе A, то раздѣливъ его мы получимъ члены B, C, D, раздѣливъ эти члены, получимъ B=E, F, G, C=H, I, K, D=L, M, N и т. д. Яснѣе это можно видѣть въ слѣдующей схемѣ:

A								
B			C			D		
E	F	G	H	I	K	L	M	N
abc	def	ghi	jkl	mno	pqz	stu	vwx	yz

Такое соединеніе нѣсколькихъ дѣленій въ одно болѣе или менѣе распространенное сложное дѣленіе носитъ названіе *классификаціи*. Классификація, въ свою очередь, можетъ быть или *простая*, когда мы ведемъ ее, руководствуясь однимъ и тѣмъ же основаніемъ, и *составная*, когда мы соединяемъ нѣсколько классификацій одного и того же

понятія, проведенныхъ изъ различныхъ основаній. Если-напр., мы раздѣлимъ понятіе „позвоночныя животныя“ на млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся, а млекопитающихъ на хищныхъ, травоядныхъ, грызуновъ и рыбообразныхъ, то это будетъ классификація простая, потому что послѣдовательное дѣленіе понятія „позвоночныя животныя“ имѣетъ здѣсь одно и тоже основаніе—строеніе организма Но когда мы возьмемъ понятіе „народонаселеніе Европы“ и скажемъ, что народонаселеніе Европейскаго материка раздѣляется во 1-хъ по *національностямъ* на славянъ, англо саксовъ, германцевъ, романскія и монгольскія народности, а эти въ свою очередь на такія-то и такія-то племена и что, во 2-хъ, тоже народонаселеніе дѣлится по *вѣроисповѣданію* на православныхъ, католиковъ, протестантовъ, масульманъ и язычниковъ, а эти на такія-то и такія-то секты, то унасъ получается классификація составная. Къ этимъ двумъ частямъ мы можемъ прибавить и третью, если возьмемъ за основаніе еще какой нибудь другой признакъ, напр., родъ занятій и т д. Примѣръ такой составной классификаціи можетъ быть изображенъ т. обр.:

Народонаселеніе Европы:

по національностямъ			по вѣроисповѣданію		
Славяне,	Германцы,	Англо-саксы и проч.	Православные,	Католики,	Протестанты
Русскіе, поляки, чехи, сербы, болгаре и т д.			Признающіе къ господствующей церкви, старообрядцы.	Ультрамонтане, старокатолики, маріавиты	Лютеране, кальвинисты.

Итакъ мы видимъ, что дѣленія могутъ исходить изъ различныхъ основаній. Спрашивается теперь, чѣмъ же мы должны руководствоваться при выборѣ того или другого основанія дѣленія?

Едва-ли не самымъ обыкновеннымъ опредѣленіемъ нашего выбора въ данномъ отношеніи являются практическія соображенія. Такъ нѣкоторые (напр. Джевонсъ) полагаютъ,

что наиболѣе удобнымъ раздѣленіемъ книгъ въ библіотекахъ будетъ дѣленіе ихъ по авторамъ. Но если мы желаемъ, чтобы классификація наша была наиболѣе удовлетворительной въ чисто, теоретическомъ отношеніи, тогда основаніемъ мы должны взять цѣль или назначеніе предметовъ, подлежащихъ классификаціи. Ибо цѣль дѣлаетъ вещь тѣмъ. что она есть, цѣль опредѣляетъ строеніе вещи. Такъ, чтобы дать наиболѣе вѣрную классификацію „зданій", мы раздѣляемъ ихъ именно по назначенію, которому они служатъ. Мы дѣлимъ зданія на дома, храмы и зданія. необходимыя для науки и искусства (обсерваторіи, музеи, театры и пр.). Подобнымъ же образомъ, исходя изъ понятія цѣли, мы раздѣляемъ и какой нибудь отдѣлъ мебели. Напримѣръ столы мы дѣлимъ на письменные, карточные, столы для гостиной, столы въ столовой, столы кухонные и т. д.

Но понятно, что такое безспорное по своему отношенію къ положенію вещей дѣленіе возможно лишь для тѣхъ предметовъ, цѣль которыхъ мы полагаемъ сами. Оно не примѣнимо къ предметамъ естественнымъ, ибо мы не знаемъ цѣлей природы и даже можемъ отвергать всякую цѣлесообразность въ данномъ отношеніи. Поэтому при дѣленіи предметовъ природы, напр., при классификаціи организмовъ, мы принуждены брать за основаніе дѣленія наиболѣе общій характерный признакъ ихъ строенія, такой признакъ, въ зависимости отъ котораго находится множество другихъ, менѣе общихъ, но въ свою очередь тоже характерныхъ. Такъ позвоночный столбъ является наиболѣе общимъ характеристическимъ признакомъ для строенія опредѣленныхъ организмовъ. Понятно, что составляя свои классификаціи предметовъ природы, мы не можемъ имѣть твердой увѣренности въ томъ, что классификація наша дѣйствительно соотвѣтствуетъ естественной системѣ предметовъ. Ничто не можетъ являться для насъ ручательствомъ за то. что классифицируя предметы природы по ихъ строенію, мы не сдѣлали гдѣ нибудь такой же ошибки, какую сдѣлалъ бы тотъ, кто не зная, что за вещь столъ, сталъ бы классифицировать

столы по ихъ внѣшней формѣ и отнесъ бы къ одному отдѣлу столы, имѣющіе совершенно различное назначеніе (такъ столы, имѣющіе приблизительно одинаковую четыреугольную форму, напр кухонные и карточные, были бы отнесены имъ къ одному отдѣлу). Стсюда ясно, что называя одни классификаціи естественными, а другія искусственными, какъ это принимается въ нѣкоторыхъ учебникахъ логики (см. Струве), въ отношеніи къ предметамъ природы не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Можно называть лишь однѣ менѣе, а другія болѣе удачными, сообразуясь съ числомъ общихъ признаковъ. Чѣмъ болѣе общихъ признаковъ будетъ сосредоточиваться вокругъ того, который положенъ въ основу дѣленія, тѣмъ, разумѣется, классификація будетъ удачнѣе.

§ 3. О доказательствѣ.

Уже элементарный пріемъ умозаключенія имѣетъ своимъ назначеніемъ установить основательность нашихъ высказываній, т е. заставить другихъ признать истинною нашу мысль черезъ логическую связь ея съ другой мыслью, въ истинѣ которой никто не можетъ сомнѣваться. Когда мы говоримъ: Петръ умретъ, то, чтобы сдѣлать это положеніе общепріемлемымъ, какъ истинное, мы добавляемъ: потому что всѣ люди умираютъ. Мы полагаемъ, что такъ какъ въ истинности послѣдняго общаго положенія никто никогда не сомнѣвается, то не можетъ быть сомнѣнія и въ истинности высказанной нами частной мысли Но процессъ обоснованія нашихъ высказываній этимъ не ограничивается. Во 1-хъ, не всякое общее положеніе, которое мы приводимъ какъ основаніе истинности нашего высказыванія, можетъ для всѣхъ быть очевидно истиннымъ. Можетъ случиться, что самое это положеніе должно быть въ свою очередь обосновано, чтобы быть признаннымъ за истинное. *) Можетъ случиться

*). Такъ, если я скажу желѣзо отъ теплоты расширяется, потому что всѣ тѣла отъ теплоты расширяются, то слушающій легко можетъ усумниться не только въ первомъ, но и во второмъ положеніи. Поэтому мнѣ нужно прибѣгнуть къ обоснованію и второго положенія чтобы установить истинность перваго.

и такъ, что хотя общее положеніе, приводимое говорящимъ, какъ основное истинности своего высказыванія и представляетъ для насъ, очевидно, истину, тѣмъ не менѣе мы не можемъ его считать этимъ основаніемъ, потому что не видимъ, какимъ образомъ данная частная мысль связывается съ нимъ. Такъ, напримѣръ, если бы безъ дальнѣйшихъ объясненій мы сказали приступающему къ изученію геометріи, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, потому что эта сумма равняется суммѣ прямыхъ угловъ, образуемыхъ перпендикуляромъ, то черезъ такое простое соединеніе этихъ двухъ положеній мы ровно ничего ему не объяснили бы, потому что для него осталось бы не понятнымъ, какъ это сумма угловъ въ треугольникѣ можетъ равняться суммѣ угловъ, образуемыхъ встрѣчей перпендикуляра съ горизонтальной линіей. Очевидно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы должны расширить пріемъ нашего обоснованія: въ 1-мъ—черезъ дальнѣйшее обоснованіе того положенія, которое само взято уже какъ обоснованіе, а во 2-мъ—черезъ разъясненіе до очевидности связи между высказаннымъ положеніемъ и приведеннымъ основаніемъ. Такое расширеніе обоснованія даетъ начало особому логическому пріему, называемому *доказательствомъ*. Доказать какую нибудь мысль значитъ представить *полное* обоснованіе ея истинности. Но если бы каждое обоснованіе могло быть обосновано другимъ, это—третьимъ и т д, на безконечномъ протяженіи ряда, то, очевидно, мы никогда. не могли бы достигнуть конца нашего доказательства, т. е. самый процессъ доказательства былъ бы совершенно напрасенъ. Если же мы признаемъ логическую цѣнность доказательства, то это потому, что имѣемъ возможность достигать именно завершеннаго доказательства, т. е. приведенія всей цѣли обоснованій къ такимъ положеніямъ, для которыхъ уже нѣтъ другихъ основаній ихъ истинности, кромѣ самоочевидности самыхъ этихъ положеній. Такія положенія, не требующія обоснованія по очевидности своей истинности, называются *аксіомами*. Таковы, напримѣръ, аксіомы: „двѣ величины, равныя третьей, равны между собою“, „цѣлое больше своей

части", „части равныхъ цѣлыхъ, отъ которыхъ взяты равныя части, равны между собою", 2×2=4, „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками" и пр. Такія положенія не доказуемы, потому что вытекаютъ прямо изъ основныхъ законовъ мышленія и поэтому не могутъ быть мыслимы иначе. А намъ уже извѣстно, что то, что не допускаетъ возможности мыслимости своего отрицанія, или своей противоположности, то необходимо истинно. Кромѣ аксіомъ очевидностью истинности обладаютъ еще факты. Когда мы увѣрены, что наши воспріятія не представляютъ обманчивой игры нашихъ ощущеній, а непреложно указываютъ намъ на нѣчто объективное, мы необходимо должны принимать это объективное такъ, какъ оно нами воспринимается, и уже намъ не куда идти, чтобы отыскивать основаніе истинности даннаго воспріятія. Отрицаніе факта такъ же не мыслимо, какъ и отрицаніе аксіомъ, поэтому факты имѣютъ съ послѣдними одинаковую доказательную силу. Слѣдовательно, всякое завершеніе обоснованія состоитъ или въ ссылкѣ на аксіомы или на факты.

То положеніе, которое требуется доказать, т. е. представить полное обоснованіе его истинности, называется *тезисомъ*. Тѣ положенія, которыя приводятся какъ основаніе истинности даннаго тезиса, называются *аргументами*. Всякое доказательство имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ предположеніе мыслимости отрицанія даннаго тезиса. Требуется установить, что отрицаніе это не мыслимо, т. е. не можетъ мыслиться, какъ истина. Чтобы достигнуть этого, надо тезисъ *логически* связать съ аргументами, т. е. установить, что то, что мыслится въ тезисѣ, стоитъ къ тому, что выражается аргументами, или въ отношеніи *подчиненія* или *равенства*. Разъ такое отношеніе установлено, мы необходимо въ силу закона тожества, должны, если признаемъ истину аргументовъ, признать и истину тезиса. Такъ, напр., Спиноза доказываетъ тезисъ: „вещи, не имѣющія между собою ничего общаго, не могутъ быть причиною одна для другой", слѣдующимъ образомъ: онъ приводитъ для доказательства два аргумента, которые полагаются безспорно истинными:

1) „познаніе слѣдствія зависитъ отъ познанія причины“ и 2) „вещи, не имѣющія между собою ничего общаго, не могутъ пониматься одна черезъ другую“. Логическая связь тезиса съ аргументами устанавливается такимъ образомъ: если одна вещь, какъ слѣдствіе, познается черезъ другую, какъ свою причину, то, значитъ, причинное познаніе есть опредѣленный видъ познанія; но если, въ силу 2-го аргумента, вещи, не имѣющія между собою ничего общаго, не могутъ вообще пониматься одна черезъ другую, то, значитъ, такія вещи не могутъ подводиться и подъ причинное познаніе, т. е. не могутъ быть причиною одна для другой. *) Назовите, „причинное познаніе“ черезъ А, „познаніе вообще“ черезъ В, „вещи, не имѣющія ничего общаго“, черезъ С, и у васъ получится:

А есть В, т. е. причинное познаніе подчиняется понятію о познаніи вообще одной вещи черезъ другую;

С не есть В, т е. вещи, не имѣющія ничего общаго, не подчиняются подобному познанію, слѣдовательно,

С не есть А, т е, вещи, не имѣющія ничего общаго, не подчиняются и причинному познанію, т. е. не могутъ мыслиться, какъ причина и слѣдствіе.

Здѣсь такимъ образомъ логическая связь тезиса съ аргументами есть связь подчиненія, дающая въ итогѣ отрицательный выводъ, равнозначный съ тезисомъ.

Въ математическихъ доказательствахъ тезисъ связывается съ аргументами всего болѣе отношеніемъ равенства, хотя связью можетъ быть въ тоже время и отношеніе подчиненія Это можно видѣть на доказательствѣ, напр., такъ называемый Пиѳагоровой теоремы.

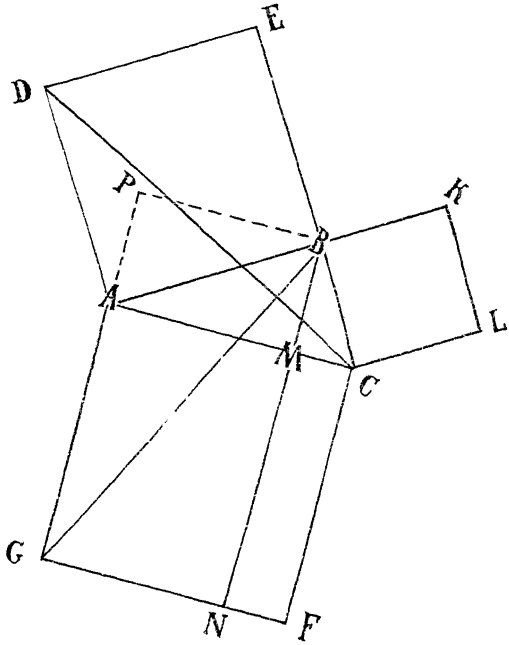
Тезисъ: Квадратъ гипотенузы прямоугольнаго треугольника равенъ суммѣ квадратовъ его катетовъ.

Аргументы: 1, Треугольники равны, если у нихъ равны уголъ и двѣ стороны. 2) Площадь треугольника, имѣ-

---

*) Oeuvres de Spinoza, Ethique, p I, ed Charpentier, P. 1842 г. стр. 8

ющаго съ даннымъ треугольникомъ общее основаніе и высоту, составляетъ половину площади послѣдняго.



Изложеніе доказательства: Проведя вспомогательныя линіи BG,DC и BMN, мы получимъ, во 1-хъ, прямоугольники AMGN и MCNF, во 2-хъ, треугольники DAC и BAG. Эти треугольники равны между собою, ибо имѣютъ равные углы DAC и BAG, потому что углы эти состоятъ изъ прямыхъ becъ съ добавленіемъ одного и того же угла BAC. и стороны AB=DA и AC=AG, какъ стороны квадратовъ (здѣсь мы видимъ подчиненіе частнаго случая, т. е. равенства двухъ данныхъ треугольниковъ, общей теоремѣ равенства треугольниковъ). Затѣмъ, проведя добавочныя линіи AP и BP, мы видимъ, что треугольникъ BAG имѣетъ общее основаніе съ прямоугольникомъ AMNG и общую высоту AM, а отсюда слѣдуетъ, что площадь $\triangle$BAG составляетъ $^1/_2$ площади прямоугольника AMNG (опять частный случай подводится подъ общую теорему). Точно также доказывается, что $\triangle$ADC составляетъ $^1/_2$ площади квадрата DEBA. Но

такъ какъ треугольники равны, то слѣдовательно сумма ихъ площадей составитъ площадь квадрата DEBA и точно также прямоугольника AMGN, т. е. площадь квадрата DEBAбудетъ равна площади прямоугольника AMNG. Когда же точно такимъ же образомъ (или иначе какъ нибудь) будетъ доказано, что площадь квадрата BKLC равна площади прямоугольника MCFN, то, значитъ, будетъ доказано, что площадь квадрата DEBA вмѣстѣ съ площадью квадрата BKLC, т. е сумма площадей квадратовъ двухъ катетовъ, будетъ равна площади квадрата ACFG, т. е. квадрата гипотенузы.

$\triangle DAC = \triangle BAG$.

Но $\triangle DAC = \frac{AMNG}{2}$, а $\triangle BAG = \frac{DEBA}{2}$, слѣдовательнно: $\triangle DAC + \triangle BAG = AMNG$ и $\triangle DAC + \triangle BAG = DEBA$, откуда слѣдуетъ, что $AMNG = DEBA$

Затѣмъ, такъ какъ $BKLC = MCNF$, а $AFCG = AMNG + MCFN$, то слѣдоват., $ACFG = DEBA + BKLC$, что и требовабовалось доказать.

Итакъ процессъ изложеннаго доказательства, состоитъ, какъ видитъ читатель, въ замѣщеніи равныхъ величинъ равными, а основаніемъ къ признанію нѣкоторыхъ равенствъ составляетъ ссылка на общія теоремы. Т обр отношенія равенства совмѣщаются здѣсь съ отношеніемъ подчиненія Замѣщенія равныхъ величинъ равными и заключеніе отъ общаго къ частному или подведеніе частнаго подъ общее дѣлается на основаніи закона тожества, слѣдов., указанные пріемы доказательства имѣютъ въ своей основѣ законъ тожества. Такія доказательства называются *прямыми*. Но есть другой пріемъ доказательства, въ основѣ котораго лежитъ законъ противорѣчія. Это такъ называемыя *апагогическія* или *косвенныя* доказательства. Такія доказательства состоятъ въ томъ, что доказывающій желаетъ связать съ аргументами, которые должны, какъ уже было сказано, приниматься всегда какъ безспорная истина, не *тезисъ*, а положеніе противорѣчивое ему, *антитезисъ*. И въ результатѣ онъ находитъ, что долженъ придти къ противорѣчію съ

аргументами, къ выводу нелѣпому (ad absurdum); если же выводъ нелѣпъ, въ силу того, что мы пользовались антитезисомъ, значитъ выводъ будетъ вѣренъ, если мы примемъ тезисъ; иначе сказать, данные аргументы могутъ служить основаніемъ лишь для тезиса. Вотъ, напр., какъ посредствомъ этого пріема Спиноза доказываетъ бытіе Божіе. Тизисъ Богъ необходимо существуетъ.

Антитезисъ: Представьте себѣ, если можете, что Бога нѣтъ.

Аргументы: 1) Богъ есть субстанція, обладающая безконечнымъ числомъ аттрибутовъ *). 2) сущность не существующей вещи не заключаетъ въ себѣ идеи о существованіи, 3) существованіе входитъ въ природу субстанціи

Выводъ доказательства: Если Бога нѣтъ, то, значитъ, идея о немъ не заключаетъ въ себѣ идеи о существованіи (по 2 аргументу), но тогда Онъ не есть субстанція, ибо существованіе входитъ въ природу субстанціи (по 3 аргументу), Допустивъ же что Богъ не есть субстанція, мы впадемъ въ противорѣчіе съ 1-мъ аргументомъ, который, напротивъ, утверждаетъ, что Богъ есть субстанція. *)

Косвенное доказательство имѣетъ своей цѣлью привести къ убѣжденію, что при данныхъ аргументахъ можетъ быть доказанъ лишь тезисъ, слѣдовательно косвенное доказательство должно въ концѣ концовъ превратиться въ прямое. Такъ, увидавъ, что доказательство антитезиса (Бога нѣтъ) приводитъ къ нелѣпому выводу, мы должны снова взять тезисъ (Богъ необходимо существуетъ) и вывести его доказательство изъ приведенныхъ аргументовъ Вотъ почему косвенное доказательство не такъ убѣдительно какъ

---

*) Подъ словомъ „субстанція" Спиноза разумѣлъ то, что существуетъ не черезъ другое что-либо, а самостоятельно, независимо отъ чего бы то ни было.

*) Oeuvres de Spinoza, Ethique, p. I, ed Charpantier, P 1842 г, стр. 13. Изложеніе доказательства нѣсколько измѣнено.

прямое. ибо въ сущности оно представляетъ лишь половину доказательства.

Иногда впрочемъ и косвенное доказательство можетъ имѣть всю силу убѣдительности.

Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда сила приведеннаго аргумента заключается не въ томъ, что невозможно, не впадая въ противорѣчіе, нарушить отношеніе подчиненія или равенства между аргументомъ и тезисомъ, а въ томъ, что аргументъ и тезисъ являются двумя сторонами опредѣленной функціональной зависимости, такъ что аргументъ является основаніемъ невозможности измѣнить въ тезисѣ одинъ членъ этой зависимости, чтобы въ тоже время не измѣнился и другой. Въ самомъ дѣлѣ, пусть будетъ тезисъ: если углы △ равны, то противолежащія стороны тоже равны. Аргументомъ берется положеніе: противъ большаго угла лежитъ большая сторона. Если теперь мы измѣнимъ въ тезисѣ одинъ членъ зависимости, т. е. скажемъ, напр., что при равенствѣ угловъ противолежащія стороны *не равны*, то на основаніи аргумента не можемъ считать и углы равными (ибо аргументъ говоритъ, что если сторона больше, то и уголъ больше). И этимъ должно ограничиться все доказательство, которое можетъ быть только косвеннымъ по самой сущности тезиса и аргументовъ. Но очевидно, что это косвенное, т. е. основанное на законѣ противорѣчія, доказательство нисколько не уступаетъ въ убѣдительности прямому.

Мы разсматривали тѣ доказательства, которыхъ сила заключается въ ссылкѣ на аксіомы или такъ называемыя самоочевидныя истины, которыя въ свою очередь опираются или на законъ тожества или противорѣчія. Такія доказательства носятъ названіе *дедуктивныхъ* доказательствъ, ибо каждое такое доказательство можетъ быть превращено въ простой или сложный силлогизмъ, если мы начнемъ изложеніе съ аргументовъ.—Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію такъ называемыхъ *индуктивныхъ* доказательствъ, т. е. такихъ, сила которыхъ заключается въ ссылкѣ на частные факты

Для того, чтобы доказать общее положеніе ссылкою на факты, надо, во 1-хъ, утвердить, что данные факты дѣйствительно имѣли мѣсто, и во 2-хъ. представить точное описаніе самыхъ фактовъ, изъ котораго было бы ясно, что общее положеніе есть дѣйствительно вѣрная передача вывода изъ этихъ фактовъ. Конечно, первое условіе можетъ быть опущено, если нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что данные факты могли имѣть мѣсто (напр , различные научные опыты). Но если идетъ дѣло о какихъ нибудь совершенно необычайныхъ явленіяхъ (напр , медіумическихъ), то достовѣрность существованія самыхъ опытовъ надъ этими явленіями должна явиться первымъ условіемъ, которое должно быть установлено съ несомнѣнностью. Это дѣлается обыкновенно черезъ ссылку на свидѣтелей. болѣе или менѣе внушающихъ къ себѣ довѣріе. Ссылка на достовѣрныхъ свидѣтелей для утвержденія дѣйствительнаго существованія фактовъ вообще имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда мы лишены возможности повторить процессъ образованія фактовъ или даже наблюденія фактовъ Это всего болѣе относится, конечно, къ фактамъ историческимъ. ибо факты другихъ наукъ, хотя и не допускаютъ возможности повторенія процесса своего образованія (напр. факты, геологіи или астрономіи), но даютъ полную возможность повторенія ихъ наблюденія; факты же историческіе не доступны ни тому ни другому повторенію. а потому ручательство свидѣтелей есть единственно здѣсь возможное условіе утвержденія дѣйствительности того, что было Вотъ почему никакая исторія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, невозможна безъ критики свидѣтельствъ.

Факты естественныхъ наукъ (химіи, физики) есть по преимуществу факты причиннаго отношенія, ибо главнѣйшая задача этихъ наукъ состоитъ въ томъ. чтобы установить, какъ широка область фактовъ, охватываемыхъ единымъ принципомъ, въ которомъ они находятъ себѣ объясненіе. Слѣдовательно, въ этихъ наукахъ изслѣдованіе главнымъ образомъ должно быть направлено къ тому. чтобы

установить, какіе факты и съ какими находятся въ причинномъ отношеніи. О томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ причиной, было сказано раньше Здѣсь намъ нужно обратить вниманіе лишь на то, что съ понятіемъ о причинѣ не разрывно соединено понятіе о предшествованіи. А такъ какъ съ каждымъ явленіемъ бываетъ обыкновенно связано не одно, а очень много предшествующихъ, то естественно возникаетъ вопросъ. какое же изъ этихъ предшествующихъ дѣйствительно стоитъ въ причинномъ отношеніи съ даннымъ явленіемъ? Рѣшеніе этого вопроса достигается, какъ полагаютъ, путемъ особыхъ методовъ причиннаго доказательства, методовъ, впервые формулированныхъ извѣстнымъ англійскимъ философомъ Д. С Миллемъ. Методовъ этихъ четыре. Первый методъ называется методомъ согласія или совпаденія. Правило этого метода такое. *Если за перемѣнои предшествующихъ, кромѣ одного постояннаго, слѣдуетъ всегда одно и тоже явленіе, то постоянное предшествующее и есть причина даннаго явленія* Представимъ себѣ, что мы имѣли случай наблюдать предшествующія XAB и послѣдующее У, затѣмъ намъ данъ второй случай. когда вслѣдъ за XDC идетъ тоже У, и третій. когда за XFG слѣдуетъ тоже У и т. д. Сопоставивъ всѣ эти случаи мы видимъ. что *въ совпаденіи согласны* предшествующее X и послѣдующее У, а потому X мы должны предположить причиной У.

Это предположеніе получитъ еще большую вѣроятность. когда къ опредѣленію причиннаго отношенія между X и У мы примѣнимъ еще методъ *различія.* Правило этого метода слѣдующее: *Если за перемѣной предшествующихъ послѣдующее У исчезнетъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ числѣ предшествующихъ исчезнетъ X, то X должно считаться причиной У.* Пусть XAB предшествуютъ У, во 2-мъ случаѣ XDC предшествуютъ У и т д По первому методу X должно предположить причиною У. Теперь представьте. что въ 5-мъ. положимъ. случаѣ вслѣдъ за KLM не возникло явленіе У, и тоже самое въ 6-мъ за PQR и т. д. Сличая всѣ эти случаи, мы увидимъ, что явленіе У правильно возникало лишь тогда, когда въ числѣ предшествующихъ находилось

X. Но стоило X исчезнуть, какъ исчезло и Y. Можно поставить дѣло и такимъ образомъ: за XAB слѣдуетъ Y, но за AB слѣдуетъ уже не Y, а Z, все равно какъ за CD слѣдуетъ тоже не Y, а S и т. д. Или еще иначе: за XBC слѣдуетъ Ybc, но за BC слѣдуетъ только bc. Однимъ словомъ, какую бы комбинацію предшествующихъ мы ни взяли, но если въ числѣ ихъ нѣтъ X, то значитъ нѣтъ и Y. Слѣдовательно, въ этомъ мы находимъ подтвержденіе, что X есть дѣйствительно причина Y. Методъ этотъ названъ методомъ различія по его простѣйшему случаю, когда двѣ комбинаціи предшествующихъ XAB и AB *различаются* единственно отсутствіемъ во 2-й комбинаціи элемента X.

Третій методъ доказательства причиннаго отношенія между двумя явленіями называется *методомъ сопутствующихъ измѣненій*. Правило этого метода слѣдующее: *Если измѣненіе одного изъ предшествующихъ явленій влечетъ за собой соотвѣтствующее измѣненіе и послѣдующаго, то это предшествующее должно считаться причиной даннаго послѣдующаго.* За XAB слѣдуетъ Y, но когда X будетъ измѣнено въ X^1, такъ что предшествующимъ будетъ уже X^1AB, и когда тотчасъ же послѣдующее Y тоже измѣнится въ Y^1, то X мы должны считать причиною Y.

Наконецъ четвертый методъ называется *методомъ остатковъ*. Правило этого метода такое: *Если изъ комплекса предшествующихъ всѣ остальные за исключеніемъ одного не могутъ считаться причиною даннаго послѣдующаго, то это предшествующее и есть причина послѣдняго.* За XAB слѣдуетъ Y, но намъ хорошо извѣстно, что ни A ни B не могутъ быть причиною Y, слѣдовательно этой причиной должно быть X, *оставшееся* послѣ исключенія изъ причиннаго отношенія къ данному послѣдующему всѣхъ прочихъ предшествующихъ.

Эти методы имѣютъ своимъ назначеніемъ ввести порядокъ и систематичность въ наши такъ называемые *опытъ и наблюденіе*, т. е. въ тѣ условія, безъ которыхъ невозможно познаніе причинной связи между явленіями.

Слово *опытъ* имѣетъ два значенія: широкое и узкое. Въ первомъ случаѣ подъ опытомъ разумѣютъ все, что по-

знается черезъ чувства, внѣшнія или внутреннія. все, что человѣкъ испытываетъ вслѣдствіе вліянія внѣшняго міра или собственной природы Во второмъ смыслѣ, болѣе узкомъ, подъ опытомъ разумѣютъ подчиненіе явленій нашимъ дѣйствіямъ. Ибо явленія, которыя служатъ предметомъ научнаго изслѣдованія, не всѣ могутъ удовлетворять этому требованію Есть явленія, къ которымъ мы не въ состояніи отнестись активно (напр факты геологіи, астрономіи). О такихъ явленіяхъ говорится, что мы ихъ можемъ только *наблюдать*. Слѣдов. подъ *наблюденіемъ* надо разумѣть опытное познаніе, въ которомъ непримѣнимо подчиненіе явленій нашимъ дѣйствіямъ Отсюда подъ *опытомъ въ узкомъ смыслѣ* должно разумѣть такое опытное познаніе, когда изслѣдуемыя явленія могутъ быть изучаемы активно. (Факты физики, химіи). Понятно, что активное изученіе явленій (опытъ въ узкомъ смыслѣ) имѣетъ громадное преимущество передъ пассивнымъ (т. е. наблюденіемъ). Въ опытѣ мы распоряжаемся явленіемъ какъ намъ угодно: мы можемъ повторить данное явленіе сколько имѣемъ къ тому возможности, можемъ уединять его, выдѣлить изъ другихъ или наоборотъ ставить его въ комбинацію со многими другими Все это ведетъ, конечно, къ тому, что причинное отношеніе между явленіями познается черезъ опытъ точнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ черезъ наблюденіе. Мы знаемъ, напр., вполнѣ достовѣрно, что соединеніе двухъ атомовъ водорода съ однимъ атомомъ кислорода (H_2O) даетъ воду, но какъ образовалось кольцо Сатурна или почему между Марсомъ и Юпитеромъ лежитъ область такъ называемыхъ астероидовъ, объ этомъ мы можемъ строить только гипотезы. См. приложеніе 11, стр. 85.

Повтореніе той или другой послѣдовательности должно, конечно, имѣть свое значеніе въ установленіи причинной связи, но это значеніе ограничивается лишь указаніемъ на то, что здѣсь можетъ имѣть мѣсто предположеніе о причинной связи. Чтобы это предположеніе превратилось въ увѣренность, надо присоединить сюда предположеніе о томъ, можетъ ли данное предыдущее быть факторомъ той коопе-

раціи, которая дала въ результатѣ данное послѣдующее. Слѣдовательно, установленіе причинной связи слагается изъ слѣдующихъ моментовъ: во 1-хъ, фактъ наблюденія данной послѣдовательности, во 2-хъ, наблюденіе повторенія этой послѣдовательности и въ 3-хъ, предположеніе о томъ, какимъ образомъ данное предыдущее можетъ являться факторомъ въ той кооперації, въ качествѣ результата которой получается данное послѣдующее. Второе условіе необязательно, но 1-ое и 3-е всегда должны быть на лицо. Отсюда ясно, что для того, чтобы данную послѣдовательность разсматривать какъ причинную, мы должны присоединить къ ней *гипотезу* о томъ, какимъ образомъ предыдущее можетъ разсматриваться какъ активный дѣятель, отъ котораго зависитъ послѣдующее явленіе. Гипотеза значитъ предположеніе. Предполагать—значитъ считать данную связь представленій возможною къ тому, чтобы ей сдѣлаться выраженіемъ истины.

Мы пришли такимъ образомъ къ понятію о гипотезѣ. У насъ могутъ зарождаться сужденія, которыя мы не можемъ признавать безусловно въ качествѣ истинныхъ, до тѣхъ поръ, пока не получимъ къ тому основанія. Вотъ такія-то сужденія въ области нашего познанія и называются собственно *гипотезами*. Гипотеза имѣетъ отношеніе, главнымъ образомъ, къ познанію причиннаго отношенія. Ибо факты простого сосуществованія и послѣдовательности прямо устанавливаются наблюденіемъ и представляютъ только факты. Что за восходомъ солнца наступаетъ день, это есть простой фактъ наблюденія. Но отвѣтъ на вопросъ: что есть причина дня, не можетъ быть данъ прямымъ наблюденіемъ. Самая постановка вопроса обусловливается требованіемъ закона мысли: „нѣтъ явленія безъ причины“, закона вытекающаго изъ основныхъ условій нашего познанія. А такъ какъ наблюденіе не даетъ на него отвѣта, то сознаніе наше активно создаетъ этотъ отвѣтъ въ видѣ предположенія, т. е. гипотезы. Слѣдовательно, необходимость создавать гипотезы обусловливается самой природой нашего сознанія. Но гипотеза, какъ сейчасъ было сказано, имѣетъ отношеніе, глав-

нымъ образомъ, къ познанію причинной связи явленій. А такъ какъ причина понимается нами не иначе какъ дѣятель въ той кооперації, которая даетъ въ результатѣ данное явленіе, то, слѣдовательно, гипотеза имѣетъ своейглавной цѣлью не что иное, какъ указать этого дѣятеля. Такъ послѣдовательность дня и ночи повела къ гипотезѣ о свѣтоносномъ эфирѣ, вліяніе котораго на наше зрѣніе, вліяніе, связанное съ дѣятельностью солнца, обусловливаетъ явленіе свѣта, т. е. дня, такъ фактъ вращенія планетъ вокругъ солнца обусловилъ (у Декарта) созданіе (теперь уже отвергнутой) гипотезы о круговыхъ вихряхъ, влекущихъ эти планеты; такъ присутствіе каменныхъ глыбъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя допускать ихъ естественнаго положенія, повело къ гипотезѣ о томъ, что глыбы перенесены въ эти мѣста ледниками) и т д. Когда гипотеза ставитъ вопросъ о дѣятелѣ, могущемъ объяснить причинную связь двухъ явленій, она должна считаться полною или завершенною. Но иногда гипотеза ограничивается лишь вопросомъ объ общемъ законѣ для разнородныхъ повидимому явленій. не касаясь вопроса о томъ, какимъ дѣятелемъ этотъ законъ обусловливается Типичнымъ примѣромъ такой гипотезы служитъ законъ тяготѣнія, открытый Ньютономъ Смыслъ этого закона—обобщить законъ движенія падающихъ на землю тѣлъ распространеніемъ его на движеніе небесныхъ тѣлъ Это и сдѣлано было Ньютономъ. Но вопросъ о томъ, какимъ дѣятелемъ производится самое паденіе тѣлъ, ихъ тяготѣніе оставленъ имъ открытымъ. Слѣдовательно, гипотеза осталась незавершенною, и это обстоятельство естественно вызываетъ попытки дополнить дѣло Ньютона именно гипотезою о томъ, что должно считаться причиною всемірнаго тяготѣнія *).

) О послѣднемъ см. Э. Навилль, Логика гипотезы, стр 47.

**) Извѣстно сочиненіе Секки „Единство физическихъ силъ“, гдѣ эта причина относиться къ вліянію эфира.

Какъ составляются гипотезы, какъ онѣ возникаютъ, опредѣленно сказать нѣтъ возможности. Ибо нельзя сосчитать всю совокупность тѣхъ обстоятельствъ, объективныхъ и субъективныхъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ возникновеніе. Можно указать только тѣ условія, которыя имѣютъ въ данномъ случаѣ наибольшее значеніе. Конечно, прежде всего должны быть на лицо опредѣленные факты, требующіе объясненія Затѣмъ гипотеза можетъ возбуждаться аналогіей Если геологъ на поверхности земли или въ глубинѣ ея находитъ массы, совершенно сходныя съ извѣстными ему осадками изъ воды или съ продуктами охлажденія растопленныхъ веществъ, то онъ легко построитъ гипотезу, что происхожденіе этихъ массъ было именно таково, какъ указываетъ ихъ сходство *). Гипотеза о перенесеніи каменныхъ глыбъ ледниками нашла себѣ, конечно, точку отправленія въ наблюденіи надъ тѣми льдинами, которыя въ половодье несутъ на себѣ весьма часто разные предметы. Наконецъ, если принимать за доказанный фактъ извѣстный анекдотъ о паденіи яблока, будто бы послужившимъ исходнымъ пунктомъ для Ньютона въ его теоріи тяготѣнія, то развѣ не сходство прежде всего усмотрѣно было Ньютономъ между яблокомъ и луною въ ихъ движеніи по отношенію къ землѣ? Наконецъ, индуктивные выводы прямо являются въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ инымъ, какъ гипотезами Мы видѣли выше, что не всѣ индуктивныя обобщенія представляютъ собой достовѣрные выводы; указано было, въ какихъ случаяхъ эти обобщенія имѣютъ лишь гипотетическій характеръ, т. е. являются ничѣмъ инымъ, какъ гипотезами.

Итакъ гипотеза возникаетъ всего чаще изъ стремленія или указать ту причинную кооперацію предшествующихъ, въ итогѣ которой получается данное послѣдующее, или связать разнородные на первый взглядъ факты однимъ и тѣмъ же закономъ дѣйствія Слѣдовательно гипотезы по своей цѣли раздѣляются, главнымъ образомъ, на два отдѣла: 1) гипотезы причиннаго отношенія и 2) гипотезы обобщенія.

---

*) Д. С. Милль, Система логики, т. 2. стр. 26

Въ области наукъ историческихъ могутъ существовать, разумѣется, и другія гипотезы, именно относительно мѣста и времени того или другого событія, рожденія или смерти того или другого историческаго лица, относительно связи этого лица съ другими дѣятелями и т. п. Однако и въ наукахъ историческихъ главную роль играютъ указанныя основныя гипотезы нашего познанія: гипотезы причиннаго отношенія и гипотезы обобщенія.

Наблюденіе есть первый актъ въ созданіи гипотезы. Наблюденіе ведетъ къ уловленію сходства; констатированіе сходства порождаетъ гипотезу. Но, конечно, мысль не можетъ остановиться на этомъ. Прежде всего является вопросъ о допустимости созданной гипотезы, а затѣмъ возникаетъ стремленіе превратить гипотезу въ положеніе болѣе или менѣе достовѣрное. Разрѣшеніе того и другого вопроса составляетъ то, что называется *повѣркою* гипотезы Повѣрка гипотезы состоитъ въ усмотрѣніи ея согласія съ фактами. Всякая гипотеза допустима, если она не представляетъ грубаго, очевиднаго противорѣчія фактамъ. Нельзя видѣть причину въ такомъ предыдущемъ, которое, по всѣмъ даннымъ, какіе о немъ извѣстны, не можетъ играть активной роли въ произведеніи послѣдующаго. Ледники, напр., могутъ объяснить появленіе каменныхъ глыбъ тамъ, гдѣ послѣднихъ, по естественнымъ условіямъ почвы, быть не можетъ. Но если бы мы съ цѣлью того же объясненія, предположили, что эти глыбы не что иное, какъ окаменѣлые плоды гигантскихъ деревьевъ, нѣкогда произраставшихъ въ данной мѣстности, то, разумѣется, никто не скажетъ, что такая гипотеза можетъ имѣть мѣсто въ наукѣ. Но если гипотеза не только допустима, но и находится въ весьма большомъ согласіи съ фактами, а еще болѣе, если она не только помогаетъ объяснить существующія явленія, но и предуказываетъ будущія, то тогда гипотеза считается достовѣрной; она превращается въ *законъ*. Такъ гипотеза Ньютона о томъ, что небесныя тѣла подчиняются въ своемъ движеніи другъ къ другу тому же правилу, какъ и тѣла, падающія на землю, гипотеза, нашедшая себѣ полное подтвержденіе во

всѣхъ астрономическихъ наблюденіяхъ и даже предсказаніяхъ, превратилась въ міровой *законъ тяготѣнія*. Такъ какъ для того, чтобы гипотеза могла быть допущена, нужно лишь отсутствіе противорѣчія въ тѣхъ фактахъ, или въ теоретическихъ умозрѣніяхъ, въ силу которыхъ она получаетъ право быть допущеной, то часто для объясненія одного и того же причиннаго отношенія предлагается не одна, а нѣсколько гипотезъ. Выборъ той или другой, какъ наиболѣе достовѣрной, зависитъ отъ усмотрѣнія того, какая изъ нихъ находится въ большемъ согласіи съ фактами Такъ для объясненія происхожденія явленій свѣта существуетъ двѣ гипотезы: гипотеза истеченія (т. е. что свѣтъ производится истеченіемъ отъ горящаго тѣла атомовъ особой матеріи, которые съ необыкновенной быстротой пробѣгаютъ пространство) и гипотеза волненія (т. е. что явленія свѣта порождаются волнообразнымъ колебаніемъ эфира, наполняющаго все міровое пространство) Та и другая гипотеза не противорѣчатъ тому, чтобы указываемый ими дѣятель могъ дѣйствительно быть дѣятелемъ въ произведеніи явленій свѣта, поэтому обѣ онѣ одинаково и допустимы Малс того, и та и другая одинаково могутъ прилагаться къ объясненію нѣкоторыхъ свѣтовыхъ явленій Однако теорія колебаній эфира приложима къ объясненію большаго числа этихъ явленій (такъ, напр., съ этой теоріей согласенъ фактъ большей медленности свѣта при прохожденіи черезъ плотныя прозрачныя тѣла, но онъ противорѣчитъ теоріи истеченія, по которой быстрота свѣта, при этомъ прохожденіи, должна, наоборотъ, усиливаться вслѣдствіе притяженія частицъ свѣтовой матеріи частицами плотнаго тѣла). Поэтому эта теорія и предпочитается теоріи истеченій. Такіе факты, которые играютъ роль показателей того, какой гипотезы слѣдуетъ держаться, называются фактами перекрестными (experimenta crucis); эти факты какъ бы уподобляются тѣмъ столбамъ на перекресткахъ дорогъ, на которыхъ обозначено, какой путь изъ двухъ данныхъ есть дѣйствительно путь къ требуемому пункту.

Расширеніе знанія обусловливается научными откры-

тіями. Эти открытія могутъ быть двухъ родовъ: открытіе фактовъ и открытіе связи между фактами. Гипотеза есть орудіе открытія и значеніе ея можетъ простираться на оба сейчасъ указанные отдѣла открытій. Впрочемъ надо замѣтить, что участіе гипотезы въ открытіи фактовъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ открытіи связи между фактами. Въ большинствѣ случаевъ открытіе фактовъ является обязаннымъ чистой случайности (таковы открытіе пороха, Х-лучей, гальванизма, вліяніе электрическаго тока на магнитную стрѣлку, открытіе строенія кристалловъ и множество другихъ). Говоря впрочемъ объ участіи гипотезы въ открытіи фактовъ, мы должны сдѣлать замѣчаніе, что, конечно, не гипотеза сама по себѣ открываетъ факты, но что она даетъ толчокъ къ этому открытію, она намѣчаетъ тѣ пункты, гдѣ наблюденіе или опытъ могутъ подтвердить предполагаемое ею открытіе. Такъ гипотеза указала, гдѣ слѣдовало искать планету Нептунъ и гдѣ мѣсто такъ называемымъ астероидамъ въ нашей солнечной системѣ. Но въ открытіи связи между фактами гипотеза имѣетъ исключительное значеніе, потому что связь эта очень рѣдко дается прямымъ наблюденіемъ, а обусловливается всего чаще усмотрѣніемъ сходства, что, какъ мы видѣли, почти всегда составляетъ исходный пунктъ образованія гипотезъ. Такимъ образомъ гипотеза, отправляясь отъ фактовъ, руководитъ открытіемъ новыхъ фактовъ, а когда послѣднее происходитъ случайно, гипотеза руководитъ дальнѣйшими наблюденіями, которыя бы дали возможность подвести новые факты подъ общій принципъ и тѣмъ обусловить ихъ объясненіе Такъ открытіе лучей радія создало гипотезу о распаденіи атомовъ радія, что въ свою очередь обусловило стремленіе фактически доказать, что постепенное, хотя и очень медленное распаденіе атомовъ вещества до превращенія ихъ въ невидимый, неосязаемый и невѣсомый эфиръ—есть общее свойство матеріи, присущее лишь въ неодинаковой степени различнымъ веществамъ (см. соч. Лебона, Эволюція матеріи) Новые факты очень часто даются случайнымъ открытіемъ, но нель-

зя новые факты сознательно искать ощупью: это значитъ никогда не открыть ихъ.

Гипотеза, въ достаточной степени провѣренная, превращается въ теорію или законъ, какъ объ этомъ было уже сказано выше Законы бываютъ *эмпирическіе* или *низшіе* и *раціональные* или *высшіе*. Эмпирическими законами называется выраженіе констатированія простой послѣдовательности или сосуществованія явленій. Эмпирическій законъ указываетъ лишь на то, какъ что-либо бываетъ, но не въ состояніи объяснить, почему это бываетъ именно такъ, а не иначе. Таковы напр. законы видоизмѣненія погоды, идущаго вслѣдъ за нѣкоторыми измѣненіями неба, исключенія изъ истины что съ повышеніемъ температуры тѣла расширяются, законъ, что животныя и растенія совершенствуются отъ скрещиванія породъ, что газы сильно стремятся проникнуть сквозь животныя перепонки; что вещества, содержашія азотъ сильные яды; что при сплавленіи различныхъ металловъ сплавъ получается тверже его составныхъ частей и т д. (Логика Милля, т 2, стр. 38). Но если является возможность разсматривать какой либо эмпирическій законъ, какъ слѣдствіе другого высшаго закона, то такой эмпирическій законъ превращается въ законъ производный. Кеплеръ открылъ законъ, что планеты вращаются вокругъ солнца по эллипсисамъ Это былъ сначала законъ эмпирическій, потому что оставалось неизвѣстнымъ, по какой причинѣ планетамъ свойственна именно эллиптическая форма ихъ пути вокругъ солнца. Теперь извѣстно, что эта форма есть естественное слѣдствіе сложенія силы центробѣжной и центростремительной силы тяготѣнія. Законъ Кеплера получилъ причинное объясненіе и превратился т. обр. въ законъ производный. Понятно, что гипотеза можетъ примѣняться къ открытію не только высшихъ законовъ, дающихъ причинное объясненіе законамъ эмпирическимъ, но и къ этимъ послѣднимъ Не простое наблюденіе прямо открыло Кеплеру эллиптическій путь движенія планетъ вокругъ солнца; нѣтъ, Кеплеръ тоже началъ съ гипотезы, сдѣлавъ предположеніе о 16 родовъ этого движенія, и остановился на эллипсисѣ

потому, что это послѣднее предположеніе наиболѣе согласовалось съ наблюденіями.

Раціональные законы это тѣ законы, которые выражаютъ не простую связь послѣдовательности или существованія явленій, но связь причиннаго отношенія и обобщенія. Они потому и называются раціональными, что усмотрѣніе причиннаго отношенія и сходства есть результатъ раціональнаго сопоставленія фактовъ, результатъ раціональной переработки фактическаго матеріала, а не продуктъ непосредственной интуиціи Такъ законъ тяготѣнія есть законъ раціональный, потому что онъ есть законъ обобщенія, обусловленнаго усмотрѣніемъ сходства между, повидимому, совершенно различными явленіями. Такъ какъ прогрессъ науки состоитъ между прочимъ въ томъ. чтобы эмпирическіе законы дѣлать производными законовъ раціональныхъ. то понятно, почему послѣдніе имѣютъ право называться законами высшими. *)

Какъ скоро установленъ какой нибудь раціональный законъ, то начинается примѣненіе его къ объясненію отдѣльныхъ явленій и эмпирическихъ законовъ, и черезъ это индукція замѣняется дедукціей. Индукція есть выводъ обобщенія, но когда обобщеніе получено, то примѣненіе его къ выводу вытекающихъ изъ него слѣдствій есть уже процессъ дедукціи, ибо дедукція и есть не что иное, какъ выводъ слѣдствій изъ какого либо общаго начала. Мы не скажемъ поэтому, что фактъ притяженія тѣлъ землею и фактъ движенія небесныхъ свѣтилъ, обобщенное въ законъ тяготѣнія, представляютъ примѣръ дедуктивнаго процесса**) или что факты горѣнія и ржавчины, обобщенные въ факты

*) Подъ усмотрѣніемъ сходства, дающемъ начало раціональнымъ законамъ, мы разумѣемъ здѣсь не то, принадлежащее каждому, усмотрѣніе сходства между отдѣльнымъ фактомъ и цѣлымъ видомъ, обусловливающее такъ называемыя достовѣрныя индуктивныя обобщенія, а усмотрѣніе сходства тамъ, гдѣ на первый взглядъ его и найти невозможно или по крайней мѣрѣ очень трудно, и для котораго нужны особыя условія въ природѣ наблюдающаго субъекта.

**) Какъ это дѣлаетъ Владиславлевъ, см его „Логику“. стр 350

окисленія, есть тоже примѣръ такого же процесса.*) но мы, безспорно должны признать, что когда мы усматриваемъ производность эмпирическаго закона изъ закона раціональнаго или когда объясняемъ какой нибудь отдѣльный фактъ (напр. ржавчину какого нибудь куска желѣза) ссылкою на общій законъ, то должны признать, говорю, что всѣ такіе процессы объясненія есть процессы дедуктивные, ибо частное заключеніе выводится здѣсь изъ общаго положенія, совершенно такъ же, какъ сумма внутреннихъ угловъ треугольника выводится изъ общаго положенія о суммѣ угловъ, образуемыхъ встрѣчей вертикальной линіи съ горизонтальной, продолженной отъ мѣста встрѣчи съ первой. См Приложеніе 12, стр. 95

Такимъ обр и индуктивный и дедуктивный процессы имѣютъ одинаковую цѣну въ ходѣ научнаго развитія, оба они въ одинаковой степени связываются съ могучимъ орудіемъ открытія научныхъ истинъ—съ гипотезой. Если гипотеза касается обобщенія, она представляетъ изъ себя гипотезу индуктивную, если гипотеза относится къ извлеченію слѣдствія изъ данныхъ общихъ принциповъ—она гипотеза дедуктивная. Когда было сдѣлано предположеніе, что всѣ тѣла подчинены одному и тому же закону тяжести—это была гипотеза индуктивная, а когда *исходя изъ сопоставленія новыхъ фактовъ и даннаго уже закона тяготѣнія*, сдѣлано было предположеніе, что далѣе планеты Урана должна существовать еще планета, то это была гипотеза дедуктивная. Когда ученый, найдя черепъ неизвѣстнаго животнаго съ острыми и большими клыками и признавая за несомнѣнно установленную истину, что характеръ всѣхъ органовъ того или другого животнаго имѣетъ прямое отношеніе къ образу жизни послѣдняго, сдѣлаетъ предположеніе, что животное, обладавшее указаннымъ черепомъ, д было обладать болѣе или менѣе острыми когтями, но ни въ какомъ случаѣ не копытами, ибо черепъ свидѣтельствуетъ, что это было животное хищное, то такое предположеніе будетъ опять гипо-

*) Какъ это полагаетъ г Чешановъ см. его „Учебникъ логики“, стр 127

теза дедуктивная. Ибо здѣсь вѣдь не предполагается установить связь различныхъ фактовъ подчиненіемъ ихъ общему закону. а предполагается установить фактъ, разсматриваемый какъ слѣдствіе уже даннаго принципа Но такъ какъ каждая гипотеза требуетъ повѣрки, то слѣдовательно въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между индуктивной и дедуктивной гипотезой. Повѣрка можетъ заключаться или въ вычисленіи или въ подтвержденіи посредствомъ фактовъ.

Повѣрка. разумѣется. должна имѣть тѣмъ большую доказательную силу. чѣмъ она сдѣлана точнѣе Ньютонъ провѣряя свою гипотезу о подчиненіи небесныхъ тѣлъ тѣмъ же закономъ паденія, какіе установлены были и для земныхъ тѣлъ. не хотѣлъ придавать значенія своимъ вычисленіямъ, вслѣдствіе ихъ даже незначительной неточности, пока не увидалъ, отчего зависѣла эта неточность Тоже требованіе распространяется. конечно, и на фактическую повѣрку. Вотъ для того, чтобы эта повѣрка получила желательную точность. прекраснымъ средствомъ и служатъ извѣстные уже намъ методы Милля. Слѣдовательно, методы эти имѣютъ такое же отношеніе къ индукціи, какъ и къ дедукціи ибо одинаково служатъ для точности повѣрки какъ гипотезы индуктивной, такъ и дедуктивной. Мы даже скажемъ больше: одинъ изъ этихъ методовъ. именно методъ остатковъ, только и можетъ примѣняться къ гипотезамъ дедуктивнымъ Ибо для того, чтобы съ достовѣрностью заключать о томъ, что оставшееся предшествующее есть дѣйствительно причина даннаго послѣдующаго, надо чтобы всѣ эти предшествующія охватывались однимъ и тѣмъ же закономъ. Тогда, понятно, оставшееся и будетъ тѣмъ недостающимъ звеномъ, котораго не хватало, чтобы всѣ данныя послѣдующія могли выводиться изъ одного и того же принципа. Но если предшествующія не охватываются никакимъ общимъ закономъ и представляютъ каждое причину sui generis, то оставшееся предшествующее такъ же мало можетъ считаться дѣйствительной причиной даннаго послѣдующаго какъ и всѣ остальныя, отброшенныя. Потому что изъ того, что это предшествующее осталось на лицо, еще не слѣдуетъ, что

нѣтъ какого-либо скрытаго, неизвѣстнаго намъ обстоятельства, которое собственно и есть причина даннаго послѣдующаго. Очевидно надо прибѣгнуть къ методамъ различія или соотвѣтствующихъ измѣненій, чтобы имѣть возможность съ большимъ основаніемъ видѣть въ полученномъ остаткѣ эту причину. Но къ этимъ методамъ, какъ методамъ повѣрки, нельзя прибѣгнуть тамъ, гдѣ не имѣетъ примѣненія активный опытъ, а возможно одно наблюденіе. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ методъ остатковъ самъ по себѣ не приведетъ насъ къ достовѣрному заключенію о причинной связи двухъ явленій, если только всѣ предшествующія не являются частными случаями одного общаго закона, какъ это и имѣло мѣсто въ дѣлѣ открытія Нептуна.

Теперь кажется, мы можемъ обратиться къ установленію того, что должно пониматься вообще подъ научнымъ методомъ. Мы имѣемъ теперь возможность установить, изъ чего слагается этотъ методъ. Исходный пунктъ его, разумѣется, наблюденіе. Затѣмъ слѣдуютъ гипотезы, индуктивныя и дедуктивныя, и гипотезы эти подтверждаются повѣркою теоретической или фактической. Слѣдовательно, наблюдать, предполагать и провѣрять—вотъ въ наиболѣе общихъ чертахъ тотъ методъ, который ведетъ насъ къ болѣе или менѣе достовѣрнымъ научнымъ положеніямъ, которыми обусловливается, слѣдовательно, развитіе науки. См Приложеніе 13, стр 97.

Къ ученію объ индукціи, дедукціи и гипотезѣ присоединяется въ логикахъ обыкновенно еще ученіе объ *анализѣ* и *синтезѣ* Правда, нѣкоторые писатели отличаютъ методъ доказательства отъ метода развитія мыслей и къ послѣднему собственно и относятъ методы анализа и синтеза, но они не стараются разграничить логическую важность того и другого отдѣла*). Между тѣмъ въ логическомъ отношеніи развитіе мысли, т. е. ея изложеніе, есть дѣло совершенно второстепенное. Задача логики—установить нормы познавательнаго процесса, указать, какіе процессы мысли и пріе-

*) См. Владиславлевъ, Логика 310.

мы обезпечиваютъ намъ познаніе истины Разсмотрѣніе же того, какимъ образомъ мы можемъ развивать, т. е. излагать то, что добыто познавательнымъ процессомъ, есть скорѣе задача стилистики, чѣмъ логики. Познавательный процессъ и процессъ изложенія, развитія—двѣ вещи совершенно различныя. Къ достовѣрному обобщенію мы можемъ придти не иначе, какъ путемъ указаннаго выше научнаго метода: начавъ съ наблюденія, перейти затѣмъ путемъ усмотрѣнія сходства къ индуктивной гипотезѣ и заключить провѣркой. Но когда дѣло дойдетъ до изложенія, ничто не обязываетъ насъ въ точности воспроизвести именно тотъ процессъ, какимъ мы шли въ работѣ нашей мысли. Мы можемъ начать наше изложеніе не съ разсмотрѣнія отдѣльныхъ фактовъ, а прямо съ того общаго положенія, которымъ увѣнчалась наша работа, и отъ него уже спуститься къ фактамъ, какъ основанію Когда возводятъ зданіе, то начинаютъ не съ купола, а съ фундамента, но когда разсматриваютъ уже выведенную постройку, то ничто не мѣшаетъ начать разсмотрѣніе ея съ купола.

Слово *анализъ* (отъ греческаго ἀναλύω —раздѣляю) значитъ раздѣленіе, разложеніе, а *синтезъ* (отъ греческаго συντίθημι —соединяю) значитъ соединеніе, сложеніе. Въ нѣкоторыхъ наукахъ, напр въ химіи, термины анализъ и синтезъ употребляются въ указанномъ прямомъ своемъ значеніи. Произвести химическій анализъ—значитъ разложить тѣло на его составныя части Произвести анализъ воды значитъ или разложить ее на водородъ и кислородъ, изъ которыхъ она образуется, или установить присутствіе въ ней минеральныхъ или органическихъ примѣсей, входящихъ въ ея физическій составъ Произвести химическій синтезъ—значитъ составить изъ отдѣльныхъ тѣлъ новое химическое тѣло Но въ какомъ смыслѣ термины анализъ и синтезъ могутъ употребляться въ логикѣ? Если вы назовете анализомъ указаніе на видовыя понятія, входящія въ объемъ родового (т. е. *разложите* этотъ объемъ на составныя его части), то это будетъ пріемъ дѣленія, классификаціи. Если вы разложите содержаніе сложнаго понятія, или укажите изъ какихъ

частей составленъ цѣлый предметъ, то это будетъ пріемъ, извѣстный подъ названіемъ partitio, расчлененіе. Если вы скажете, что анализомъ можно назвать тотъ процессъ мысли, когда вы отъ частныхъ фактовъ восходите къ общимъ положеніямъ, то это будетъ процессъ индукціи. Равнымъ образомъ, если подъ синтезомъ вы будете понимать подведеніе частныхъ фактовъ подъ данное общее положеніе, то это будетъ пріемъ дедукціи. Слѣдовательно, анализу и синтезу нѣтъ мѣста въ логикѣ какъ особымъ самостоятельнымъ пріемамъ мысли, которые не входили бы въ составъ другихъ пріемовъ Если же подъ анализомъ и синтезомъ вы будете разумѣть особые пріемы *развитія* мыслей, т. е. если подъ анализомъ напр., будете понимать такой пріемъ изложенія, когда вы начинаете съ разсмотрѣнія отдѣльныхъ фактовъ и потомъ даете понять, какимъ образомъ факты эти обобщаются въ законъ, а подъ синтезомъ такой пріемъ, когда вы начинаете ваше изложеніе съ общаго положенія и потомъ обосновываете его указаніемъ на частные факты, то тогда вы сдѣлаете грубую ошибку, если анализъ будете соединять исключительно съ индукціей, а синтезъ съ дедукціей*) Ибо результатъ индуктивнаго процесса мысли, напр, вы можете одинаково изложить какъ въ видѣ аналитическаго пріема, такъ и въ видѣ синтетическаго. Что всѣ тѣла отъ теплоты расширяются, къ этому обобщенію вы пришли путемъ индуктивнымъ. Но это научное положеніе вы можете развить, начавъ изложеніе съ отдѣльныхъ фактовъ, данныхъ опыта, и заключивъ его выводомъ общаго закона (это будетъ аналитическій пріемъ изложенія), или можете изложить такъ, что сначала прямо объявите полученный вами законъ и потомъ перейдете къ тѣмъ даннымъ опыта, изъ которыхъ этотъ законъ выведенъ (это будетъ синтетическій пріемъ) Синтетическое изложеніе вашей индукціи не будетъ означать, что вы и открыли указанный законъ синтетическимъ пріемомъ мышленія Слѣдовательно, если анализу и син-

*) Эту ошибку дѣлаетъ Джвонсъ (см. его Учебникъ логики, стр. 228) и г Челпановъ (Учебникъ логики, стр. 147).

тезу можно сохранить мѣсто въ логикѣ, то не иначе какъ въ качествѣ общихъ терминовъ для тѣхъ процессовъ мысли, которыя представляютъ изъ себя разложеніе цѣлаго на части или соединеніе частей въ цѣлое Особенное положеніе анализъ и синтезъ могутъ имѣть лишь въ томъ случаѣ, если вы усвоите имъ значеніе особыхъ пріемовъ изложенія. Но тогда необходимо устраненіе указанной выше ошибки, состоящей въ присвоеніи исключительно индукціи значенія аналитическаго метода, а дедукціи—синтетическаго.

---

§ 4. Ученіе о научныхъ системахъ.

Анализъ и синтезъ, понимаемые какъ особые пріемы развитія, изложенія мыслей, опредѣляютъ лишь то направленіе, какимъ должно идти изложеніе. Но послѣднее, чтобы имѣть логическую цѣнность, должно удовлетворять еще одному, болѣе важному требованію Каждое изложеніе должно представлять одно логическое цѣлое. Въ каждомъ изложеніи долженъ быть центральный пунктъ, около котораго все содержаніе даннаго изложенія группируется въ гармоническое, согласное цѣлое. Каждое изложеніе иначе сказать, должно представлять изъ себя *систему*. Система (гр. σύστημα, отъ гл. συνίστημι соединяю, составляю) значитъ составъ. Но подъ терминомъ *система* разумѣется только такой составъ изложенія, который образуется не изъ ряда помѣщенныхъ одна подлѣ другой совершенно различныхъ, отдѣльныхъ мыслей, не имѣющихъ между собой никакой внутренней логической связи, а составъ, образуемый цѣпью взаимно связанныхъ, логически согласованныхъ, служащихъ достиженію одной и той же опредѣленной цѣли познанія мыслей. Все изложеніе должно быть направлено къ опредѣленной цѣли познанія. Цѣли нашего познанія могутъ различаться по степени своей общности. Верховная цѣль познанія—владѣть въ нашемъ сознаніи вполнѣ адэкватной, какъ бы повторенной въ точности, хотя какъ бы и въ миньятюрѣ, картиной реальнаго міра, приводящей насъ къ власти надъ

міромъ. Но этотъ верховный идеалъ, конечно, не осуществимъ для человѣка, по крайней мѣрѣ въ условіяхъ нашей земной жизни. Міръ представляетъ такую сложность явленій, что детальное изученіе всѣхъ частей его несовмѣстно съ психическими силами самаго геніальнаго человѣка. Отсюда естественно вытекаетъ необходимость спеціализаціи нашего познанія. Какъ возможная цѣль познанія, ставится опредѣленный кругъ явленій, опредѣленный отдѣлъ міра. Систематизація мыслей направляется къ цѣлямъ менѣе общимъ, но къ цѣлямъ, доступнымъ познавательнымъ силамъ человѣка Иногда и данный кругъ явленій настолько еще сложенъ, что требуется дальнѣйшая спеціализація его на отдѣлы. Такъ возникаютъ науки и ихъ отдѣлы. Каждая наука т обр. имѣетъ свой особый предметъ. *Наукой* слѣдов. *называется систематическое изложеніе добытыхъ разными пріемами и методами мышленія свѣдѣній, относящихся къ опредѣленному предмету познанія.*

Не составитъ, конечно, особеннаго труда указать на то изъ какихъ наукъ слагается вся область нашего познанія. Затрудненіе начнется лишь съ того момента, когда мы поставимъ себѣ задачей внести опредѣленный порядокъ въ это перечисленіе, когда мы захотимъ раздѣлить науки на опредѣленныя группы по степени ихъ родства между собою, когда, однимъ словомъ, подымемъ вопросъ о *классификаціи* наукъ Правильность классификаціи зависитъ, какъ извѣстно, отъ правильности ея основанія. А основаніе только тогда можетъ быть названо правильнымъ, когда оно взято изъ наиболѣе существенныхъ признаковъ предмета. Наибольшею извѣстностью, по общепринятому мнѣнію, пользуется классификація О Конта. За основаніе своего дѣленія О. Контъ взялъ, какъ извѣстно, степень убывающей общности тѣхъ признаковъ, которые являются предметами наукъ, будучи изслѣдуемы каждый въ своей отдѣльности. Каждая вещь можетъ быть предметомъ отдѣльной науки смотря потому, какой изъ ея признаковъ берется во вниманіе для изученія. Реальная вещь можетъ подпасть подъ понятіе: 1) числа, 2) протяженія, 3) движенія, 4) физическа-

го свойства, 5) химическаго свойства. 6) жизненнаго свойства Но эти понятія имѣютъ разную степень общности. Если каждый предметъ нашего мышленія подпадаетъ подъ понятіе числа, то не каждый подъ понятіе протяженія и движенія, а еще менѣе каждый подъ понятія физическаго или химическаго свойства, всего же менѣе предметовъ подъ понятіе жизненнаго свойства. Отсюда слѣдуетъ. что науки должны различаться по степени объема и содержанія тѣхъ понятій, какія служатъ ихъ предметомъ. Если предметомъ науки служитъ число, то ясно. что такая наука имѣетъ предметъ самый обширный по объему и самый бѣдный по сложности содержанія, если же научнымъ предметомъ явится протяженіе, то объемъ сузится, а содержаніе сдѣлается сложнѣе. ибо то, что подпадаетъ подъ понятіе протяженія, подпадаетъ въ то же время и подъ понятіе числа, но не обратно. Наибольшую сложность содержанія имѣетъ. конечно. предметъ тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ жизненныя явленія. Ибо понятіе о тѣлѣ. одаренномъ жизнью, подпадаетъ подъ всѣ предшествующія ему понятія (такое тѣло обладаетъ и химическими и физическими свойствами, оно обладаетъ движеніемъ. протяженіемъ, представляетъ изъ себя, наконецъ, опредѣленное число). Итакъ сообразно указаннымъ понятіямъ. всѣ такъ называемыя абстрактныя науки дѣлятся по О. Конту на слѣдующіе отдѣлы: чистая математика, геометрія, механика, физика, химія и біологія *) Вотъ шесть основныхъ наукъ, которыми охватывается вся сфера нашего познанія. Легко однако замѣтить, что дѣленіе это основывается на такомъ принципѣ, который отнюдь не можетъ претендовать на незыблимость и, слѣдовательно. быть дѣйствительно существеннымъ признакомъ для различенія наукъ другъ отъ друга. Физика. химія и біологія обособляются Контомъ въ отдѣльныя науки. ибо каждая изъ нихъ, по его мнѣнію. приноситъ особый элементъ къ содержанію научнаго предмета.

*) У Конта есть и другое дѣленье наукъ, вытекающее изъ другого основанія, именно дѣленіе ихъ на абстрактныя и конкретныя Но мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого дѣленія. такъ какъ самый вопросъ о научной классификаціи затрагивается нами лишь мимоходомъ, по стольку, поскольку онъ имѣетъ связь съ основнымъ началомъ нашихъ логическихъ изслѣдованій.

Если физика разсматриваетъ a явленія, то химія къ a присоединяетъ еще b, а біологія къ a+b еще c. Но кто поручится, что это различіе не есть собственно слѣдствіе недостаточности нашего проникновенія въ сущность явленій, изучаемыхъ этими науками? Кто поручится, что, напр., химическія явленія не есть особый видъ тѣхъ же физическихъ явленій, не есть особый видъ того универсальнаго движенія, изъ котораго вытекаютъ всѣ явленія міра? Слѣдовательно, легко можетъ случиться, что физика и химія окажутся видовыми различіями одной общей науки. Только тогда если бы было незыблемо установлено, что физическія явленія по самой сущности своей есть нѣчто совершенно отличное отъ явленій химическихъ, только тогда могла бы имѣть силу классификація Конта. Въ эпоху Конта такой взглядъ на физическія и химическія явленія былъ, какъ кажется, общепринятъ. Но въ настоящее время, какъ извѣстно, наука движется скорѣе въ томъ направленіи, чтобы снять родовыя перегородки между такъ называемыми опытными науками *). Эти перегородки не могутъ быть сняты только между двумя великими отдѣлами нашего знанія, которые дѣйствительно различаются по самой сущности своего значенія въ нашемъ познаніи. Одинъ изъ этихъ отдѣловъ состоитъ въ изученіи того, что принадлежитъ къ объективному основному условію нашего сознанія, а другой отдѣлъ наукъ изучаетъ то, что познается при этомъ условіи. Объективное же условіе нашего сознанія есть пространство, ибо сознаніе есть различеніе, а объективное различеніе невозможно безъ пространства. Изученіе элементовъ пространства, взятаго отдѣльно само по себѣ, даетъ начало наукамъ счисленія (ариѳметикѣ, алгебрѣ) и геометріи. Это научная *статика*, ибо здѣсь нѣтъ понятія о движеніи, здѣсь изучается лишь то, при чемъ только и возможно самое движеніе. Движеніе есть проявленіе силы, ибо какъ иначе вы можете представить себѣ реальную силу, какъ не въ движеніи? Второй главный отдѣлъ нашего знанія и состоитъ въ изученіи проявленій силы: это, слѣдовательно, научная *динамика*. Итакъ

*) Къ этому направлена напр. эволюціонная теорія матеріи Лебона.

вотъ два основныхъ отдѣла, на которые дѣлятся наши указанныя выше науки: науки *статическія* и науки *динамическія*. Къ первому отдѣлу принадлежатъ: чистая математика и геометрія, а ко второму—механика, физика, химія, біологія и соціологія. Эти отдѣлы различаются и по самому характеру научныхъ выводовъ. Выводы перваго отдѣла наукъ имѣютъ строго аподиктическую достовѣрность, выводы второго—достовѣрность только ассерторическую (о различіи между аподиктической и ассерторической достовѣрностью см. выше, въ ученіи о сужденіяхъ) См. Приложеніе 14, стр 98.

Дальнѣйшее дѣленіе будетъ несравненно болѣе обширнымъ для наукъ динамическихъ, чѣмъ статическихъ. Ибо комбинаціи чиселъ и геометрическихъ представленій—вотъ все, что составляетъ предметъ наукъ статическихъ. Но проявленія силы отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Вотъ почему науки динамическія представляютъ изъ себя обширный кругъ наукъ, который обозрѣть вполнѣ исчерпывающимъ образомъ едва-ли даже возможно. Да и нѣтъ въ этомъ особенной надобности достаточно указать главнѣйшіе отдѣлы. Во главѣ наукъ динамическихъ надо поставить, конечно, общую механику, науку объ общихъ принципахъ движенія. Затѣмъ должна идти механика массъ и механика молекулярная. Первая заключаетъ въ себѣ механику небесныхъ тѣлъ (астрономія), и механику земныхъ тѣлъ (теорія волнъ, теорія полетовъ и т. п.) Молекулярная механика можетъ быть раздѣлена на простую и и сложную. Простая молекулярная механика, носящая обыкновенно названіе физики, изучаетъ отдѣльныя проявленія молекулярнаго движенія, выражающіяся въ формѣ теплоты, свѣта, электричества, и т п. Сложная молекулярная механика, иначе называемая химіей, изучаетъ тѣ комбинаціи молекулярнаго движенія, которыми обуславливаются явленія превращенія двухъ или вообще нѣсколькихъ веществъ въ одно сложное третье. Затѣмъ идетъ біологія, наука о явленіяхъ жизни Она раздѣляется на ботанику, зоологію и антропологію. Антропологія (т. е. наука о человѣкѣ) раздѣляется на анатомію, физіологію и психологію. Къ психо-

логіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, какъ къ наукѣ о душѣ, можно кромѣ такъ называемой экспериментальной психологіи причислить еще логику, гносеологію этику. Наконецъ, послѣдняя наука, завершающая кругъ наукъ динамическихъ. это соціологія, наука объ обществѣ. Кромѣ перечисленныхъ наукъ есть науки часто описательныя, въ родѣ минералогіи. геологіи, географіи, палеонтологіи и науки, имѣющія лишь практическое значеніе, какъ напр. геодезія. различныя технологіи (физическія, химическія) металлургія, агрономія, педагогика и т. д.

Для большей ясности изложенное дѣленіе наукъ можно представить въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Н А У К И.				
Теоретическія		Практическія	Описательныя	Историческія
Статическія	Динамическія	Геодезія	Минералогія	Исторія религій
I Чистая математика a, Ариѳметика. b, Алгебра II Геометрія	I Общая механика II Механика массъ a, Механика небесныхъ тѣлъ (Астрономія) b, Механика земныхъ тѣлъ (Теорія волнъ, полетовъ и т. п.). III, Молекулярная механика: a, Простая (физика) b, Сложная (химія) IV. Біологія a, Ботаника b) Зоологія c, Антропологія (анатомія, физіологія, психологія; къ послѣдней относятся: экспериментальная психологія (особый видъ этой психологіи носитъ названіе „физіологической психологіи“) логика гносеологія этика, эстетика). V. Соціологія.	Металлургія Агрономія Гигіена Педагогика и т. п.	Геологія Географія Палеонтологія и др.	Исторія философіи Исторія политическая Исторія умственнаго развитія человѣчества Исторія индуктивныхъ наукъ и т. д.

См. Приложеніе 15, стр. 100.

Дополненіе.

Ученіе о логическихъ заблужденіяхъ или ошибкахъ.

Чтобы приходить къ истинному познанію, надобно правильно мыслить, т е руководиться въ своемъ мышленіи тѣми законами и правилами, ученіе о которыхъ и составляетъ предметъ логики. Но, конечно, цѣли логическаго мышленія нисколько не помѣшаетъ, а напротивъ будетъ вполнѣ содѣйствовать болѣе быстрому и успѣшному ея достиженію, если мы къ знанію этихъ законовъ и правилъ присоединимъ обозрѣніе наиболѣе часто встрѣчающихся уклоненій отъ нихъ и тѣхъ условій, въ силу которыхъ эти уклоненія главнымъ образомъ и осуществляются. Т. обр. теорія логики вполнѣ законно можетъ имѣть въ качествѣ дополненія главу о логическихъ заблужденіяхъ или ошибкахъ

Этихъ ошибокъ можно насчитать порядочное количество. Но когда намѣреваются обозрѣть болѣе или менѣе значительное число какихъ нибудь явленій, прежде всего возникаетъ вопросъ о ихъ классификаціи

Обыкновенно логическія ошибки распредѣляютъ по отдѣламъ логики и даже по частямъ этихъ отдѣловъ Такъ указываютъ на ошибки индуктивныя: въ наблюденіи, въ обобщеніи, въ аналогіи, и дедуктивныя: ошибки въ опредѣленіяхъ, въ умозаключеніяхъ, въ доказательствахъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ различаютъ ошибки противъ тезиса, противъ аргументовъ. Забываютъ при этомъ только объ одномъ, что логическая ошибка никогда не будетъ ошибкой, если не явится ошибкой противъ основныхъ законовъ мышленія. Всѣ указанные сейчасъ виды ошибокъ въ индукціи, въ дедукціи, а равно ошибки, происходящія отъ двусмысленности словесныхъ выраженій, всѣ онѣ являются ошибками потому лишь, что въ корнѣ ихъ лежитъ нарушеніе того или другого изъ основныхъ законовъ мышленія. Отсюда ясно, что самая естественная классификація ошибокъ будетъ та, когда во главу дѣленія мы поставимъ различіе ошибокъ по основнымъ законамъ мышленія. Поэтому мы

прежде всего должны установить, что есть три рода логическихъ ошибокъ:

1) Ошибки противъ закона тожества. 2) ошибки противъ закона противорѣчія и 3) ошибки противъ закона достаточнаго основанія. О томъ, что не можетъ существовать ошибокъ противъ закона исключеннаго третьяго, было сказано раньше (см отдѣлъ объ основ. законахъ мышленія)

1) Такъ какъ законъ тожества требуетъ признанія однимъ и тѣмъ же даннаго предмета мышленія въ теченіе по крайней мѣрѣ того процесса мысли, который къ нему относится, то ясно, что законъ этотъ будетъ нарушенъ, когда въ ходѣ процесса окажется видоизмѣненнымъ то, что въ логическихъ цѣляхъ, должно было бы оставаться тожественнымъ Это можетъ случиться въ процессахъ умозаключенія и доказательства

a) Въ умозаключеніи—когда средній терминъ силлогизма оказывается не тожественнымъ по своему значенію въ обѣихъ посылкахъ, когда, слѣдовательно, мы имѣемъ въ силлогизмѣ собственно не три, а четыре термина (quaternio terminorum) Объ этой ошибкѣ было уже сказано раньше (См. отдѣлъ объ умозаключеніяхъ).

b) Въ доказательствѣ—когда въ результатѣ доказательства окажется, что мы пришли къ положенію, не тожественному съ тезисомъ доказательства или со стороны качественной или со стороны количественной. Это можетъ случиться, когда для доказательства даннаго тезиса мы прибѣгали не къ тѣмъ аргументамъ, которые собственно нужны для этого, когда мы такъ сказать игнорировали послѣдніе и замѣнили ихъ другими Вслѣдствіе этого данный родъ ошибки называется ignoratio elenchi (ἔλεγχος значитъ аргументъ) Такъ, напр., если желая доказать, что ложь безнравственна, мы въ качествѣ аргументовъ будемъ распространяться лишь о вредныхъ послѣдствіяхъ лжи и для самаго лгуна и для общества, то мы очевидно докажемъ не безнравственность лжи, а ея вредоносность Въ итогѣ доказательсва т. обр. у насъ получилось положеніе, качественно отличное отъ того, которое намъ требовалось доказать.

Если, беремъ иной примѣръ, мы, взявши тезисомъ „множественность населенныхъ міровъ“. ограничимся лишь аргументами, состоящими въ указаніи того или другого сходства въ физическихъ и астрономическихъ свойствахъ нѣкоторыхъ планетъ сравнительно съ землею, то этимъ будетъ доказано очень мало, такъ какъ всѣми этими причинами далеко не исчерпывается вопросъ о происхожденіи жизни А если въ видахъ доказательства того же тезиса, мы будемъ разсуждать о томъ, что сдѣлать міры населенными необходимо должно входить въ цѣли природы, то, слѣдовательно, будемъ стараться доказать слишкомъ много сравнительно съ даннымъ тезисомъ и при томъ совершенно напрасно, такъ какъ собственно не имѣемъ никакихъ средствъ утверждать, что намъ дѣйствительно что нибудь извѣстно о цѣляхъ природы. И въ томъ и другомъ случаѣ въ итогѣ доказательства у насъ получилось количественное видоизмѣненіе тезиса, ибо въ первомъ случаѣ мы вмѣсто множественности населенныхъ міровъ доказали лишь причастность нѣкоторыхъ міровъ къ тѣмъ условіямъ, съ которыми, какъ намъ извѣстно, связаны явленія жизни (т. е. доказали меньше тезиса), а во второмъ случаѣ мы старались доказать уже не только существованіе населенныхъ міровъ, но и вообще принципа населенности въ планомѣрныхъ цѣляхъ природы (т. е. старались доказать больше тезиса). Отсюда въ логикахъ дается правило: qui nimium probat, nihil probat.

2) Ошибки противъ закона противорѣчія, какъ уже было сказано, состоятъ въ томъ, во 1-хъ, когда за однимъ и тѣмъ же предметомъ въ одно и тоже время и утверждается и отрицается одинъ и тотъ же признакъ (напр. признакъ существованія), во 2-хъ, когда одному и тому же предмету въ одно и тоже время придаются два исключающихъ другъ друга признака и въ 3-хъ, когда предмету приписывается признакъ, противорѣчащій самому понятію о данномъ предметѣ. О томъ, какъ возможны подобныя слишкомъ очевидныя ошибки, будетъ сказано дальше, тамъ, гдѣ мы разсматриваемъ условія, способствующія логическимъ ошибкамъ.

3) Ошибки противъ закона достаточнаго основанія наиболѣе многочисленны и встрѣчаются всего чаще. Подъ именемъ ошибокъ противъ этого закона мы разумѣемъ всѣ тѣ случаи, когда ту или другую мысль, приводимую какъ обоснованіе другой, нельзя однако считать достаточнымъ основаніемъ истинности послѣдней. Это бываетъ, во 1-хъ, въ умозаключеніяхъ дедуктивныхъ, когда нарушаются правила относительно посылокъ силлогизма или частей условнаго умозаключенія. (Объ этихъ нарушеніяхъ сказано было раньше) При этихъ нарушеніяхъ посылки силлогизма теряютъ свойство быть достаточнымъ основаніемъ для вывода, а въ условномъ силлогизмѣ—тоже самое теряетъ условіе по отношенію къ выводимому изъ него слѣдствію. Во 2-хъ, это бываетъ въ доказательствахъ дедуктивныхъ, когда аргументы или a) не имѣютъ прямой логической связи съ даннымъ тезисомъ, или b) представляютъ положеніе, которое само еще требуетъ себѣ доказательства, чтобы быть принятымъ за безспорное, или же c) представляютъ положеніе, уже утратившее значеніе истиннаго вслѣдствіе успѣховъ научнаго развитія.

a) Пусть, напр., адвокату требуется доказать невиновность такого-то NN во взводимомъ на него преступленіи. Желая добиться отъ суден оправданія своего клиента, адвокатъ однако старается не столько о выясненіи невозможности признать послѣдняго виновнымъ, что, быть можетъ, очень затруднительно, сколько о томъ, чтобы обрисовать симпатичными чертами личность подсудимаго, чтобы указать на бѣдственное положеніе, въ какомъ окажется его семейство въ случаѣ обвиненія и т. п. Понятно, что подобныя разсужденія не заключаютъ въ себѣ ровно никакого основанія къ тому, чтобы рѣшить вопросъ о виновности или невиновности NN, но тѣмъ не менѣе они могутъ оказать очень сильное вліяніе на присяжныхъ, которые вынесутъ, быть можетъ, и оправдательный приговоръ. Подобнаго рода аргументація въ доказательствахъ называется *argumentum ad hominem*

b) Когда хотятъ доказать, что воспріятіе пространства

образуется путемъ психическаго синтеза непространственныхъ ощущеній и для этого, въ виду невозможности усмотрѣть такое сліяніе изъ непосредственнаго свидѣтельства сознанія, обращаются къ родовому опыту весьма отдаленныхъ предковъ, который будто бы обусловилъ собой цѣльное для потомковъ воспріятіе пространства, уничтоживъ всякіе слѣды его разложимости, то въ этомъ случаѣ доказывающій опирается на такое положеніе, которое само по себѣ отнюдь не очевидно и не безспорно и потому само нуждается въ доказательствѣ. Ибо вѣдь надо доказать, во 1-хъ, что родовой опытъ имѣетъ силу дѣлать возможнымъ то, что для насъ оказывается непостижимымъ, а во 2-хъ, что дѣйствительно и существовалъ подобный родовой опытъ. Но очевидно, что если аргументъ самъ нуждается въ доказательствѣ, то можетъ ли онъ быть достаточнымъ основаніемъ, чтобы доказывать что либо? Эта ошибка въ доказательствѣ носитъ названіе *petitio principii*

с) Если бы какой нибудь физикъ сталъ въ настоящее время доказывать поднятіе воды въ насосѣ тѣмъ, что природа боится пустоты, а физіологъ—явленія дыханія вліяніемъ жизненной силы, то и тотъ и другой употребляли бы въ качествѣ аргументовъ такія положенія, которыя давно уже утратили всякое доказательное значеніе въ наукѣ. Такая ошибка носитъ названіе *error fundamentalis* (πρῶτον ψεῦδος).

Къ числу ошибокъ противъ закона достаточнаго основанія относится въ доказательствѣ еще и тотъ случай, когда аргументъ, приводимый въ доказательство даннаго тезиса, въ свою очередь доказывается не иначе, какъ тѣмъ положеніемъ, которое взято въ качествѣ тезиса. Очевидно, что такой аргументъ не можетъ имѣть доказательной силы. Такъ, напр., нѣкоторые механики стараются доказать, что *всякая частица матеріи обладаетъ тяготѣніемъ*. Почему? Потому что тѣла, состоящія изъ большаго количества частицъ, являются болѣе тяжелыми. А почему они являются болѣе тяжелыми? Потому что въ нихъ болѣе частицъ, а

всякая частица матеріи обладаетъ тяготѣніемъ). Такая ошибка называется *circulus in demonstrando.*

Аргументъ можетъ лишиться доказательной силы и въ тѣхъ случаяхъ еще. когда, во 1-хъ. употребляется въ общемъ смыслѣ безъ указанія на то ограниченіе въ значеніи, которое могло бы предохранить отъ ошибки. Такъ если мы скажемъ: мышьякъ есть ядъ, всякій ядъ смертоносенъ. слѣдов. мышьякъ смертоносенъ. то заключеніе будетъ невѣрно. потому что мышьякъ не всегда смертоносенъ, а напротивъ иногда весьма цѣлителенъ. Ошибка произошла отъ того, что мы въ аргументѣ „всякій ядъ смертоносенъ" исключили ограниченіе: принятый въ большомъ количествѣ. Эта ошибка носитъ названіе *a dicto secundum quid ad dictum simpliciter.* Во 2 хъ, аргументъ также теряетъ доказательную силу. когда въ немъ общее понятіе замѣняется соотвѣтствующимъ собирательнымъ. Правильно будетъ сказать: этотъ человѣкъ—человѣкъ интеллигентный, потому что онъ профессоръ университета. но невѣрно будетъ, если мы скажемъ: этотъ человѣкъ страшный крикунъ. потому что каждое собраніе, гдѣ онъ участвуетъ, отличается необычайной шумливостью. Что справедливо для общаго, то справедливо для частнаго, но что справедливо для собирательнаго понятія. то можетъ и не относиться къ входящему въ него индивидуальному: собраніе можетъ отличаться шумомъ. но тотъ или другой членъ его могутъ и не принимать участія въ этомъ шумѣ. Эта ошибка носитъ названіе *fallacia a sensu composito ad sensum divisum.* Равнымъ образомъ возможна и обратная ошибка, когда отъ единичныхъ понятій мы дѣлаемъ заключеніе къ составленному изъ нихъ собирательному цѣлому. Это будетъ *fallacia a sensu diviso ad sensum compositum.* Чего нельзя утверждать о частномъ, того нельзя утверждать и объ общемъ, но чего нельзя утверждать о каждомъ единичномъ, то иногда можно утверждать о собирательномъ, составленномъ изъ этихъ единичныхъ. Если же

) Д. С. Милль, Система логики, перев. В. Ивановскаго стр 664.

я буду отрицать и отъ собирательнаго то, что съ полнымъ правомъ отвергалъ отъ каждаго изъ составленныхъ его единичныхъ, то я и впаду въ указанную ошибку. Такъ ни одинъ человѣкъ, положимъ, изъ десяти не можетъ поднять камень въ двадцать пудовъ, но нельзя говорить, что этого не сдѣлаютъ всѣ десять человѣкъ вмѣстѣ

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ ошибокъ, противъ закона достаточнаго основанія, которыя возможны въ индукціи. Сюда прежде всего принадлежатъ такъ называемыя неосновательныя обобщенія, т. е. обобщенія, которымъ придается категорическое значеніе вм. гипотетическаго. (О томъ, какія обобщенія должны всегда считаться только гипотетическими, см въ отдѣлѣ объ индукціи). Будетъ, напр., ошибкою въ индукціи, если мы, на основаніи опыта, произведеннаго только надъ желѣзомъ, будемъ утверждать, что всѣ металлы плавятся при той же температурѣ, при которой мы расплавляли желѣзо. Для такого обобщенія мы не имѣемъ основанія ни въ опытѣ—потому что опытъ былъ произведенъ надъ однимъ желѣзомъ—ни въ законѣ тожества, ибо желѣзо не есть образецъ всѣхъ металловъ.

Такъ какъ изысканіе причинной связи составляетъ главнѣйшую цѣль индуктивнаго процесса мышленія, то къ индуктивнымъ ошибкамъ должно быть отнесено смѣшеніе *простой* послѣдовательности между явленіями съ послѣдовательностью *причинной*. Эта ошибка одна изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ. Привычка видѣть въ предыдущемъ явленіи причину послѣдующаго служитъ указаніемъ, въ какомъ направленіи надо искать причину какого нибудь даннаго явленія. И если это предыдущее имѣется на лицо, то невниманіе къ тому, что данное послѣдующее можетъ зависѣть не отъ одного только даннаго предыдущаго или же иногда неосвѣдомленность относительно того, можетъ ли это предыдущее входить въ ту кооперацію съ даннымъ явленіемъ, результатъ которой считается его слѣдствіемъ, все это утверждаетъ тенденцію смотрѣть на это предыдущее, какъ на причину послѣдующаго. Такъ весьма часто

прислуга обвиняется въ похищеніи какой-нибудь цѣнной вещи единственно потому, что въ комнату, гдѣ находилась эта вещь до ея пропажи, никто не входилъ, кромѣ подозрѣваемаго. (Но небольшая цѣнная вещь—колечко, маленькая брошка—могла упасть на полъ и быть выметена и выкинута вмѣстѣ съ соромъ; вещь могла быть похищена другой какой нибудь личностью, присутствіе которой въ комнатѣ никѣмъ не было замѣчено и т. д.). Такъ можно приписать смерть пріему какого нибудь вещества, если не будетъ заранѣе вполнѣ извѣстнымъ, что вещество это ни въ какомъ случаѣ не можетъ причинить смерти. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы *неосновательно* (т. е. вопреки закону достаточнаго основанія) считаемъ за причину то, что есть только предыдущее, но не причина даннаго явленія. Такая ошибка носитъ названіе *post hoc ergo propter hoc*.

Большой отдѣлъ неосновательныхъ утвержденій представляютъ изъ себя ошибки въ аналогіи. Ошибки эти всего чаще распадаются на слѣдующіе два отдѣла: 1) можно ошибочно видѣть большое сходство тамъ, гдѣ оно очень ничтожно, и вслѣдствіе этого дѣлать невѣрные выводы или 2) считать сходство, иногда совершенно случайное, за указаніе на имѣющее наступить причинное сцѣпленіе событій. 1) Извѣстно, напр., что государство уподобляютъ организму. Но органы государства имѣютъ, разумѣется, слишкомъ отдаленное сходство съ органами, напр., человѣческаго тѣла. Однако, принимая это сходство за большое и несомнѣнное, считаютъ иногда возможнымъ говорить о зарожденіи, ростѣ и естественной смерти государствъ, т. е. дѣлать невѣрное заключеніе (ибо политическія тѣла умираютъ только отъ насильственныхъ причинъ: старости у нихъ нѣтъ). 2) Что касается до второго отдѣла ошибокъ въ аналогіи, то сюда относятся, напр., различныя многочисленныя суевѣрія, такъ называемыя примѣты, предвѣщанія чего-либо недобраго, печальнаго. Здѣсь не мѣсто, конечно, изслѣдовать, какъ возникли всѣ эти суевѣрныя примѣты, которыхъ весьма часто держится не только необразованная часть общества. Да и рѣшить этотъ вопросъ въ какомъ либо по-

ложительномъ смыслѣ весьма трудно. Не трудно только замѣтить, что въ основѣ почти каждаго суевѣрнаго предвѣщанія лежитъ то или другое сходство даннаго предмета, являющагося знакомъ будущаго, съ тѣмъ предметомъ или явленіемъ, которое должно войти въ содержаніе этого будущаго. Такъ три свѣчи на столъ нельзя ставить, ибо вокругъ покойника ставится три свѣчи, слѣдов. три свѣчи предвѣщаютъ покойника; нельзя тринадцати сидѣть за столомъ, вѣроятно, потому, что на тайной вечери Христа участвовало тринадцать лицъ и одинъ изъ этихъ тринадцати (Іуда) вскорѣ послѣ тайной вечери кончилъ жизнь самоубійствомъ. Воронъ на крышѣ дома предвѣщаетъ въ этомъ дому покойника, конечно, потому, что воронъ питается трупами. Въ томъ весьма извѣстномъ суевѣріи, что заяцъ, перебѣжавшій дорогу, предвѣщаетъ что либо неблагопріятное, имѣлось, вѣроятно, въ виду то соображеніе, что заяцъ, животное пугливое вслѣдствіе своей безпомощности, и предвѣщать долженъ нѣчто такое, что насъ испугаетъ. А вотъ встрѣча съ лисицей предвѣщаетъ обманъ, ибо кому не извѣстно, что лисица—символъ коварства и хитрости. Въ другихъ случаяхъ сходство считается указаніемъ на счастливое будущее. Странный дождь, выпавшій какъ то въ сѣверной Италіи, былъ принятъ жителями за манну, и они въ надеждѣ исцѣленія глотали эту манну съ такой жадностью, что только съ величайшимъ трудомъ можно было получить для изслѣдованія небольшое количество этого дождя (состоявшаго, какъ полагаютъ, изъ экскрементовъ насѣкомыхъ). Много въ свое время потрачено было алхимиками труда сдѣлать золото жидкимъ, чтобы его можно было пить. Мотивомъ этихъ усилій служила мысль, что золото въ видѣ питья должно быть непремѣнно панацеей—лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Но почему именно золото? Потому что оно очень цѣнно: оно должно было обладать всѣми чудесными свойствами, какими можетъ обладать физическая субстанція, такъ какъ умъ уже привыкъ вообще удивляться этому предмету *)

*) Д. С. Милль, Система лог. стр. 603.

Обзоръ логическихъ ошибокъ, въ цѣляхъ лучшаго предохраненія отъ нихъ на практикѣ, весьма не безполезно дополнить указаніемъ на то, отъ какихъ условій зависитъ самое происхожденіе ошибокъ. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить, что ошибки могутъ быть двоякаго рода: умышленныя и неумышленныя. Въ какихъ нибудь цѣляхъ, можетъ быть ради шутки, а можетъ быть, чтобы сбить съ толку мало догадливаго противника, возможно совершенно сознательное нарушеніе того или другого логическаго правила. Такія, сдѣланныя умышленно, ошибки называются *софизмами*. Въ логикахъ издавна принято отмѣчать нѣкоторые болѣе типичные примѣры софизмовъ.

a) Софизмъ „рогатый“: чего ты не терялъ, то ты имѣешь, роговъ ты не терялъ, слѣдовательно ты ихъ имѣешь.

b) Софизмъ „лгунъ“: Эпаминондъ критянинъ говоритъ: критяне лгуны, но Эпаминондъ самъ критянинъ, слѣдов. и онъ лгунъ, а если лгунъ, то значитъ ложь то, что онъ утверждаетъ о критянахъ, т. е. что они лгуны, но если критяне не лгуны, то значитъ и Эпаминондъ не лгунъ, если же онъ не лгунъ, значитъ то, что онъ сказалъ о критянахъ, вѣрно; а если вѣрно, то значитъ критяне дѣйствительно лгуны, а если критяне лгуны, то и Эпаминондъ лгунъ и т. д.

c) Софизмъ „куча“. Если отъ кучи песку отнять одну песчинку, останется-ли она кучей? Да, останется. А если взять еще одну? Тоже останется. Слѣдовательно, если мы будемъ все отнимать по одной песчинкѣ, то придемъ къ тому, что куча окажется состоящей изъ одной песчинки.

Въ первомъ примѣрѣ софизмъ основанъ на двусмысленности слова „терять“. Въ большей посылкѣ слово терять употреблено въ отношеніи къ владѣнію (терять можно только то, чѣмъ мы владѣемъ), а въ меньшей посылкѣ оно употреблено въ отношеніи къ дѣйствію (терять значитъ совершать опредѣленное дѣйствіе). Слѣдовательно, говорящій допускаетъ здѣсь quaternio terminorum.

Во второмъ примѣрѣ кругъ, въ который мы впадаемъ въ нашихъ выводахъ, происходитъ отъ слишкомъ обширнаго значенія, придаваемаго слову „лгунъ“: лгуномъ называется здѣсь тотъ, кто всегда и во всѣхъ случаяхъ говоритъ только ложь, чего разумѣется, и быть не можетъ, тогда какъ лгуномъ слѣдуетъ называть лишь того, кто только *любитъ* говорить ложь (но иногда скажетъ и правду). Поэтому нѣтъ основанія изъ утвержденія, сказаннаго Эпаминондомъ о критянахъ, именно что они лгуны, заключать, что Эпаминондъ и въ данномъ случаѣ сказалъ ложь: онъ сказалъ о критянахъ только то, что они любятъ лгать, а это можетъ и не быть ложью. При такомъ же болѣе ограниченномъ значеніи слова „лгунъ“ уже нѣтъ мѣста къ дальнѣйшимъ выводамъ, и безконечный кругъ, въ который мы попадаемъ въ данномъ примѣрѣ, исчезаетъ.

Въ третьемъ примѣрѣ неправильный выводъ зависитъ отъ неопредѣленности понятія „куча“. Если подъ кучей разумѣть просто пребываніе въ опредѣленномъ мѣстѣ, то и одна песчинка тогда будетъ кучей, но вѣдь подъ кучей обыкновенно разумѣютъ такое положеніе предметовъ, когда одни изъ нихъ лежатъ поверхъ другихъ. Слѣдов. исчезновеніе кучи зависитъ не отъ счета отнимаемыхъ песчинокъ, а оттого, когда всѣ песчинки уравняются въ своемъ положеніи (т. е. окажутся лежащими рядомъ). Но опредѣлить такой моментъ заранѣе, конечно, невозможно.

Безъ сомнѣнія, гораздо чаще можно встрѣтить ошибки неумышленныя (паралогизмы), тѣ ошибки, дѣленіе которыхъ указано выше. Посмотримъ, отъ какихъ условій зависитъ происхожденіе подобныхъ ошибокъ

1) Раньше всего въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить *недостатокъ внимательности*. Это одна изъ самыхъ наиболѣе общихъ причинъ ошибокъ.

а) Если передъ нами оказывается неумышленное quaternio terminorum, то, безъ сомнѣнія, здѣсь не было обращено надлежащаго вниманія на отсутствіе тожественности въ значеніи средняго термина (выражаемаго повидимому одимъ и тѣмъ же словомъ) Такъ, если говорящій не об-

ратилъ должнаго вниманія, напр., на то, что наименование „честнаго“ можно приписать лишь тому, заслуживающему похвалы, что представляетъ изъ себя нравственное благо, а не всему, что можетъ вообще считаться похвальнымъ, то вотъ у насъ и ошибочный выводъ. Quod est bonum, omne *laudabile* est Quod autem *laudabile* est, omne honestum est. Bonum igitur quod est, honestum est (Cic. de Finibus, lib. III). Все, что представляетъ собою благо, заслуживаетъ похвалы, а все, что заслуживаетъ похвалы—честно. Итакъ все, что есть благо,—честно).)

b) Если бы, далѣе, было обращено надлежащее вниманіе на то, что мѣсто, опредѣленное какъ точка въ пространствѣ, въ примѣненіи къ движущемуся тѣлу есть contradictio in adjecto, (ибо движеніе есть непрерывная перемѣна точекъ въ любомъ мѣстѣ пространства), то невозможно было бы извѣстное доказательство (приписываемое Зенону), отсутствія въ природѣ движенія Движенія не существуетъ, говоритъ мудрецъ, ибо тѣло движется или тамъ, гдѣ оно есть, или тамъ, гдѣ его нѣтъ Гдѣ его нѣтъ, тамъ не можетъ быть и его движенія, слѣдов надо допустить, что оно движется тамъ, гдѣ оно есть. Но для каждаго мгновенія оно находится въ опредѣленной точкѣ пространства, а въ точкѣ не можетъ быть движенія. Слѣдовательно, тѣло остается неподвижнымъ. Если же однако мы называемъ тѣло движущимся, то уже нельзя ни для одного мгновенія утверждать что оно *пребываетъ* въ точкѣ пространствѣ, ибо движеніе есть непрерывная перемѣна точекъ. Такимъ обр. въ доказательствѣ Зенона не было обращено вниманія на то, что говорить о пребываніи въ точкѣ, относя это пребываніе къ движущемуся предмету, значитъ впадать въ противорѣчіе

Недостатокъ внимательности можетъ вести къ ошибкамъ и въ индукціи Прежде всего этотъ недостатокъ можетъ давать невѣрные результаты въ самомъ наблюденіи явленій. Благодаря отсутствію надлежащей внимательности,

---

*) Система Логики, Д. С Милля, стр 657.

отъ наблюдателя можетъ ускользнуть болѣе или менѣе значительная часть явленій, а это именно, должно обусловить собой неправильный выводъ Такъ вслѣдствіе того. что опускали изъ виду обратить вниманіе на газообразные продукты горѣнія, долгое время, существовало невѣрное мнѣніе, будто вещество, сгорая, теряетъ въ своемъ вѣсѣ Отсутствіе должной внимательности при наблюденіяхъ обусловливается весьма часто тѣмъ, что къ наблюденіямъ приступаютъ съ заранѣе составленными мнѣніями, которыя и направляютъ вниманіе преимущественно на то, что съ ними согласуется. Весьма часто, напр., свѣдѣнія, выносимыя путешественникомъ изъ чужой страны, въ качествѣ его личныхъ впечатлѣній, подтверждаютъ въ точности лишь тѣ его мнѣнія, съ какими онъ отправился въ путь). Недостатки въ наблюденіяхъ естественно влекутъ за собой неправильное обобщеніе.

2) Забывчивость можно поставить также одною изъ причинъ, порождающихъ логическія ошибки. Нерѣдко авторъ, слѣдуя логическому теченію своей мысли, приходитъ къ опредѣленному выводу, забывая. что ранѣе въ томъ же самомъ сочиненіи, онъ пришелъ къ противоположному взгляду, подчиняясь иному развитію мысли о томъ же самомъ предметѣ. Такъ Милль. напр., считаетъ логическою ошибкой безусловное априорное довѣріе къ положенію: изъ ничего ничто не возникаетъ. *) Черезъ нѣсколько страницъ въ той же своей книгѣ Милль разсуждаетъ о невозможности связать причиннымъ отношеніемъ психическія явленія съ матеріальнымъ движеніемъ, **) забывая, что для того, кто въ принципѣ допускаетъ возможность возникновенія чего либо изъ ничего, фактъ послѣдовательности психическихъ явленій за нервнымъ раздраженіемъ, при немыслимости причинной связи ихъ съ послѣднимъ, долженъ являться прекраснымъ опытнымъ опроверженіемъ положенія,

*) Милль, Система Логики, перев Ивановскаго, стр 627.

**) Ib. стр 607.

***) Ib. стр. 635—636.

будто изъ ничего ничто не возникаетъ. Однако Милль не рѣшается придти къ подобному заключенію, доказывая этимъ, что для здравомыслящаго человѣка лучше остаться передъ загадочностью факта, чѣмъ объяснить его такимъ страннымъ образомъ, будто изъ ничего можетъ что либо возникнуть Слѣдовательно, если Милль не находитъ возможнымъ примѣнить свои принципъ объясненія, гдѣ онъ можетъ быть примѣненъ, значитъ онъ самъ отрицаетъ его логическую значимость, т. е. впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Геффдингъ, беремъ другой примѣръ, въ своей „Философіи религіи" называетъ вѣру въ безсмертіе души эгоистической формой религіозности. „Какъ будто бы въ бытіи не могло быть никакого смысла, если бы я *не* былъ безсмертенъ!" восклицаетъ онъ при этомъ (стр. 254) Но не много далѣе, онъ уже задаетъ вопросъ, какой же смыслъ имѣлъ бы весь міровой процессъ, если бы онъ оканчивался разложеніемъ въ хаосъ атомовъ, которые имѣли бы рѣшительно тѣже самыя свойства, съ какими они вступили въ нашу мировую систему, которые, такъ сказать, ничему не научились и ничего не забыли (стр. 260), т. е отрицаетъ уже возможность видѣть смыслъ въ міровомъ процессѣ при отрицаніи личнаго безсмертія Такимъ обр онъ самъ себѣ противорѣчитъ.

Нарушеніе закона противорѣчія, благодаря невнимательности или забывчивости, представляетъ одну изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ логическихъ ошибокъ, такъ что, кажется, едва-ли возможно найти писателя, совершенно свободнаго отъ этой ошибки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Законъ исключеннаго третьяго имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ прочими логическими законами Требованія этихъ послѣднихъ могутъ нарушаться вслѣдствіе тѣхъ или другихъ субъективныхъ причинъ (см выше въ главѣ о логич. ошибкахъ), но сами законы черезъ эти нарушенія ни въ какомъ случаѣ не отмѣняются и всегда сохраняютъ всю свою силу, какъ непрележныя нормы истинности мысли. А относительно закона исключеннаго третьяго, когда заводятъ рѣчь о его нарушеніи, предполагается такое условіе, которое должно лишать значенія самый законъ

Нарушенія прочихъ законовъ отнимаютъ отъ мысли цѣну логической значимости, а нарушеніе закона исключеннаго третьяго должно, напротивъ, сохранять за мыслью эту значимость. Слѣдовательно, нельзя ставить вопроса, нѣтъ-ли такихъ случаевъ нарушенія прочихъ законовъ, когда бы не отмѣнялась логическая цѣнность мысли при этимъ нарушеніи, а примѣнительно къ закону исключеннаго третьяго этотъ-то вопросъ именно и ставится И замѣчательно, что мнѣнія по этому вопросу до сихъ поръ еще расходятся. Одни утверждаютъ, что изъ закона исключеннаго третьяго нѣтъ никакихъ исключеній и что слѣдовательно нѣтъ и нарушеній этого закона, такъ какъ здѣсь не могутъ дѣйствовать тѣ субъективныя причины, которыя приводятъ къ нарушенію остальныхъ законовъ. (Въ послѣднемъ случаѣ стоитъ только допустить извѣстныя субъективныя условія—и нарушеніе готово; относительно же закона исключеннаго третьяго требуется или создать субъективно или найти то объективное среднее, которое бы приняло на себя цѣнность истины, отнявъ ее и у положенія и у отрицанія). Другіе, напротивъ, утвер-

ждаютъ, что можно въ самомъ дѣлѣ найти такіе случаи противорѣчія, гдѣ законъ исключеннаго средняго оказывается непримѣнимымъ, т. е. гдѣ, стало быть, существуетъ среднее между да и нѣтъ. Таковы якобы случаи противорѣчія между противоположными понятіями (бѣлый—черный, добрый—злой и пр.). Такъ какъ истина положенія обусловливаетъ ложь отрицанія и обратно, то повидимому если ложно, что предметъ бѣлый, то должно быть истиной, что предметъ черный. Однако можетъ быть ложью и то, что предметъ черный, ибо цвѣтъ предмета можетъ оказаться среднимъ между бѣлымъ и чернымъ, можетъ быть краснымъ, синимъ, зеленымъ. О томъ, какъ въ такихъ случаяхъ должно пониматься примѣненіе закона исключеннаго третьяго, сказано въ ученіи о понятіяхъ. [*]) Непримѣнимъ будто бы законъ исключеннаго третьяго и въ случаѣ общихъ сужденій, „съ субъектомъ, обозначающимъ цѣлый классъ, видъ или родъ, которому въ предметѣ приписывается несущественный признакъ. Напр. нѣмецкая нація исповѣдуетъ лютеранскую религію. Въ этомъ случаѣ оба противорѣчивыхъ сужденія будутъ невѣрны, а истиннымъ будетъ нѣчто среднее, а именно часть нѣмецкой націи, т. е. нѣкоторые изъ нѣмцевъ исповѣдуютъ лютеранскую религію". ([*]) Такое мнѣніе однако не выдерживаетъ критики. Совершенно вѣрно, что законъ исключеннаго третьяго непримѣнимъ къ такимъ сужденіямъ, но это потому, что ему и не слѣдуетъ быть здѣсь примѣнимымъ. Вѣдь законъ исключеннаго третьяго что требуетъ? Чтобы между истиной утвержденія и ложью отрицанія (или обратно) не искали бы ничего средняго, что, являясь истиной могло бы уничтожить истину утвержденія (или отрицанія). А вѣдь въ приведенныхъ примѣрахъ берутся не два общихъ противорѣчивыхъ сужденія, изъ которыхъ одно представляло бы истину, а другое—ложь. Берутся два общихъ противорѣчивыхъ сужденія, которыя оба ложны. Они про-

---

( ) См. приложеніе 4.

( ) Проданъ, Новая логика, стр. 48.

тиворѣчивы только по формѣ, но не по сущности; въ дѣйствительности они не противорѣчивы, а согласны, согласны въ своей ложности. Вотъ если бы г. Проданъ потрудился найти среднее между истиной утвержденія и ложью отрицанія (или обратно), тогда онъ могъ бы говорить о нарушеніи закона исключеннаго средняго [1]) Но, конечно, если бы это удалось ему сдѣлать, то это можно было бы счесть чудомъ Итакъ, надо согласиться съ г проф Введенскимъ, что нарушеніе закона исключеннаго третьяго для насъ абсолютно невозможно, [2]) ибо мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что бы это такое могло быть тѣмъ третьимъ, среднимъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ, съ чѣмъ бы могло соединиться понятіе истины Ибо если мы скажемъ, что это среднее есть не то утвержденіе, не то отрицаніе, то вѣдь въ такомъ опредѣленіи нельзя видѣть признака истины, такъ какъ здѣсь нарушается законъ противорѣчія. Какъ бы то ни было, но можно говорить о нарушеніи законовъ тожества, противорѣчія, достаточнаго основанія, но никто никогда не слыхалъ, чтобы критика чьихъ либо разсужденій давала отрицательное заключеніе о ихъ логической значимости въ силу присутствія въ нихъ нарушенія закона исключеннаго третьяго. Законъ искл. третьяго представляетъ дополненіе къ закону противорѣчія Если совмѣстное утвержденіе и отрицаніе чего либо одного въ отношеніи къ одному и тому же предмету прекращаетъ всякій дальнѣйшій процессъ мышленія о данномъ предметѣ въ избранномъ направленіи, то, очевидно, чтобы процессъ этотъ сдѣлался возможенъ, мы должны вести его или въ направленіи утвержденія или отрицанія. И вотъ, чтобы предотвратить всякое колебаніе въ этомъ отношеніи, къ закону противорѣчія и прибавляется законъ исключеннаго третьяго, котораго смыслъ въ томъ

---

[1]) Болѣе вдумчивые писатели по логикѣ не дѣлаютъ этой ошибки, въ какую впалъ г Проданъ См напр изслѣдованіе г проф. Ягодинскаго „Генетическій методъ въ логикѣ“, стр 64

[2]) Проф Введенскій.—Логика, СПБ 1909 г стр 381

и состоитъ, чтобы дать рѣшительное заявленіе, что есть только два пути къ истинѣ, путь утвержденія или путь отрицанія, нѣтъ никакого третьяго. Законъ исключеннаго третьяго ни въ какомъ случаѣ нарушенъ быть не можетъ, и все, что иногда выдается за его нарушеніе, основано на недоразумѣніи

2. Согласіе мысли съ фактами есть ultima ratio ея матеріальной истинности. Спрашивается теперь, всѣ ли факты имѣютъ одинаковую значимость въ качествѣ достаточнаго основанія для признанія матеріальной истинности мысли? Нѣтъ, не всѣ, и это вотъ почему Есть факты, переживаніе которыхъ не всегда и не для всѣхъ доступно, тѣмъ не менѣе оно всегда можетъ осуществиться, если къ тому будутъ приняты соотвѣтствующія мѣры Не для каждаго, напр., доступно наблюдать какую нибудь невидимую простымъ глазомъ комету или получить какое нибудь химическое соединеніе, тѣмъ не менѣе и то и другое можетъ войти въ область психическихъ переживаній какой угодно личности, если она получитъ нужныя къ тому средства Таковы всѣ естественно-научные факты Есть факты, напротивъ, переживаніе которыхъ не представляется возможнымъ для какой угодно личности, потому что связано съ какими-то спеціальными особенностями физической и психической конституціи данной личности Таковы, напр., факты мистическаго экстаза, медіумическаго транса и т д. Есть, наконецъ, факты, переживаніе которыхъ не обусловливается никакими особенными мѣрами, кромѣ обращенія на нихъ вниманія, и можетъ быть легко доступно кому угодно и когда угодно Таковы, напр, факты, выражаемые положеніями: двѣ величины равныя третьей, равны между собою; цѣлое больше своей части; между двумя точками можно провести лишь одну прямую линію; всѣ прямые углы равны между собою и т. д. — вообще всѣ положенія наукъ математическихъ. Если теперь поставить вопросъ объ общечеловѣческой значимости этихъ трехъ разрядовъ, на которые мы раздѣлили факты, то легко усмотрѣть, что этой значимости почти совершенно лишены факты второго разряда, т е.

факты мистическаго экстаза, медіумическаго транса и т. п. Ибо истинность этихъ фактовъ можетъ признаваться лишь по степени довѣрія къ личностямъ, которыя свидѣтельствуютъ о ихъ переживании, а не черезъ повѣрку собственнымъ опытомъ. Остаются естественно-научные факты и факты наукъ математическихъ. И тѣмъ и другимъ безспорно присуща общечеловѣческая значимость, въ силу доступности ихъ повѣркѣ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду одну глубокую существенную разницу между этими двумя разрядами фактовъ. Естественно-научные факты, представляя изъ себя опредѣленное дѣйствительное переживаніе, тѣмъ не менѣе допускаютъ возможность другого переживанія, осуществляемаго, правда, иногда въ одномъ воображеніи. Дѣйствительность, напр., говоритъ, что человѣку нельзя жить въ водѣ, а воображеніе населяетъ моря подводными царствами, откуда на землю выходятъ царевны и дѣлаются женами земныхъ монарховъ. Дѣйствительность говоритъ, что всѣ предметы на землѣ притягиваются его по направленію къ ея центру, но мы легко можемъ себѣ вообразить, что всѣ предметы отдѣлились отъ земли и унеслись въ безпредѣльное пространство. Но факты наукъ математическихъ выражаютъ переживаніе только одного рода, именно то, которое они выражаютъ: никакое другое переживаніе для нихъ невозможно даже и въ воображеніи. Никакими усиліями воображенія мы не въ силахъ представить себѣ, чтобы часть была больше своего цѣлаго или чтобы величины, равныя порознь третьей, не были равны между собою. Конечно, не всякому математическое положеніе кажется истиннымъ тотчасъ же, какъ онъ услыхалъ о немъ; но всякій, кому только будетъ доказана его истинность, тотчасъ же пріобрѣтетъ увѣренность, что иначе и быть не можетъ. И онъ уже не въ силахъ вообразить данный фактъ иначе, чѣмъ какъ онъ данъ ему. Итакъ есть истинность дѣйствительности, допускающая себѣ отмѣну (по крайней мѣрѣ въ воображеніи) и есть истинность необходимости, не допускающая никакой отмѣны.

Понятно, что высшая достовѣрность должна принадле-

жать тѣмъ фактамъ, которые входятъ въ область истинности необходимой Поэтому каждая истинная наука должна опираться въ своихъ выводахъ на всеобщія и необходимыя положенія, иначе она не будетъ наукой. Эта мысль была однимъ изъ основныхъ мотивовъ всей критики Канта. Въ своей критикѣ разума Кантъ преслѣдовалъ двѣ задачи: уравнять научную цѣнность математики и естествознанія и отвергнуть всякую цѣнность метафизики, какъ науки. Не касаясь послѣдней задачи, какъ не относящейся въ данномъ случаѣ къ дѣлу, относительно первой мы должны замѣтить, что Кантъ уравнивалъ естествознаніе съ математикой тѣмъ, что одинаково принципами той и другой науки считалъ синтетическія сужденія a priori, т. е всеобщія и необходимыя положенія Но при этомъ Кантъ твердо стоялъ на томъ, что всеобщія и необходимыя истины не могутъ быть результатомъ опыта Эти истины могутъ проистекать только изъ разума и обусловливаются тѣмъ, что представляетъ въ актѣ познанія самодѣятельную сторону нашего мышленія, обусловливаются формами чувственности (пространство и время), категоріями разсудка и идеями разума. Очевидно, однако, что если стать на точку зрѣнія Канта (а она для многихъ еще до сихъ поръ считается за непререкаемую истину), то мы должны внести въ наше мышленіе нѣсколько самостоятельныхъ началъ. на ряду съ ощущеніями, доставляющими матеріалъ познанія, мы должны поставить еще формы чувственности, категоріи разсудка, идеи разума, да кстати прибавить еще и основные законы мышленія. Но такое изобиліе началъ въ актѣ познанія заставляетъ сильно сомнѣваться, чтобы мы стояли на вѣрномъ пути къ пониманію этого акта Ибо пониманіе всегда тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ болѣе въ немъ простоты и единства Это покоится на глубокомъ и естественномъ требованіи нашего разума какъ можно болѣе суживать кругъ необъяснимаго, т. е ни изъ чего невыводимаго, изначальнаго, ибо полнота познанія есть полнота объясненія, а послѣдняя невозможна безъ сведенія различнаго къ единству. Пусть смѣющіеся боги Ницше, качаясь на своихъ сидѣньяхъ,

восклицаютъ: „развѣ не въ томъ божественность, что существуютъ боги, а не богъ"? т. е что существуетъ много началъ, а не единое). Человѣчество всегда имъ отвѣтитъ: нѣтъ, не въ томъ Когда появилось объясненіе движенія небесныхъ свѣтилъ теоріей тяготѣнія, система эпицикловъ и эпициклова прежней теоріи была тотчасъ отвергнута, потому что она ставила массу вопросовъ для разрѣшенія, тогда какъ теорія тяготѣнія, охватывая необыкновенно обширную координацію фактовъ, оставляетъ для разрѣшенія собственно одинъ вопросъ. въ чемъ сущность тяготѣнія? Вотъ почему имѣетъ вполнѣ законное основаніе стремленіе эмпирической школы психологіи и гносеологіи вывести изъ единаго психическаго начала, именно изъ ощущенія, все разнообразіе нашего опыта Нельзя не признать этотъ путь эмпириковъ вполнѣ научнымъ. Они исходятъ изъ безспорнаго, непосредственно даннаго каждому психическаго акта —ощущенія въ его разнообразныхъ видахъ, и отсюда путемъ закономѣрной комбинаціи фактовъ ощущенія — ассоціативной связи ихъ—стараются объяснить все остальное, что входитъ въ содержаніе нашей психической жизни Но, ставши на этотъ путь чистаго эмпиризма, мы, повидимому, попадаемъ въ такое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пріемлемымъ съ точки зрѣнія высшей цѣнности нашего знанія. Въ самомъ дѣлѣ, ощущеніе, изъ котораго эмпиризмъ старается построить всю нашу психическую дѣятельность, есть актъ чисто временный, чисто субъективный, не заключающій въ себѣ ровно никакой всеобщей необходимости, ибо ощущенія подвержены какъ процессу видоизмѣненія въ одномъ и томъ же чувствующемъ субъектѣ, такъ и различію по индивидуальностямъ. Что въ данное время кажется мнѣ малопріятнымъ или даже совсѣмъ непріятнымъ, то въ послѣдующемъ можетъ сдѣлаться безразличнымъ или даже пріятнымъ (горькій вкусъ, напр., горчицы, пива и пр.). Гдѣ я вижу красное, тамъ дру-

---

) Ницше, такъ говорилъ Заратустра, стр. 200, Спб 1907, перев Антоновскаго

гой, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія своего мозга, видитъ зеленое (дальтонизмъ); что одному кажется легкимъ, другому можетъ показаться тяжелымъ и т. д. А между тѣмъ необходимость можетъ мыслиться лишь въ неразрывномъ соединеніи съ понятіемъ постоянства. Очевидно, однако, что если элементъ, изъ котораго эмпиризмъ старается построить весь нашъ опытъ, никоимъ образомъ не связанъ съ понятіемъ всеобщей необходимости и постоянства, то не можетъ быть связано съ этимъ понятіемъ и все, что построяется изъ этого элемента. Слѣдовательно, нѣтъ вѣчной, незыблемой, необходимой истины, все, чего можетъ достигнуть человѣчество, это согласіе признавать нѣчто за истину, которое, будучи подвержено процессу эволюціи, можетъ быть замѣнено когда нибудь другимъ соглашеніемъ, ему противоположнымъ. Однако существованіе въ нашемъ познаніи необходимыхъ истинъ есть такой же безспорный фактъ, какъ и существованіе самыхъ ощущеній. Безспорно также и то, что въ необходимыхъ истинахъ мы видимъ верховный принципъ достовѣрности нашего знанія. Слѣдовательно, если мы согласимся, что необходимыя истины въ сущности есть иллюзія нашего сознанія, то тѣмъ самымъ уничтожимъ вопросъ и о высшей достовѣрности знанія, ибо что это за знаніе, которое въ концѣ концовъ есть лишь горькая иллюзія? Итакъ, если мы желаемъ сохранить за знаніемъ высшую цѣнность, мы должны признать существованіе въ нашемъ познаніи дѣйствительно необходимыхъ или, какъ ихъ иначе называютъ, самоочевидныхъ истинъ. А такъ какъ эти истины, по ученію Канта, не могутъ быть получены изъ ощущеній, то значитъ, по его же мнѣнію, онѣ составляютъ апріорное достояніе нашего сознанія. Но отсюда получается, что мы должны признать для логики многочисленность основныхъ началъ, т. е. значитъ уклониться отъ возможности усвоить логикѣ признакъ научнаго совершенства. Такова дилемма, которая до сихъ поръ раздѣляетъ философовъ на двѣ враждебныя партіи: нативистовъ и генетистовъ. Или путь стремленія къ научному совершенству—и тогда нѣтъ истиннаго знанія, или призна-

ніе апріорнаго происхожденія необходимыхъ истинъ и съ тѣмъ вмѣстѣ высшей цѣнности знанія, но тогда логика не есть наука, которая можетъ претендовать на степень значительнаго совершенства

Нельзя-ли однако поставить вопросъ: всѣ-ли ощущенія безъ исключенія не могутъ имѣть свойства всеобщности и необходимости? Если будетъ доказано, что у насъ есть такія ощущенія, которыя могутъ обладать этими свойствами, то черезъ это открывается возможность выбраться изъ указанной выше дилеммы. Кантъ не сталъ на эту дорогу. Онъ предпочелъ держаться мнѣнія, что ни одно ощущеніе вообще не можетъ претендовать на упомянутыя свойства, характеризующія дѣйствительную цѣнность науки, и что свойства эти слѣдуетъ искать только въ томъ, что составляетъ апріорное достояніе сознанія. Но черезъ это всеобщность и необходимость получаютъ исключительно субъективный характеръ. Тогда выходитъ, что то, что мы называемъ нашимъ опытомъ, нашимъ знаніемъ, образуется изъ приложенія *субъективныхъ формъ* чувственности и разсудка (какъ способовъ объединенія) къ *субъективному же матеріалу* нашего опыта, т. е. ощущеніямъ. Иначе сказать, мы познаемъ только явленія, а не вещи, какъ онѣ пребываютъ сами по себѣ, независимо отъ нашихъ ощущеній и формъ разума. Легко видѣть, что усвоивши эту точку зрѣнія Кенигсбергскаго философа, мы и при допущеніи существованія необходимыхъ истинъ не въ состояніи выбраться изъ оковъ того скептицизма относительно научной цѣнности нашего знанія, къ какому насъ приводитъ и теорія эмпиризма. Кантъ и эмпирики подаютъ здѣсь другъ другу руку. Дѣло въ томъ, что только ощущенія даютъ намъ возможность знать о томъ, что есть нѣчто, стоящее внѣ нашего сознанія, что есть нѣчто, что мы не можемъ брать или отбрасывать по своей волѣ, но что обладаетъ безусловно извѣстной принудительностью для направленія нашей воли. Понятіе же необходимости отожествляется съ понятіемъ истинности. Что необходимо, то истинно безусловно, то имѣетъ высшую цѣну для нашего познанія. Но если не-

обходимость будетъ связана лишь съ субъективной стороной нашего сознанія, то она и будетъ говорить лишь о необходимости опредѣленнаго функціонированія нашего сознанія Эта необходимость не будетъ намъ свидѣтельствовать о необходимости мыслить внѣшнее бытіе подъ опредѣленнымъ атгрибутомъ, слѣдовательно она не дастъ намъ никакого объективнаго познанія, ибо познавать не значитъ только знать, что есть нѣчго, а значитъ мыслить это нѣчто въ какомъ нибудь опредѣленномъ признакѣ. Цѣнность же истиннаго знанія между прочимъ въ томъ и состоитъ, чтобы знать именно объективную истину. Субъективныя истины даны намъ въ изобилии, и весь вопросъ заключается именно въ томъ, какія изъ этихъ субъективныхъ истинъ могутъ имѣть цѣнность объективнаго свидѣтельства, т. е. свидѣтельства о томъ, что стоитъ внѣ субъекта. Если всѣ субъективныя истины безусловно лишены этой возможности, тогда, значитъ, нѣтъ объективнаго знанія. А если нѣтъ объективнаго знанія, тогда нѣтъ существеннаго, абсолютнаго различія между ложью и истиной. Ибо не велика будетъ для насъ выгода въ этомъ отношеніи, если мы будемъ называть истиной то, что отмѣчено общечеловѣческимъ соглашеніемъ, ибо это соглашеніе, покоясь на субъективной основѣ, можетъ легко быть случайнымъ, вызваннымъ опредѣленными эволюціонными условіями, съ уничтоженіемъ или измѣненіемъ которыхъ падетъ и самое это соглашеніе Слѣдовательно, называя что либо истиной, мы въ этомъ случаѣ сознательно дѣлаемъ допущеніе, что эта истина можетъ сдѣлаться когда-либо ложью Мы лишены въ силу этого возможности говорить о безусловной истинѣ Такимъ образомъ мы остаемся все при той же малой цѣнности знанія, какая проистекаетъ и изъ теоріи эмпиризма Мы остаемся все на той же почвѣ скептицизма по отношенію къ цѣнности знанія. А въ такомъ положеніи, конечно, мало утѣшительнаго. Ну что же, скажутъ намъ, бѣда не такъ велика. Вѣдь ни одна теорія познанія отнюдь не измѣняетъ состава и достоинства нашего познанія Науки, какъ прежде, такъ и потомъ, оста-

нутся всѣ тѣ же; о прекращеніи и разрушеніи знанія какой нибудь теоретической рефлексіей о знаніи не можетъ быть и рѣчи. Точно также и значеніе наукъ останется для насъ все тѣмъ же, критика не уменьшаетъ ни практической цѣнности ихъ, ни теоретической *).

Все это прекрасно, но не надо забывать, что голосу науки всегда принадлежитъ рѣшающее, авторитетное значеніе, которое не можетъ не влиять на прогрессъ самой науки. Безъ сомнѣнія, скептическіе выводы критической теоріи познанія не прекратятъ научнаго движенія, но что выводы эти могутъ имѣть отрицательное вліяніе на энергію интеллектуальной силы, отъ которой зависитъ быстрота научнаго прогресса, въ этомъ едва-ли возможно сомнѣваться. Вѣдь успѣшность научнаго движенія обусловливается не одними научными занятіями, вызываемыми иногда опредѣленными практическими потребностями, а главнымъ образомъ той внутренней силой духа, которая заставляетъ человѣка иногда пренебрегать всѣми трудностями, связанными съ служеніемъ наукѣ, чтобы придти къ рѣшенію той или другой научной проблемы. А сила эта черпаетъ свою энергію въ томъ убѣжденіи, что путь науки есть дѣйствительно путь къ истинному знанію. Ибо для человѣка нѣтъ выше идеала, какъ идеалъ абсолютной истины. Nihil est veritatis luce dulcius, говоритъ Цицеронъ. Вѣдь и религія, какая бы она ни была, основываетъ свое достоинство главнымъ образомъ на томъ, что она проповѣдуетъ совершенную истину. Пусть достиженіе этого идеала отодвинуто для человѣчества, быть можетъ, въ безконечную отдаленность, тѣмъ не менѣе убѣжденіе, что путь науки есть дѣйствительно путь къ этому идеалу, что каждый шагъ науки есть для человѣчества шагъ впередъ къ достиженію этого идеала, убѣжденіе это, въ силу величайшей цѣнности самого идеала, естественно вселяетъ мощь въ стремленіе человѣка къ научному познанію. Уничтожьте это убѣжденіе, замѣните его выводомъ, что путь науки есть путь малоцѣннаго знанія, иначе сказать—

*) Паульсенъ, Введеніе въ философію, стр 363

лжи, и вы подрежете крылья научному стремленію человѣчества И едва-ли вѣрнымъ будетъ думать, что такое обстоятельство не отразится отрицательнымъ образомъ на составѣ и качествѣ нашего научнаго познанія! „Вѣдь зачастую", говоритъ Р. Рихтеръ, „какъ разъ наиболѣе одаренные люди, очутившись лицомъ къ лицу съ отчаянной борьбой мнѣній, которая царствуетъ въ настоящій моментъ повсюду и прежде всего въ области самыхъ основныхъ вопросовъ, приходятъ къ сознанію своей полной безпомощности, полнаго краха своихъ познавательныхъ силъ Разъ та конечная цѣль, которая могла бы дать руководительную нить для отдѣльныхъ жизненныхъ задачъ, отсутствуетъ, ибо кажется недостижимой, воля не приводится уже болѣе въ дѣйствіе никакими высшими побужденіями, способными заслужить одобреніе разума Разумъ не можетъ дать волѣ ни одного мотива, не можетъ санкціонировать того чувства удовольствія, которое заставляетъ человѣка чего либо достигать или вѣнчаетъ собою достигнутый результатъ Такъ возникаетъ на почвѣ глубокаго скептицизма та безконечная угнетенность и духовная изломанность, которая въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ наблюдается среди молодежи европейскихъ культурныхъ народовъ") Вотъ вѣрная характеристика пагубнаго вліянія скептицизма на жизнь вообще и отсюда на прогрессъ науки въ частности, ибо „безнадежная угнетенность" и „духовная изломанность", конечно, плохіе помощники научному стремленію Итакъ, если наука способна обусловливать подъемъ интеллектуальныхъ силъ человѣчества, то можетъ ли она укрониться отъ этой задачи? Слѣдовательно, если та наука, которая ставитъ своей задачей опредѣлить цѣнность нашего познанія вообще, приходитъ къ выводамъ, способнымъ не вдохновить человѣка, а безнадежно опустить руки, то развѣ не ясно, что въ наукѣ этой есть какой-то недостатокъ, есть что-то неправильное, требующее пересмотра и исправленія? Какъ бы то ни было, но мысль, что для философіи необходимо обновленіе, соста-

*) Р. Рихтеръ, Скептицизмъ въ философіи, т I стр 31—35

влечетъ далеко не рѣдкость въ современной философской литературѣ [1]. Да и въ чемъ существенный жизненный нервъ всѣхъ этихъ развѣтвленій неопозитивизма, въ родѣ эмпріокритицизма, имманентной школы и пр., какъ не въ стремленіи выбраться изъ подъ власти убійственнаго для познанія кошмара, что „міръ есть мое представленіе"? Развѣ не жажда истиннаго познанія сказывается хоть въ слѣдующей тирадѣ одного изъ видныхъ представителей неопозитивизма—Іосифа Петцольда, которой онъ начинаетъ свое „Введеніе въ философію чистаго опыта"? „Вотъ уже болѣе ста лѣтъ", говоритъ онъ, „какъ среди философовъ господствуетъ ученіе, въ которомъ первоначальная цѣль нашей воли къ познанію скрыта непроницаемой тьмой и которое желало бы, поэтому, воспитать изъ человѣка—съ его неистребимымъ стремленіемъ къ истинѣ—существо, полное отреченія. Міръ и мышленіе раздѣлены непроницаемой стѣной, ибо міръ, который я знаю, есть лишь мое представленіе, а дѣйствительный міръ непознаваемъ" [**]. И вотъ спасеніе для человѣка, чтобы не превратиться въ существо, полное отреченія, дается, по словамъ того же Петцольда, именно неопозитивизмомъ. Ибо, по его словамъ, въ итогѣ огромной умственной работы, произведенной независимо другъ отъ друга Вильгельмомъ Шуппе, Махомъ и Авенаріусомъ „открылась ошибочность того мнѣнія, будто послѣднее данное является по своей сущности только фактомъ сознанія, будто міръ, который мы знаемъ—это только наше представленіе" [***]. Однако, если мы приглядимся къ тому, какой цѣной получается эмпріокритиками и имманентами это освобожденіе познанія изъ подъ кошмара феноменализма, то должны будемъ признать, что въ данномъ случаѣ и тѣ и

---

[1]) Объ этомъ обновленіи мечтаетъ, напр., Джемсъ, не такъ давно окончившій проф. Гарвардскаго университета въ Америкѣ (см. Прагматизмъ, стр. 11), объ этомъ обновленіи говоритъ и проф. Лопатинъ (см. Вопросы философіи и психологіи, кн. 103, стр. 305).

[**]) І. Петцольдъ, Введеніе въ философію чистаго опыта, стр. 13.

[***]) І. Петцольдъ, Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма, стр. 31.

другіе не стоятъ на пути строгой науки Ибо истинная наука никогда не позволяетъ себѣ закрывать глаза на факты. Ея задача—координація фактовъ, согласованіе стараго съ новымъ Простое непосредственное наблюденіе каждаго человѣка говоритъ, напр, ему, что солнце движется по небу. Но развитіе знанія потребовало координаціи этого наблюденія съ массой тѣхъ фактовъ, которые ему противорѣчили. И вотъ наука, приведя въ соглашеніе и то и другое, даетъ намъ объясненіе, какъ слѣдуетъ понимать этотъ фактъ движенія солнца по небу, фактъ непосредственнаго созерцанія. Наука не выбросила, да и не могла выбросить этого факта изъ опыта (т. е не могла заставить людей иначе созерцать въ опытѣ взаимныя отношенія въ движеніяхъ земли и солнца), но она дала этому факту опредѣленное объясненіе И въ гносеологіи мы не должны отворачиваться отъ того, что представляетъ въ ней ея естественныя фактическія предпосылки. Такой предпосылкой является, напр, фактъ существеннаго различія между вещью и представленіемъ Этотъ фактъ настолько твердо установленъ и непосредственнымъ сознаніемъ и научными данными, что отвергать его было бы очень страннымъ. Этотъ фактъ былъ исходнымъ пунктомъ и гносеологіи Канта Только Кантъ всю тяжесть познанія перенесъ на представленія, а вещь, въ качествѣ „вещи въ себѣ“, оставилъ внѣ сферы познанія. А черезъ это Кантъ отрѣзалъ путь къ познанію объективной истины Чтобы вернуть философію на этотъ путь, надо уничтожить непознаваемость „вещи въ себѣ“ или, лучше сказать, уничтожить различіе между феноменомъ и нуменомъ Эмпріокритики и имманенты съ восторгомъ говорятъ, что они это и сдѣлали Но какъ рѣшили они эту задачу? Она рѣшена ими не путемъ объясненія того, какимъ образомъ, признавая фактъ различія между вещью и представленіемъ, можно приходить къ истинному объективному познанію, а путемъ простого отрицанія самаго факта этого различія Понятіе о вещи въ себѣ, говорятъ они, потому уже не можетъ имѣть какого либо разумнаго смысла, что нѣтъ никакого различія

между предметами и сознаніемъ) Слѣдовательно, нѣтъ бытія безъ сознанія, нѣтъ сознанія безъ бытія' Быть можетъ, впрочемъ, такое утвержденіе дѣлается имманентами и эмпиріокритиками въ силу какихъ нибудь фактическихъ основаній, быть можетъ потому, напр, что имъ удалось установить, какимъ образомъ физическія условія цвѣтовыхъ ощущеній превращаются въ самыя эти ощущенія и такимъ образомъ доказать субстанціональную тожественность того и другого процесса? О нѣтъ, ничего подобнаго Утвержденіе о тожествѣ вещи и сознанія дѣлается ими просто какъ метафизическое преодолѣніе разумомъ того различія между предметомъ и мыслью, между вещью и представленіемъ, которое будто бы лишь *кажется* различіемъ для обыкновеннаго воспріятія Это все та же метафизика на манеръ Гегеля, который тоже преодолѣвалъ разумомъ противоположность между природой и духомъ, не имѣя для этого никакихъ основаній кромѣ того предположенія, что въ раскрытіи діалектическаго развитія мысли долженъ скрываться ключъ къ истинному міропониманію) Но всякое утвержденіе безъ очевидныхъ фактическихъ основаній, т. е. всякая гипотеза можетъ имѣть цѣну лишь въ томъ случаѣ если она, разрѣшая существующія недоразумѣнія, сама не ведетъ къ новымъ несообразностямъ. Увы, идея о тожествѣ объективнаго бытія и сознанія не можетъ похвалиться этимъ качествомъ Эта идея порождаетъ одну колоссальную не-

---

*) „Міръ есть сознаніе; онъ не продуцируется и не создается сознаніемъ, но именно есть сознаніе, послѣднее не противостоитъ своему субъекту, какъ отъ него независимый и въ свою очередь объективный процессъ, какъ самостоятельная дѣятельность и ея сущность образуетъ съ нимъ неразрывное цѣлое Все есть сознаніе и сознаніе есть все Объектъ есть не что иное, какъ сконцентрированное, сгущенное до конкретности, до опредѣленности сознаніе" (Вопросы философіи и психологіи, кн 100 Статья Ланца „Вильгельмъ Шуппе и идея универсальнаго имманентизма", стр 761, 769, 775)

**) Вундтъ въ своей статьѣ „О наивномъ и критическомъ реализмѣ" называетъ имманентную философію „старымъ онтологизмомъ на выворотъ". См статью Эрна: „Беркли, какъ родоначальникъ соврем. имманентизма" Вопр. фил. и псих. кн 103, стр 436.

лѣность. Въ самомъ дѣлѣ, если объективное бытіе и сознаніе тожественны, то, слѣдовательно, одно полагается вмѣстѣ съ другимъ, и такимъ образомъ отсутствіе сознанія обусловливаетъ и отсутствіе предмета Выходитъ, что предметы существуютъ лишь по столько, по сколько существуетъ сознаніе, которое ихъ мыслитъ. Выходитъ, что если на землѣ прекратится всякая жизнь—а въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго—прекратится и бытіе земли, ибо кто ее будетъ мыслить? Оказывается далѣе, что когда земля находилась въ раскаленномъ состояніи (согласно теоріи эволюціоннаго происхожденія міра), то она и не существовала, ибо кто ее тогда мыслилъ? Чтобы избавиться отъ этихъ нелѣпыхъ выводовъ, имманенты и эмпріокритики начинаютъ выдвигать гипотезы о родовомъ сознаніи, о потенціональномъ центральномъ членѣ координаціи и т п. Ясно, однако, велико-ли можетъ быть достоинство гипотезы, если для устраненія вызываемыхъ ею противорѣчій надо прибѣгать къ новымъ еще болѣе нелѣпымъ гипотезамъ! Таково со стороны имманентной школы и эмпріокритизма рѣшеніе задачи объ устраненіи изъ нашего мышленія „вещи въ себѣ“ и въ силу этого объ избавленіи познанія отъ подтачивающаго его скептицизма) Итакъ что же, скажутъ намъ, значитъ дѣленіе на феномены и нумены не устранимо изъ нашего мышленія, значитъ человѣкъ осужденъ вѣчно познавать лишь одни явленія, т. е. тѣ ширмы, которыя скрываютъ отъ насъ истину? Нѣтъ, мы этого не думаемъ Мы полагаемъ, что вопросъ объ истинномъ объективномъ познаніи можетъ быть рѣшенъ въ строго научномъ духѣ. Для этого надо вспомнить прекрасный совѣтъ почтеннаго проф. Лопатина: впередъ отъ Канта! Въ самомъ дѣлѣ, только исходя изъ тѣхъ же предпосылокъ, изъ которыхъ исходилъ и

*) Малоудачную, по нашему мнѣнію, попытку оправдать основной тезисъ имманентной школы о тожествѣ объективнаго бытія и сознанія предпринялъ и Лосскій въ своемъ сочиненіи „Обоснованіе интуитивизма“ Мысли свои по этому вопросу онъ повторилъ и въ своемъ „Введеніи въ философію“, ч I

Кантъ въ своей гносеологіи (по крайней мѣрѣ мы такъ понимаемъ выраженіе: впередъ отъ Канта), можно оставаться въ данномъ вопросѣ на почвѣ строгой науки, т. е. на почвѣ неоспоримыхъ и ясныхъ фактовъ Такими предпосылками были для Канта факты существеннаго различія между объектомъ и субъектомъ, т. е вещью и представленіемъ, и фактъ существованія необходимыхъ истинъ въ содержаніи нашего сознанія Только опираясь на эти предпосылки можно не покидать почву строго-научнаго изслѣдованія проблемъ гносеологіи. Ибо въ силу современнаго состоянія нашихъ научныхъ познаній, мы не можемъ не смотрѣть на эти предпосылки какъ на непререкаемые факты. Изъ предпосылки о коренномъ различіи между вещью и представленіемъ возникаетъ проблема: какъ возможно объективное познаніе? Изъ предпосылки о существованіи въ нашемъ сознаніи необходимыхъ истинъ возникаетъ вопросъ: какъ объяснить это существованіе? Рѣшеніе этихъ проблемъ, какъ оно сдѣлано Кантомъ, приводитъ къ скептицизму въ области познанія Благодаря Канту, мы теряемъ возможность познать объективную истину. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, нельзя-ли эти проблемы рѣшить нѣсколько иначе, чѣмъ какъ это мы видимъ у Канта, и такимъ образомъ сдѣлать попытку хоть немного пріоткрыть великую книгу истины, которую захлопнула его критика. Мы, разумѣется, понимаемъ всю трудность и обширность подобной задачи, но мы и не беремся за ея полное разрѣшеніе То, что мы здѣсь излагаемъ, есть лишь слабые штрихи той работы, которая можетъ, какъ мы думаемъ, развиться въ широкую и солидную систему.

Единство исходнаго начала составляетъ, какъ было уже объ этомъ замѣчено выше, одинъ изъ отличительныхъ признаковъ научнаго совершенства Поэтому и въ гносеологіи, если мы хотимъ оставаться вѣрными этому требованію, мы должны выходить изъ одного основного принципа Такой принципъ былъ указанъ нами въ самомъ началѣ нашей книги Это—сознаніе Вся гносеологія должна строиться, исходя изъ того, что́ намъ положительно извѣстно о со-

знаніи въ качествѣ его главныхъ и несомнѣнныхъ признаковъ. Мы не знаемъ природы нашего сознанія; наши теперешнія научныя свѣдѣнія не даютъ намъ ключа къ рѣшенію вопроса о его сущности и природѣ Мы знаемъ только фактъ существеннаго различія между вещью и представленіемъ и мы должны неизбѣжно опираться на него, если въ своихъ гносеологическихъ изысканіяхъ не хотимъ бросаться въ объятія метафизики, какъ это сдѣлала имманентная школа. Затѣмъ намъ положительно извѣстно, что сознаніе есть показатель жизни, ибо гдѣ есть сознаніе, тамъ есть и жизнь. Слѣдовательно, намъ безспорно извѣстно, что сознаніе есть жизнь. Извѣстно намъ также, какъ тоже безспорный фактъ, что сознаніе невозможно безъ различенія. Если нѣтъ различенія, нѣтъ и сознанія. Но фактъ необходимости различенія, какъ условія для проявленія сознанія, ведетъ къ констатированію другого факта, представляющаго величайшую важность въ гносеологіи Различеніе можетъ быть двоякимъ: оно можетъ касаться лишь чисто субъективныхъ представленій, въ родѣ удовольствія и неудовольствія, голода или жажды и т п, и можетъ касаться вещей, предметовъ, т. е. быть различеніемъ объективнымъ. И вотъ относительно послѣдняго мы должны тоже принять, какъ очевидный фактъ, что объективное различеніе невозможно безъ *пространства.* Различать предметы мы можемъ *только въ пространствѣ,* оно есть необходимое условіе для ихъ различенія Отсюда понятна вся важность, въ гносеологическомъ отношеніи, воспріятія пространства. „Если бы я сказалъ, такъ начинаетъ г. Челпановъ свое изслѣдованіе о воспріятіи пространства, что проблема воспріятія пространства одна изъ самыхъ главныхъ въ современной философіи, то я едва-ли бы былъ далекъ отъ истины. Самые основные вопросы теоріи познанія въ послѣднее время вращались около вопроса о природѣ пространства [*]). Къ числу основныхъ вопросовъ философіи принадлежитъ и вопросъ о пространствѣ“ [**]). Что объективное

[*]) Челпановъ, Проблема воспріятія пространства, ч. I V.

[**]) ib ч 2, стр 1

различеніе невозможно безъ воспріятія пространства, это непреложный фактъ нашего сознанія Весь вопросъ въ томъ, есть-ли это фактъ изначальный или продуктъ эволюціи нашего сознанія Отъ того или другого рѣшенія этого вопроса будетъ, конечно, зависѣть большая или меньшая гносеологическая важность воспріятія пространства

Воспріятіе пространства заключаетъ въ себѣ два момента: мы не иначе воспринимаемъ предметы, какъ протяженными, и не иначе, какъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Требуется теперь рѣшить, есть-ли эти моменты нѣчто изначально данное, подобное самимъ ощущеніямъ, т. е. какъ бы тоже ощущенія своего рода, или это продуктъ сліянія или своеобразнаго синтеза ощущеній, не имѣющихъ сами по себѣ ничего пространственнаго? Мы не можемъ, конечно, входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, какъ онъ рѣшается генетической и нативистической школой психологіи, и желающихъ познакомиться съ нимъ отсылаемъ къ превосходному, сейчасъ цитованному изслѣдованію г. Челпанова Въ нашихъ видахъ, впрочемъ, необходимо хотя вкратцѣ разсмотрѣть здѣсь, можетъ-ли этотъ вопросъ получить удовлетворительное разрѣшеніе съ генетической точки зрѣнія. Замѣтимъ прежде всего, что ощущенія наши по отношенію къ пространству можно раздѣлить на ощущенія съ полнымъ пространственнымъ воспріятіемъ и на ощущенія съ неполнымъ воспріятіемъ пространства. Ощущенія перваго рода характеризуются тѣмъ, что не только локализуются въ пространствѣ, но и включаютъ въ себя воспріятіе опредѣленной протяженности; ощущенія же второго рода только локализуются, но не связаны съ воспріятіемъ протяженности. Къ первому роду относятся ощущенія зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства, а ко второму—ощущенія слуха, обоняніе, вкуса и всѣ ощущенія, связанныя съ состояніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ тѣла) Спрашивается те-

) Иногда, впрочемъ, находятъ возможнымъ и ощущеніямъ слуха приписывать свойство протяженности (Гербартіанцы, Джемсъ) Но Гербартіанцы, находя, что ряды тоновъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ

перь, какъ объяснить воспріятіе протяженности? По теоріи генетистовъ протяженность должна возникать изъ ощущеній, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакой протяженности и могутъ располагаться лишь послѣдовательно въ видѣ временнаго ряда. По ихъ предположенію для этого требуется лишь опредѣленная быстрота послѣдовательности ощущеній. Но намъ извѣстно изъ опыта относительно ощущеній звука, что какъ бы ни была быстра послѣдовательная смѣна тоновъ, мы никогда не приходимъ къ пространственному созерцанію ихъ, а постоянно остаемся въ той же области звуковыхъ ощущеній. Почему же, спрашивается, непространственныя свѣтовыя ощущенія при томъ же условіи, т. е. при извѣстной быстротѣ смѣны, должны восприниматься въ формѣ не временнаго, а пространственнаго порядка? Прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ было бы, конечно, признаніе того факта, что зрительныя ощущенія не иначе могутъ восприниматься, какъ въ формѣ протяженности, что пространственность есть такимъ образомъ необходимая сторона въ воспріятіи зрительныхъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, зрительныя ощущенія неразрывно соединены съ воспріятіемъ протяженности. Какъ бы мало ни было, напр., свѣтовое ощущеніе, но оно во всякомъ слу-

---

могутъ, будто-бы, принимать форму пространственнаго порядка, въ то же время спѣшатъ замѣтить, что подобное пространство, конечно, не есть пространство внѣшняго міра, и этимъ сами опровергаютъ всю свою теорію (См. Челпановъ, Проблема воспр. простр.: ч. I. стр. 19). Что же касается мнѣнія Джемса, то усматривая въ свойствѣ объемности нѣкоторыхъ звуковыхъ ощущеній способность этихъ ощущеній восприниматься съ большей или меньшей степенью пространственности, Джемсъ, кажется, упустилъ изъ виду, что кажущаяся объемность такихъ громкихъ звуковъ, какъ грохотъ грома, пушечный выстрѣлъ или звонъ колокола, объясняется скорѣе ассоціаціей интенсивности этихъ звуковъ съ представленіемъ о томъ, что звуки эти должны заразъ слышаться многими людьми, а потому имъ и слѣдуетъ распространяться на огромное пространство по всѣмъ радіусамъ своей окружности. Уничтожьте это представленіе—и пропадетъ всякая идея объемности указанныхъ звуковыхъ ощущеній и останутся ихъ только качественная и интенсивная стороны.

чаѣ воспринимается какъ точка, т. е какъ нѣчто пространственное Слѣдовательно, если данъ рядъ протяженныхъ точекъ, то воспріятіе протяженности линіи и поверхности объясняется само собою Но генегисты не довольствуются такимъ отвѣтомъ. Имъ во что бы то ни стало желательно доказать, какъ изъ того, что само по себѣ, по своей природѣ, непространственно, получается нѣчто, имѣющее протяженіе И вотъ начинаются дальнѣйшія гипотезы. Пространственное воспріятіе является-де въ данномъ случаѣ результатомъ того, что рядъ послѣдовательныхъ зрительныхъ ощущеній сопровождается рядомъ мускульныхъ ощущеній воспринимающаго органа (глаза), обладающихъ непрерывною градированностью въ ихъ смѣнѣ, и затѣмъ въ силу того, что тѣ и другіе ряды въ быстрой послѣдовательности могутъ восприниматься въ прямомъ и обратномъ порядкѣ То, что воспринимается лишь въ одномъ прямомъ порядкѣ, относится къ временному воспріятію, а что воспринимается почти одновременно какъ въ прямомъ, такъ и обратномъ порядкѣ, созерцается - де какъ протяженность Надо - ли говорить, что всѣ подобныя гипотезы мало помогаютъ дѣлу. То что къ ряду зрительныхъ ощущеній присоединится рядъ мускульныхъ ощущеній, тоже непространственныхъ, можетъ лишь усложнить данный непространственный рядъ, но ни откуда не видно, чтобы это обстоятельство могло превратить послѣдовательность въ протяженность Что же касается до непрерывной градированности въ смѣнѣ мускульныхъ ощущеній, то вѣдь это въ сущности не что иное, какъ та же быстрота въ смѣнѣ послѣдовательныхъ ощущеній. А мы уже сказали, что самый опытъ учитъ насъ, что какъ бы ни была велика быстрота смѣны непространственныхъ ощущеній, ощущенія эти, какъ это мы видѣли на примѣрѣ звуковъ, никогда не воспринимаются какъ нѣчто пространственное То же самое должно замѣтить и объ особенности воспріятія послѣдовательныхъ ощущеній одновременно въ прямомъ и обратномъ порядкѣ Тотъ же опытъ даетъ намъ указаніе, что какъ бы быстро ни слѣдовала одновременно

воспринимаемая смѣна однихъ и тѣхъ же тоновъ въ прямомъ и обратномъ порядкѣ (напр., если на двухъ, совершенно одинаково настроенныхъ и одной и той же конструкціи роялях одна и та же гамма одновременно и притомъ praestissimo играется въ дискантовомъ ключѣ на одномъ роялѣ отъ *do* выше третьей къ *do* на седьмой, а на другомъ обратно), мы никогда не дойдемъ до того, чтобы тоны эти воспринимались какъ нѣчто пространственное получится все таки звукъ, а не протяженная линія. Впрочемъ у гинетистовъ есть еще гипотезы относительно производности воспріятія пространства. Быть можетъ, протяженность, полагаютъ они, является результатомъ психическаго синтеза ощущеній, самихъ по себѣ непространственныхъ. Факты говорятъ-де, что психическій синтезъ вообще существуетъ. Соединеніе двухъ цвѣтовыхъ ощущеній даетъ впечатлѣніе третьяго цвѣта, отличнаго отъ того и другого, быстрая смѣна двухъ простыхъ звуковъ образуетъ впечатлѣніе музыкальнаго тона Но увы, тѣ же самые факты говорятъ намъ, что при синтезѣ отдѣльныхъ ощущеній мы не выходимъ изъ границы того круга ощущеній, къ которому относятся слившіеся элементы. Два цвѣта порождаютъ цвѣтъ, же, быстрая смѣна простыхъ звуковъ производитъ звукъ же, хотя и музыкальный. Кромѣ того въ этихъ сліяніяхъ цвѣтовъ или звуковъ мы знаемъ, что именно подвержно сліянію, знаемъ самые элементы сліянія. Совершенно не то мы встрѣчаемъ въ томъ психическомъ синтезѣ, которымъ должна быть объяснена производность протяженности. Мы не знаемъ, да и представить себѣ не можемъ, что это за цвѣтовое или осязательное ощущеніе, лишенное элемента протяженности. Слѣдовательно, если мы говоримъ здѣсь о синтезѣ, то о синтезѣ чего-то такого, что намъ совершенно неизвѣстно и чего мы себѣ даже и представить не въ состояніи При этомъ условіи ссылка на филогенезисъ, которымъ нѣкоторые, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ, думаютъ помочь теоріи производности, теряетъ всякое право на логическую значимость Въ самомъ дѣлѣ, чтобы эта ссылка имѣла какое либо доказательное значеніе, надо сначала

твердо установить, что для родового опыта возможенъ синтезъ того, что впослѣдствіи оказывается индивидуально непредставимымъ, что самая эта непредставимость есть лишь результатъ родового опыта. А что мы можемъ найти въ доказательство подобнаго утвержденія? Можетъ ли филогенезисъ быть тѣмъ мостомъ, которымъ можно было бы связать два противорѣчивыхъ понятія, не нарушая самостоятельности ни того, ни другого? Вѣдь протяженность и непротяженность стоятъ въ такомъ абсолютномъ противорѣчіи другъ къ другу, что мы опять таки не можемъ себѣ и представить, чтобы между ними возможно было причинное отношеніе, которое требуется теоріей производности Немного даже страннымъ кажется, что потрачено столько усилій, чтобы разрѣшить вопросъ, который по самому существу своему не можетъ подлежать разрѣшенію, подобно вопросу о вліяніи непротяженной души на пространственное тѣло

Посмотримъ теперь, какъ генетическая школа объясняетъ воспріятіе разстоянія. По мнѣнію Милля, если даны два премета А и В, которые мы воспринимаемъ одновременно, то воспріятіе разстоянія между ними пріобрѣтается прежде всего посредствомъ мускульнаго чувства, когда мы двигаемъ, напр, рукой въ продольномъ направленіи отъ А къ В. Даже, по мнѣнію Милля, это мускульное чувство и есть для насъ само пространство, ни болѣе, ни менѣе [1]) Однако Милль согласенъ, что одно мускульное чувство, давая лишь рядъ непротяженныхъ ощущеній, не можетъ внушить идею протяженности. Для этого требуется участіе зрительнаго опыта, который то, что познается первоначально лишь чрезъ мускульное чувство, превращаетъ въ картину глаза, содержащую большое число частей протяженности заразъ или въ такой быстрой послѣдовательности, что наше созна-

---

[1]) „Мы не имѣемъ причины полагать, говоритъ Милль, что пространство или протяженіе въ себѣ есть что-то разнящееся отъ того, что мы распознаемъ помощью этой промежуточной серіи мышечныхъ ощущеній". См. Обзоръ философіи В Гамильтона, стр. 217 СПБ. 1869 г

ніе смѣшиваетъ ее съ одновременностью. „Гдѣ дѣло идетъ, говоритъ Гуссерль, о принципіальныхъ основахъ его (Милля) эмпиристическихъ предразсудковъ, столь проницательный въ другихъ случаяхъ Милль какъ бы покинутъ всѣми богами". *) Это остроумное замѣчаніе Гуссерля вполнѣ примѣнимо и къприведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ Милля. Прежде всего поражаетъ нелѣпостью утвержденіе, что мускульное чувство, посредствомъ котораго пріобрѣтается нами воспріятіе разстоянія между двумя одновременнно данными предметами, и есть для насъ само это пространство, раздѣляющее предметы Милль забываетъ, что одинъ и тотъ же рядъ мускульныхъ усилій можетъ или завершаться достиженіемъ требуемаго предмета или не заканчиваться этимъ достиженіемъ (если, напр, мы будемъ бѣжать, будучи привязаны канатомъ къ какому нибудь неподвижному предмету). Очевидно что, въ томъ или другомъ случаѣ мы будемъ имѣть не одно и тоже воспріятіе Въ первомъ случаѣ къ ряду мускульныхъ усилій присоединится сознаніе того, что этими усиліями преодолѣно нѣчто, что препятствуетъ намъ прямо, безъ этихъ мускульныхъ усилій, схватить данный предметъ, преодолѣна нѣкоторая среда между нами и этимъ предметомъ; во второмъ же случаѣ, т. е. когда бѣжимъ на привязи, мы сознаемъ, что наши усилія направлены не на преодолѣніе этой среды, а предварительно на преодолѣніе того, что препятствуетъ намъ пройти эту среду. И такъ какъ послѣднее можетъ не осуществиться, то значитъ среда не будетъ преодолѣна и предметъ не будетъ достигнутъ. Отсюда ясно, что то, что преодолѣвается мускульными усиліями, не можетъ быть тожественно съ этими усиліями, иначе предметъ достигался бы всегда, какъ только было бы произведено опредѣленное количество этихъ усилій. И для слѣпорожденнаго, который лишенъ воспріятія нашего зрительнаго пространства, тѣмъ не менѣе должно существовать различіе въ воспріятіи времени,

*) Логическія изслѣдованія, ч I стр 66

именно—когда теченіе времени воспринимается пассивно (напр, при счетѣ тиканья часовъ) и когда оно воспринимается при активномъ движеніи (напр чтобы дойти до извѣстнаго пункта) И у слѣпорожденнаго въ послѣднемъ случаѣ должна образоваться идея, что, двигаясь въ извѣстномъ направленіи, онъ преодолѣваетъ что-то такое, безъ преодолѣнія чего ему никогда не достигнуть желаемаго предмета Слѣдовательно и у зрячаго и у слѣпого мускульное чувство одинаково ведетъ къ образованію идеи о чемъ-то такомъ, что слѣдуетъ преодолѣть большими или меньшими мускульными усиліями, чтобы достигнуть того или другого предмета Такимъ образомъ мускульное чувство не есть само пространство, а лишь открываетъ пространство и зрячему и слѣпому Что же касается до участія зрительнаго опыта въ образованіи воспріятія пространства, то мы видѣли уже, что быстрота въ смѣнѣ мускульныхъ ощущеній, самихъ по себѣ не пространственныхъ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ образованію пространственныхъ воспріятій Если же допустить, что глазъ и безъ мускульныхъ движеній—можетъ созерцать картину пространства, то это будетъ равносильно отказу отъ генетической теоріи пространственнаго воспріятія и согласіе съ доктриной нативизма

Итакъ, генетическая теорія воспріятія пространства безсильна доказать производность этого воспріятія изъ непространственныхъ ощущеній Слѣдовательно, воспріятіе пространства не есть продуктъ эволюціи нашего сознанія, а есть фактъ изначальный въ процессѣ сознаванія Это же обстоятельство даетъ намъ безспорное право утверждать, что пространство есть необходимое и при томъ самостоятельное условіе объективнаго различенія Ибо если бы воспріятіе пространства являлось результатомъ синтеза непространственныхъ ощущеній, то, очевидно, не было бы и рѣчи о непремѣнномъ и при томъ объективномъ участіи этого воспріятія въ процессѣ познаванія: воспріятіе пространства свелось бы на такую же чисто субъективную почву,

на какой стоятъ и всѣ наши символическія ощущенія. Кантъ нашелъ бы здѣсь себѣ могучаго союзника.

Теперь дѣлается ясной и гносеологическая роль воспріятія пространства Если все наше познаніе имѣетъ исходнымъ пунктомъ сознаніе (ибо познаніе въ его процессѣ развитія есть не что иное какъ разширеніе содержанія сознанія), если затѣмъ сознаніе невозможно безъ различенія, а различеніе невозможно безъ пространства, то ясно, что въ воспріятіи пространства должны корениться всѣ начала, которыми нормируется наше мышленіе По крайней мѣрѣ мысль о такомъ доминирующемъ въ гносеологіи воспріятія пространства перестаетъ въ наукѣ казаться чѣмъ-то страннымъ и непріемлемымъ Такъ, напр, г Лапшинъ утверждаетъ, что если весь матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ наше мышленіе, сознается протяженнымъ, то и верховные законы нашего мышленія опираются на пространственный синтезъ). Къ сожалѣнію, г Лапшинъ не захотѣлъ воспользоваться этой вполнѣ вѣрной мыслью, чтобы попытаться усвоить гносеологіи и логикѣ тотъ характеръ единства объясненія изъ одного основнаго принципа, который составляетъ, какъ мы выше говорили, отличительный признакъ болѣе или менѣе усовершенствованной науки. Г. Лапшинъ предпочелъ остаться при системѣ энцикловъ и эпицикловъ, т. е. при системѣ многихъ основныхъ началъ, которыми объясняется процессъ познанія Законы мышленія, категоріи, формы интуиціи (пространство и время) и наконецъ ощущенія— вотъ четыре основныхъ независимыхъ, по его мнѣнію, элемента, которыми создается каждый актъ нашего познанія. Но согласиться въ данномъ случаѣ съ г. Лапшинымъ значитъ признать, что мы стоимъ передъ такимъ количествомъ необъяснимаго, которое никакъ нельзя считать за характеръ истинно научнаго пониманія. Итакъ, нельзя-ли попытаться сократить это число независимыхъ изначальныхъ элементовъ, нельзя-ли ограничиться двумя

) Лапшинъ, Законы мышленія и формы познанія, СПБ 1906 г. стр 97.

изъ нихъ, а остальные поставить въ генетическую связь съ ними Сообразно основной предпосылкѣ гносеологии о существенномъ различіи между объектомъ и представленіемъ, мы думаемъ, что за независимые изначальные элементы процесса познанія надо взять лишь ощущенія и формы интуиции Что же касается до законовъ мышленія и категорій, то первые мы ставимъ въ генетическую зависимость отъ формъ интуиции а вторые—въ такую же зависимость отъ ощущеній

Посмотримъ же, какимъ образомъ законы мышленія могутъ имѣть свой корень въ интуиціи пространства и времени.

Мы знаемъ, что сознаніе есть жизнь, а жизнь есть стремленіе къ самосохраненію, стремленіе же это влечетъ за собой въ надѣленномъ сознаніемъ организмѣ развитіе опредѣленной дѣятельности Но никакая цѣлесообразная дѣятельность не была бы возможна, если бы явленія не были подчинены закону повторяемости Представьте себѣ, что предметъ А во второй моментъ превратился бы въ совершенно отличное отъ него В, въ третій—въ С и т д. до безконечности Очевидно, что и отвѣчающія дѣйствія организма были бы тоже совершенно различныя другъ отъ друга а, в, с и т д А это значило бы, что организмъ никогда не могъ бы приспособиться къ средѣ, не могъ бы ни обладать добычей, ни воспользоваться какимъ либо предметомъ. А между тѣмъ и то и другое есть вопросъ жизни для организма Итакъ законъ повторяемости явленій необходимъ для жизни А такъ какъ верховный законъ жизни (ибо сознаніе есть жизнь) есть законъ объективнаго различенія, т е различенія въ пространствѣ, то слѣдовательно законъ повторяемости долженъ быть самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ закономъ различенія: мы можемъ различать въ пространствѣ не иначе какъ при условіи повторяемости явленій Это значитъ, что ни пребываніе предмета въ одномъ и томъ же пунктѣ пространства, ни перемѣщеніе его въ пространствѣ не дѣлаютъ предметъ инымъ чѣмъ онъ есть, что предметъ остается для насъ тѣмъ же самымъ, сколько бы времени онъ ни находился въ одномъ

и томъ же мѣстѣ и какъ бы далеко онъ ни двигался въ пространствѣ. Иначе сказать, ни пространство, ни время сами по себѣ не имѣютъ никакого вліянія на измѣненіе предмета Будь дѣло поставлено иначе, т. е. если бы послѣ каждаго момента—или пребыванія въ одномъ пунктѣ пространства или движенія въ пространствѣ—предметъ постоянно превращался въ нѣчто совершенно иное, невозможна была бы никакая дѣятельность организма Да вѣдь и организмъ, какъ тоже вещь между другими вещами, и онъ превращался бы тогда ежеминутно все въ новыя и новыя совершенно различныя формы Тогда существовали бы два параллельныхъ ряда превращеній объекта и субъекта, и не могло бы быть и рѣчи о какой либо связи взаимодѣйствія между ними Связь эта является возможной потому-что, наблюдая предметы, субъектъ сознаетъ и себя (свое тѣло) и предметы тѣми же самыми, въ какомъ бы пунктѣ пространства они ни очутились Вотъ начало закона тожества! Не въ „тожественности нашего сознанія въ каждый моментъ мысли“ надо и сказать коренное условіе для понятія тожества, какъ это иногда утверждается [*]), а именно въ этой тѣсной связи пространственнаго воспріятія съ закономъ повторяемости явленій Много-ли бы помогла намъ эта тожественность сознанія, если бы предметъ, а въ томъ числѣ и наше тѣло, пребывая-ли въ опредѣленномъ пунктѣ пространства или двигаясь въ пространствѣ, ежеминутно подвергался бы существеннымъ превращеніямъ? Когда же предметомъ мышленія начинаютъ дѣлаться не только конкретныя представленія, но и абстрактныя понятія, субъектъ не имѣетъ никакого побужденія и эти предметы своего мышленія не считать тожественными. Ибо каждое абстрактное понятіе отвлечено отъ того, тожество чего въ его конкретныхъ формахъ сознавалось уже ранѣе, а во 2-хъ субъектъ, сознавая себя въ неразрывной связи съ организмомъ, мыслитъ себя, потому же закону повторяемости не иначе, какъ тожественнымъ въ любой моментъ своего

[*]) Лапшинъ, Законы мышленія и формы познанія, стр. 90,

положенія или движенія въ пространствѣ Когда же способность къ абстракціи возвысится до способности научнаго наиболѣе общаго отвлеченія, тогда естественно возникаетъ самая формулировка закона тожества и само собой получается убѣжденіе, что всякій актъ мысли долженъ быть подчиненъ этому закону, что безъ этого подчиненія мышленіе невозможно.

Такую же генетическую связь съ пространствомъ и временемъ имѣетъ и законъ противорѣчія. Пространство есть необходимое условіе объективнаго различенія Отсюда естественно слѣдуетъ, что невозможно совмѣщеніе двухъ предметовъ въ одномъ пунктѣ пространства, ибо тогда предметы сливались бы въ одно цѣлое, не было бы предметовъ для различенія, а, стало быть, уничтожалось бы и самое различеніе. Два равныхъ круга, будучи наложены одинъ на другой, составятъ одинъ кругъ для всякаго, кто раньше не наблюдалъ ихъ въ отдѣльности. Меньшій предметъ, правда, можетъ быть помѣщенъ внутри большаго, но онъ занимаетъ тогда все же свой пунктъ пространства, который остается не занятымъ веществомъ большаго предмета. Наоборотъ одинъ и тотъ же предметъ не можетъ мыслиться одновременно въ двухъ пунктахъ пространства, ибо въ противномъ случаѣ уничтожалась бы необходимость пространства, какъ условія для различенія. Если даны два пункта пространства, то этимъ самымъ даются какъ бы и два предмета для различенія, ибо уже въ самой наличности двухъ пунктовъ пространства дано и элементарное различеніе ихъ одинъ отъ другого. Итакъ, если бы я имѣлъ возможность одновременно помѣстить одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ отдѣльныхъ пунктахъ пространства, то это было бы равносильно факту, что пространство не есть необходимое условіе для различенія. И то же самое я долженъ былъ бы утверждать, если бы я имѣлъ возможность помѣстить два разныхъ предмета въ одномъ и томъ же пунктѣ пространства. И въ томъ и другомъ случаѣ уничтожалось бы основное условіе сознанія—различеніе Ибо нѣтъ объективнаго различенія, когда нѣтъ

двухъ пунктовъ пространства, и нѣтъ различенія, когда для двухъ пунктовъ одновременно дается одинъ и тотъ же объектъ различенія Въ одномъ случаѣ различіе уничтожается въ тожествѣ, а въ другомъ тожество уничтожается въ различіи Между тѣмъ ни тожество не можетъ быть уничтожено различіемъ, ни различіе тожествомъ Въ противномъ случаѣ уничтожается самая возможность различенія Отсюда ясно, что основныя положенія закона противорѣчія коренятся то же въ условіяхъ конкретнаго различенія въ пространствѣ и уже впослѣдствіи путемъ такого же процесса обобщенія, какъ это мы видѣли на примѣрѣ закона тожества, превращаются въ общіе принципы мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ правило закона противорѣчія, что нельзя одновременно утверждать и отрицать бытіе даннаго предмета, не есть переводъ на болѣе отвлеченный языкъ того конкректнаго факта, что нельзя одновременно помѣстить одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ отдѣльныхъ пунктахъ пространства? И развѣ совмѣстное утвержденіе и отрицаніе бытія одного и того же предмета не есть такое же уничтоженіе возможности различенія, какъ и одновременное помѣщеніе одного и того же предмета въ двухъ отдѣльныхъ пунктахъ пространства? А отнесеніе двухъ взаимно исключающихъ признаковъ къ одному и тому же предмету развѣ не тоже самое, что помѣщеніе двухъ предметовъ въ одномъ пунктѣ пространства? И развѣ мы не имѣемъ здѣсь въ томъ и другомъ случаѣ опять таки уничтоженіе возможности различенія? Что такое, слѣдовательно, законъ противорѣчія, какъ не распространеніе на дѣйствія и состоянія предметовъ того самаго закона пространственнаго воспріятія, что предметъ не можетъ занимать двухъ отдѣльныхъ пунктовъ, или что, наоборотъ, два предмета не могутъ занимать одного и того же пункта пространства? Этотъ законъ пространственнаго воспріятія есть естественная основа закона противорѣчія и безъ этой основы нельзя допустить и существованіе послѣдняго въ нашемъ мышленіи Ибо было бы въ высшей степени страннымъ, если бы дѣйствія и состоянія предметовъ подчиня-

лись закону противорѣчія, когда сами предметы были бы свободны отъ самаго существеннаго противорѣчія, вытекающаго изъ различенія въ пространствѣ Если бы одинъ и тотъ же предметъ могъ одновременно занимать два отдѣльныхъ пункта въ пространствѣ, то почему бы ему не мыслиться одновременно и въ категоріяхъ бытія и не бытія? Вѣдь если въ первомъ случаѣ логическая значимость не уничтожалась бы съ уничтоженіемъ различенія, то почему она должна была бы уничтожиться во второмъ (такъ какъ совмѣстное утвержденіе и отрицаніе бытія есть уже уничтоженіе различенія)? Итакъ не можетъ быть сомнѣнія, что логическій законъ противорѣчія оказывается возможнымъ лишь потому, что существуетъ естественный законъ пространственнаго различенія

Если же для объективнаго различенія необходимо имѣть два отдѣльныхъ пункта пространства, которые должны занимать два объекта, подлежащіе различенію, то ясно, что не можетъ быть никакого третьяго, средняго, между двумя данными пунктами, куда бы я могъ помѣстить одинъ изъ двухъ данныхъ объектовъ, сохраняя при этомъ различающую значимость взятыхъ ранѣе пунктовъ Когда я различаю A отъ B, то помѣщаю A въ пунктѣ a, а B въ пунктѣ b. Если же я перемѣщу A изъ a въ пунктъ c, занимающій срединное положеніе между a и b, то у меня для различенія все же останется лишь два пункта, потому что пунктъ a потеряетъ тогда всякое значеніе. Слѣдовательно, при всякомъ актѣ различенія необходимы лишь два пункта: третій, средній между ними исключается Такова связь съ пространственнымъ воспріятіемъ закона исключеннаго третьяго.

Что же касается до закона достаточнаго основанія, то такъ какъ законъ этотъ представляетъ изъ себя не условіе мыслимости связи представленій, а условіе общезначимости этой связи, слѣдовательно занимаетъ какъ бы особое положеніе среди прочихъ основныхъ законовъ логики, то, понятно, пространственный генезисъ его не можетъ имѣть мѣста. Впрочемъ закомъ причинности, который имѣетъ такое близкое родство съ закономъ достаточнаго основанія,

легко можетъ быть приведенъ въ генетическую же связь съ закономъ тожества. Законъ причинности обыкновенно считается однимъ изъ лучшихъ примѣровъ врожденности нашему сознанію основныхъ принциповъ мышленія Въ самомъ дѣлѣ, законъ этотъ имѣетъ аподиктическую всеобщность, которая не можетъ быть объяснена опытомъ. „Нѣтъ дѣйствія безъ причины“: какой опытъ можетъ быть настолько исчерпывающимъ всевозможные случаи причинной связи, чтобы представить въ итогѣ эго строго всеобщее положеніе? Слѣдовательно, остается, повидимому, признать, что въ нашемъ духѣ глубоко заложено сознаніе всеобщей причинной связи, которое затѣмъ и иллюстрируется, такъ сказать, случаями возможнаго опыта. Но дѣло можетъ объясняться и иначе, если будетъ показано, что всеобщность закона причинности есть выводъ изъ всеобщности другого закона. Мы связали происхожденіе закона тожества съ пространственной интуиціей Никакое положеніе и перемѣщеніе въ пространствѣ не измѣняетъ предмета: предметъ остается тѣмъ же самымъ, гдѣ бы онъ ни находился и куда бы ни двигался въ пространствѣ А такъ какъ пространство мы представляемъ не иначе, какъ безконечною величиною (потому что мы не можемъ себѣ представить, чтобы пространство имѣло предѣлы), то ясно, что и законъ тожества долженъ имѣть аподиктическую всеобщность. Но рядомъ съ тѣмъ фактомъ, что ни пространство ни время сами по себѣ не вліяютъ на измѣненіе предметовъ, мы имѣемъ въ опытѣ другой фактъ, именно, что предметы подвержены самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ. Конечно, возникаетъ потребность искать условій этихъ измѣненій И это тѣмъ болѣе, что искать этихъ условій побуждаетъ сама жизнь, сама потребность борьбы за существованіе Ибо безъ реакціи организма на измѣненія внѣшнихъ явленій жизнь была бы также невозможна, какъ и при отсутствіи ихъ повторяемости. Но чтобы цѣлесообразно реагировать на даноое измѣненіе, надо собственно реагировать на то, отъ чего это измѣненіе зависитъ, надо воздѣйствовать на *причину* этого измѣненія. Такъ возникаетъ понятіе о причинѣ Къ этому понятію,

какъ мы видимъ, ведетъ сама жизнь, сама борьба за существованіе. А ведетъ она къ нему въ силу опредѣленнаго основного условія пространственнаго воспріятія. Не будь этого условія, т е. не будь повторяемости явленій, не могло бы возникнуть въ сознаніи различія между реакціями организма, обусловленными съ одной стороны воспріятіемъ неизмѣнности предметовъ, а съ другой—воспріятіемъ ихъ измѣняемости. Тогда бы вся дѣятельность организма представляла сплошное однообразіе послѣдовательно видоизмѣняющихся дѣйствій, изъ котораго не могло бы возникнуть понятіе о причинѣ, ибо тогда не существовало бы ничего, что мы могли бы назвать непричиной А вѣдь знаніе о чемъ либо можетъ явиться не иначе, какъ черезъ различеніе. Итакъ нѣтъ никакихъ основаній воображать, что законъ причинности есть врожденное достояніе нашего сознанія, подобно тѣмъ скрытымъ въ кускѣ мрамора жилкамъ (употребляя сравненіе Лейбница *)), которыми предопредѣляется работа надъ предназначенной фигурой, высѣкаемой изъ этого куска. Къ понятію причинности мы неизбѣжно приходимъ потому, что существуютъ съ одной стороны измѣненія предметовъ, а съ другой—законъ повторяемости явленій, связанный съ пространственной интуиціей Но если законъ причинности сопутствуетъ закону повторяемости, то ясно, что онъ долженъ имѣть такую же аподиктичность и всеобщность, какъ и этотъ послѣдній. Законъ повторяемости нигдѣ не можетъ оборваться на опытѣ, ибо пространство безконечно Равнымъ образомъ и законъ причинности нигдѣ не можетъ найти себѣ отмѣны, ибо разъ двигающійся въ безконечномъ пространствѣ предметъ обнаруживаетъ измѣненіе, этимъ самымъ указывается и на существованіе причины этого измѣненія Разъ мы не въ состояніи опытнымъ путемъ найти предѣлъ закону повторяемости явленій, то также точно не въ силахъ сдѣлать этого и по отношенію къ закону причинности, ибо вѣдь пространство само по

*) См. Nouveaux Essais sur l'Entendement P. 1841, Avant—propos, стр 5.

себѣ не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы въ какомъ нибудь его пунктѣ было возможно безпричинное появленіе измѣненія даннаго объекта Вотъ почему законъ причинности имѣетъ такую же всеобщность и аподиктичность, какъ и законъ повторяемости, который носитъ обыкновенно названіе закона тожества. И тотъ и другой законъ неразрывно связаны съ представленіемъ безконечнаго пространства

Итакъ законы тожества, противорѣчія и причиннаго отношенія не представляютъ изъ себя какія-то апріорныя начала, самостоятельно внушающія сознанію извѣстное руководство при связи представленій: напротивъ, эти законы имѣютъ генетическую связь съ пространственнымъ воспріятіемъ Опредѣленный характеръ этого воспріятія, именно тотъ, который только и является возможнымъ для жизни и борьбы за существованіе, неизбѣжно обусловливаетъ возникновеніе въ сознаніи этихъ законовъ.—Но кромѣ основныхъ законовъ мышленія такими же апріорными началами считаются еще, какъ мы видѣли, и такъ называемыя категоріи. Если однако принять во вниманіе то обстоятельство, что категоріи представляютъ изъ себя не что иное, какъ наиболѣе общія понятія, то черезъ это падаетъ и вопросъ о ихъ апріорности, ибо тогда не будетъ основаній не считать врожденными и всѣ прочія общія понятія, что, разумѣется, нелѣпо. А если признать, что общія понятія создаются процессомъ отвлеченія, то нѣтъ основаній полагать, что наиболѣе общія понятія не могутъ создаваться тѣмъ же самымъ процессомъ, и слѣдовательно о ихъ врожденности такъ же не можетъ быть рѣчи, какъ и о врожденности прочихъ менѣе общихъ понятій

Мы сказали выше, что ощущенія и формы интуиціи представляютъ изъ себя единственныя начала, изъ которыхъ развивается все содержаніе нашего познанія. Теперь умѣстно будетъ подробнѣе остановиться на вопросѣ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ „формы интуиціи“.

Форма обыкновенно противополагается матеріалу. Это противоположеніе имѣетъ очень древнее происхожденіе, но

оно заключаетъ въ себѣ серьезную ошибку Ошибка эта состоитъ въ томъ, что, говоря о формѣ и матеріалѣ, забываютъ при этомъ, что эти понятія есть чистыя отвлеченія, что въ дѣйствительности нѣтъ матеріала безъ формы, равно какъ и формы безъ матеріала. Между тѣмъ въ этой ошибкѣ коренится другое ошибочное предположеніе, что форма, какъ нѣчто отдѣльное отъ матеріала, можетъ являться чисто субъективнымъ свойствомъ сознанія, что сознаніе какъ бы накладываетъ эту форму на матеріалъ, представляемый ощущеніями, и черезъ это располагаетъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ Отсюда вытекаютъ двѣ несообразности. Если допустить, что „формы интуиціи врождены сознанію", то это значитъ произносить слова, не соединяя съ ними никакого опредѣленнаго представленія Въ самомъ дѣлѣ, что такое наше сознаніе въ своей сущности помимо ощущеній и представленій мы не знаемъ; какъ оно можетъ владѣть формами интуиціи—мы не въ состояніи себѣ представить. Слѣдовательно, когда говорятъ о врожденности сознанію формъ созерцанія, равно какъ и другихъ апріорныхъ началъ, то собственно дѣлаютъ именно то, надъ чѣмъ такъ мѣтко иронизируетъ Гете въ своемъ „Фаустѣ".

Какъ разъ, гдѣ недочетъ понятій,
Тамъ слову стать и суждено.

Если же предположить, что воспріятіе пространства есть продуктъ синтеза непространственныхъ ощущеній съ движеніями воспринимающаго органа (глаза), т е. тоже нѣчто субъективное, то мы уже видѣли, можетъ-ли имѣть логическую цѣну эта теорія, которая силится пространственное вывести изъ непространственнаго, все равно какъ если бы мы обратнымъ порядкомъ ощущеніе краснаго цвѣта выводили изъ комбинаціи впечатлѣній высоты и ширины даннаго предмета

Итакъ остается допустить, что воспріятіе пространства и не создается сознаніемъ (ибо это необъяснимо) и не есть врожденная сознанію форма интуиціи (ибо это не представимо), а входитъ въ самую природу зрительнаго воспрі-

ятія *). Протяженность есть неразрывное и существенное свойство зрительнаго воспріятія. Если глаза закрыты (или если человѣкъ слѣпъ) передъ сознаніемъ раскинуто черное поле, когда глаза открыты—передъ нимъ простирается свѣтлое поле Слѣдовательно, вмѣстѣ съ положительнымъ или отрицательнымъ свѣтовымъ ощущеніемъ неизбѣжно дается сознанію и созерцаніе протяженія Что это созерцаніе не есть иллюзія глазъ, это подтверждается мускульными ощущеніями при движеніи организма Движенія организма, входя въ неразрывную связь съ зрительнымъ полемъ глаза, научаютъ сознаніе, что это поле есть въ нѣкоторомъ родѣ среда, которую надо преодолѣть опредѣленными мускульными усиліями, чтобы достигнуть того или другого предмета. Пусть организмъ движется отъ А къ В Дойдя въ этомъ движеніи до точки С, организмъ знаетъ, что позади его осталось А, но не одно А, а плюсъ то разстояніе, которое организмъ прошелъ отъ А до С. Если бы организмъ вздумалъ повернуть обратно отъ С къ А, то онъ напередъ знаетъ даже раньше дѣйствительнаго опыта, что онъ не тотчасъ же, какъ повернулся, попадетъ въ пунктъ А, но что ему нужны тѣ же мускульныя усилія, чтобы дойти до А, какія онъ употребилъ, чтобы достигнуть С, и при томъ не просто одни мускульныя усилія опредѣленнаго характера, а именно такія усилія, которыми обусловливалось бы движеніе организма, т. е преодолѣніе имъ даннаго разстоянія отъ С къ А. Эти безчисленное число разъ повторяющіеся опыты движенія вселяютъ въ сознаніе непреодолимое убѣжденіе въ томъ, что картина зрительнаго поля глаза есть именно среда, имѣющая такоеже реальное существованіе, какъ и самые предметы, къ которымъ или отъ которыхъ организмъ движется, ибо безъ преодолѣнія этой среды опредѣленными мускульными усиліями

*) Интересно, что къ этому мнѣнію отчасти склоняются и эмпирики генетисты (напр. Бэнъ), которые признаютъ, что глазъ безъ всякаго участія движенія можетъ воспринимать незначительныя протяженія См. Челпановъ, Проблема воспріятія пространства, ч I. стр. 49—51.

нельзя достигнуть ни одного предмета Первое зрительное ощущеніе, когда глазъ при рожденіи переходитъ отъ мрака къ свѣту, есть безъ сомнѣнія ощущеніе свѣтлаго зрительнаго поля, ибо свѣтъ, конечно, дѣйствуетъ заразъ на всю сѣтчатку глаза. Вѣдь нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы одни элементы сѣтчатки подвергались раздраженію, а другіе нѣтъ. И только мало по малу, когда глазъ уже фиксируетъ различно окрашенные предметы, т. е когда опредѣленные лучи свѣта все сильнѣе и сильнѣе раздражаютъ соотвѣтствующіе элементы сѣтчатки, сознаніе начинаетъ различать среди этого поля зрѣнія одни предметы отъ другихъ И такъ какъ первое свѣтовое ощущеніе есть въ тоже время ощущеніе поля зрѣнія, т. е совмѣщаетъ въ себѣ уже ощущеніе протяженности, и такъ какъ далѣе предметы могутъ различаться не иначе, какъ въ этомъ полѣ, то слѣдовательно и предметы не могутъ восприниматься иначе, какъ именно въ протяженной формѣ Когда слѣпорожденный получаетъ способность зрѣнія, то лишь только онъ нѣсколько ориентируется, въ совершенно новой для него картинѣ зрительнаго пространства, онъ тотчасъ же различаетъ фигуры предметовъ, напр. кубъ отъ шара, и хотя онъ не сумѣетъ сказать вамъ которая именно изъ этихъ фигуръ шаръ и которая кубъ, такъ какъ эти названія онъ привыкъ ассоціировать только съ опредѣленными осязательными и мускульными ощущеніями, тѣмъ не менѣе самый фактъ различія этихъ фигуръ при посредствѣ одного зрѣнія, прежде чѣмъ прозрѣвшій коснется до нихъ руками, прямо свидѣтельствуетъ о способности глаза къ воспріятію протяженности

Итакъ представленіе пространства зарождается обыкновеннымъ путемъ, путемъ ассоціативной связи между воспріятіемъ зрительнаго поля и воспріятіями протяженности, неразрывно соединенной съ мускульными и осязательными ощущеніями. Изъ этой ассоціаціи возникаетъ представленіе среды. которую надо преодолѣвать, чтобы имѣть возможность движенія Вотъ это-то нѣчто, эта-то среда и есть то, что мы называемъ пространствомъ И воспріятіе

пространства есть наше самое первое внѣшнее познаніе, ибо нѣтъ зрительныхъ впечатлѣній и нѣтъ ощущеній движенія, которыя не несли бы съ собой зародышъ идеи о пространствѣ, а черезъ эти ощущенія мы главнымъ образомъ и знакомимся съ внѣшнимъ міромъ Начинаясь въ эмбріональной формѣ при первыхъ ощущеніяхъ зрѣнія и движенія, представленіе пространства по мѣрѣ знакомства субъекта съ внѣшними предметами все яснѣе и яснѣе проявляется въ сознаніи, при чемъ все неотразимѣе возникаетъ убѣжденіе, что все, что познается, можетъ познаваться только въ пространствѣ или черезъ пространство или являясь по самой природѣ своей въ пространственной формѣ (ощущенія зрѣнія), или будучи невозможнымъ безъ пространства (движеніе) или локализуясь въ пространствѣ (всѣ ощущенія). Пространство нельзя отожествлять ни съ зрительными ни съ мускульными ощущеніями движенія, но оно открывается сознанію черезъ эти ощущенія, потому что входитъ въ самую природу этихъ ощущеній, являясь необходимымъ условіемъ ихъ различенія. Съ другой стороны, пространство не есть и отвлеченіе отъ упомянутыхъ ощущеній, ибо оно должно быть такъ же реально, какъ и всякій конкретный предметъ Вѣдь каждый конкретный предметъ познается черезъ ощущенія и не считается отвлеченіемъ отъ этихъ ощущеній Такъ же точно и пространство познается черезъ ощущенія, но не отвлекается отъ нихъ. Ибо если конкретно-реальны движенія того или другого предмета, то конкретно-реально должно быть и то, чѣмъ только и обусловливается самая возможность движенія. Пространство есть вполнѣ реальная величина, есть непремѣнное условіе бытія предметовъ, а слѣдовательно такой же матеріалъ познанія, какъ и самый предметъ. Воспріятіе пространства, слѣдовательно, получается путемъ опыта.

Не надо удивляться, что это совершенно правильное, по нашему мнѣнію, понятіе о пространствѣ, какъ о реальной величинѣ, понятіе, признаваемое столь ясными умами, какъ Локкъ,*) нашло себѣ такое странное искаженіе въ

*) Локкъ, Опытъ о челов разумѣ М. 1898 г стр 142 и далѣе.

ученіи Канта *) Говоря, что пространство есть субъективная форма чувственности, Кантъ утверждалъ собственно нѣчто вполнѣ непредставимое, употреблялъ одни слова и только, но для этого утвержденія онъ имѣлъ тѣмъ не менѣе свои довольно вѣскія основанія. Основаніе это коренилось въ непреложномъ фактѣ существованія необходимыхъ истинъ Надо было спасти науку отъ разрушающаго ее скептицизма Юма. Но если допустить, что необходимыя истины возникаютъ путемъ опыта, т. е. черезъ ощущенія, это значило, по мнѣнію Канта, утверждать, что нѣтъ необходимыхъ истинъ, ибо опытъ, по господствовавшему тогда воззрѣнію, не могъ быть источникомъ подобныхъ истинъ Слѣдовательно, неизбѣжно приходилось стать на ту точку зрѣнія, что необходимыя истины проистекаютъ изъ апріорныхъ началъ, которыя заложены въ сознаніи ранѣе всякаго опыта Кантъ раздѣлялъ, какъ извѣстно, эти начала на три разряда: 1) формы чувственности, 2) категоріи разсудка и 3) идеи разума. Спасая однако достоинство науки, утверждая, что наука зиждется на необходимыхъ истинахъ, Кантъ тѣмъ не менѣе въ силу своего ученія о субъективности формъ познанія, долженъ былъ придти къ различію между феноменами и нуменами и такимъ образомъ объявить то, что составляетъ причину нашего познанія (нуменъ), совершенно внѣ научнаго познанія. Черезъ это Кантъ, спасая науку отъ скептицизма, вырылъ ей еще болѣе глубокую яму того же самаго скептицизма Очевидно, Кантомъ допущена была какая-то ошибка въ его гносеологическихъ воззрѣніяхъ. Ошибка эта, какъ кажется, заключалась прежде всего въ неправильномъ мнѣніи, будто опытъ не можетъ приводить къ необходимымъ истинамъ, будто то, что необходимо, можетъ выводиться только изъ разума. А мнѣніе это въ свою очередь находило себѣ ос-

*) Впрочемъ съ нѣмецкой точки зрѣнія, до сихъ поръ еще находящейся подъ доминирующимъ вліяніемъ Канта, здѣсь нѣтъ искаженія, а будто бы, напротивъ, наиболѣе проницательная ступень пониманія пространства. См Wundt, Logik, т I стр. 479—480

нованіе въ невѣрномъ понятіи о самомъ опытѣ. Не дѣлали никакого различія между ощущеніями, изъ которыхъ составляется опытъ. Настаивали всегда на томъ, что ощущенія носятъ строго субъективную окраску, что нѣтъ двухъ людей, имѣющихъ вполнѣ тожественныя ощущенія, что ощущенія являются лишь субъективными символами того, что объективно можетъ пониматься лишь въ формѣ движенія пространственныхъ элементовъ (цвѣта, звуки) и т. п. Отсюда дѣлали заключеніе, что ощущеніямъ не можетъ принадлежать свойство всеобщности и необходимости, а слѣдовательно и всему, что выводится изъ ощущеній. Забывали только объ одномъ, что нѣтъ никакихъ основаній отвергать возможность существованія представленій двухъ разрядовъ: представленій обусловливающихъ и представленій обусловленныхъ Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что можетъ существовать объективное представленіе, которое должно включать въ себя всѣ остальныя, безъ котораго невозможно сознаніе никакого другого объективнаго представленія. Такое представленіе и есть представленіе пространства, самое первое, самое изначальное наше представленіе, хотя и неразрывно связанное съ ощущеніями свѣта и движенія

Сознаніе неотдѣлимо отъ своего содержанія, т. е. ощущеній и возникающихъ изъ нихъ представленій и понятій Слѣдовательно, если мы хотимъ оставаться на чисто научной почвѣ при объясненіи того, какъ возникаетъ въ сознаніи интуиція пространства, то неизбѣжно должны принять, что интуиція пространства должна пріобрѣтаться не иначе, какъ черезъ ощущенія. Не такъ, чтобы воспріятіе пространства возникало изъ сліянія или комбинаціи различныхъ непротяженныхъ ощущеній, а такъ, что интуиція протяженности входитъ какъ неразрывная часть въ природу цвѣтовыхъ ощущеній и ощущеній движенія и осязанія и слѣдовательно познается вмѣстѣ съ этими ощущеніями. Но разъ образовалась интуиція пространства, то всякій дальнѣйшій актъ сознанія, касающійся внѣшнихъ предметовъ, оказывается уже возможнымъ не иначе, какъ

на почвѣ этой интуиціи Сознаніе свѣта и тьмы возникаетъ вслѣдствіе смѣны ихъ одного на другое. Вмѣстѣ съ этимъ дается и ощущеніе протяженности, такъ какъ безъ протяженности мы не можемъ себѣ и представить свѣтового ощущенія Когда глазъ впервые переходитъ отъ мрака къ свѣту, то интуиція темной протяженности смѣняется интуиціей свѣтовой протяженности Съ послѣдней ассоціируется интуиція протяженности движенія и осязанія. Такъ что полная интуиція пространства возникаетъ обычнымъ путемъ черезъ ассоціацію ощущеній, но не ощущеній, независимыхъ отъ пространственной интуиціи, а черезъ ассоціацію именно указанныхъ ощущеній протяженности. Эта интуиція пространства и составляетъ то, что можетъ быть названо „формой зрительной интуиціи". Вотъ тотъ смыслъ, какой мы соединяемъ съ этимъ понятіемъ. Интуиція пространства можетъ быть названа формой потому, что она представляетъ необходимое условіе всякаго акта внѣшняго познанія - Все, что познается, какъ внѣшнее, можетъ познаваться не иначе, какъ въ пространственной формѣ. А въ силу этого интуиціи пространства естественно должны быть приданы свойства всеобщности и необходимости. Поэтому неосновательно утвержденіе, что свойства всеобщности и необходимости не могутъ соединяться ни съ однимъ ощущеніемъ· они соединяются съ интуиціей пространства

Здѣсь мы можемъ встрѣтить однако такое возраженіе. Вѣдь ощущеніе, скажутъ намъ, неразрывно соединено съ раздраженіемъ нервной системы, оно имъ обусловливается. Слѣдовательно, отъ того или другого устройства организаціи зависитъ и тотъ или другой характеръ ощущенія. О какой же необходимости можетъ идти здѣсь рѣчь, если одна организація воспринимающихъ органовъ дастъ одно ощущеніе, а другая организація можетъ дать совершенно иное? Если пространство познается черезъ ощущенія, то почему это познаніе, какъ и всякое другое, не можетъ быть продуктомъ опредѣленнаго устройства нашихъ органовъ? На это замѣчаніе можно отвѣтить слѣдующее.

Каждое ощущеніе, въ субъективно-символическомъ характерѣ котораго не можетъ быть сомнѣнія, дѣйствительно зависитъ отъ одного опредѣленнаго органа. Такъ что здѣсь въ самомъ дѣлѣ можетъ имѣть силу та мысль, что извѣстное строеніе органа обусловливаетъ собой и извѣстный характеръ ощущенія. Но развѣ интуиція пространства зависитъ въ своемъ происхожденіи отъ раздраженія какого нибудь специфическаго органа пространства? Если бы дѣло обстояло именно такъ, если бы у насъ былъ какой нибудь специфическій органъ, раздраженіемъ котораго обусловливалось бы воспріятіе пространства, тогда мы дѣйствительно должны были бы поставить это воспріятіе наравнѣ съ прочими воспріятіями чисто-субъективнаго характера. Но вѣдь интуиція пространства образуется путемъ синтеза, путемъ ассоціаціи въ одно наглядное воззрѣніе, того, что входитъ какъ неразрывная часть въ природу нѣсколькихъ разныхъ ощущеній Слѣдовательно, относить происхожденіе воспріятія пространства къ органическому раздраженію немыслимо

II надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что показанія чувствъ зрѣнія, мускульнаго движенія и осязанія совершенно точно согласуются между собою какъ въ опредѣленіи границы протяженности предметовъ, такъ и величины разстоянія между ними: всѣ они и начинаются отъ одного общаго пункта и всѣ они оканчиваются опять въ одномъ общемъ же пунктѣ. На это совпаденіе границъ воспріятія протяженности въ показаніяхъ различныхъ органовъ чувствъ обыкновенно совсѣмъ не обращаютъ вниманія. Такъ проф Лопатинъ въ своемъ прекрасномъ вообще изслѣдованіи „Положительныя задачи философіи“ нисколько не останавливается на вопросѣ, какъ объяснить подобное совпаденіе? Вѣдь если въ ощущеніяхъ зрѣнія и осязанія и соединеннаго съ ними воспріятія протяженности нѣтъ ничего кромѣ субъективнаго элемента, то что мѣшало бы протяженности зрѣнія выходить за предѣлы той протяженности предметовъ, какая опредѣляется осязаніемъ? Или здѣсь имѣетъ силу нѣчто въ родѣ предустановленной гар-

моніи, во имя которой протяженность, связанная съ ощущеніями зрѣнія, такъ удивительно совпадаетъ съ протяженностью ощущеній осязанія? Но извѣстно, что теорія предустановленной гармоніи не есть научное объясненіе Можно, конечно, для этого объясненія привлечь эволюціонную теорію, можно предположить, что это совпаденіе есть результатъ постепенно выработавшейся въ ходѣ развитія привычки глаза ставить границы цвѣтовой протяженности тамъ же, гдѣ находится и граница осязанія Но, спрашивается, неужели есть необходимость прибѣгать къ такимъ предположеніямъ, не допускающимъ ни малѣйшей провѣрки, когда имѣемъ полную возможность понять это совпаденіе допущеніемъ въ основѣ воспріятія не субъективной, а объективной протяженности? Нечего искать предустановленную гармонію или привычку, пріобрѣтенную въ теченіе неизвѣстно какого времени, когда есть прямое объясненіе, что функція зрѣнія естественно кончается тамъ же, гдѣ и функція осязанія, потому что и то и другое вызывается одной и той же причиной, именно опредѣленной—объективной протяженностью. Думать иначе, значитъ, кажется намъ, стараться о томъ, чтобы доставить во что бы то ни стало торжество предвзятому мнѣнію вопреки ясной и простой истинѣ .

Не мѣшаетъ, кромѣ того, имѣть въ виду и то соображеніе, что если воспріятіе протяженности имѣетъ такое же субъективное происхожденіе, какъ вообще всѣ ощущенія нашихъ органовъ чувствъ, то почему же, спрашивается, не всѣ, а только нѣкоторыя ощущенія неразрывно соединены съ этимъ аттрибутомъ протяженія? Вѣдь мы имѣемъ массу ощущеній, которыя, правда, существуютъ въ опредѣленной локализаціи, но которыя мы однако не можемъ представить себѣ въ пространственной формѣ (ощущенія слуха, вкуса, обоняния, боли, тепла, холода и пр)? Почему же эта форма принадлежитъ лишь такъ сказать избраннымъ ощущеніямъ? Намъ кажется, что единственно возможнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть лишь тотъ выводъ, что этого требуетъ сама природа этихъ ощущеній, а природа эта со-

стоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять границы объективной тѣлесной протяженности Если воспріятіе той или другой цвѣтной окраски предметовъ зависитъ отъ того, какіе лучи спектра отражаются отъ даннаго предмета, то очевидно, что воспріятіе этихъ лучей должно имѣть ту же протяженность, какую имѣетъ самый предметъ. Слѣдовательно, не цвѣтовое ощущеніе порождаетъ воспріятіе протяженности, а само получаетъ пространственную форму оттого, что въ своемъ происхожденіи обусловливается объективной протяженностью Равнымъ образомъ и ощущеніе осязанія до тѣхъ поръ лишь будетъ осязаніемъ твердости, пока органъ осязанія не покинетъ твердаго предмета и не перейдетъ въ неосязаемое пространство И такъ какъ предметъ, обусловливающій совмѣстное ощущеніе зрѣнія и осязанія одинъ и тотъ же, то что удивительнаго, если показаніе протяженности, получаемое черезъ зрѣніе, совпадаетъ съ показаніемъ той же протяженности, получаемымъ отъ органа осязанія?

Итакъ, для воспріятія протяженности вовсе нѣтъ никакой надобности въ особомъ органѣ, какъ это существуетъ для остальныхъ ощущеній И это тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, мы и не можемъ не воспринимать протяженности, потому что пространство, являясь необходимымъ условіемъ внѣшняго различенія, является необходимымъ условіемъ и бытія самого сознанія, ибо сознаніе невозможно безъ различенія. Поэтому, воспринимая объективное пространство, мы собственно воспринимаемъ лишь субъективное условіе, безъ котораго сознаніе не можетъ быть сознаніемъ внѣшнихъ объектовъ. И почему не допустить той мысли, что при воспріятіи предметовъ мы имѣемъ отожествленіе субъективнаго условія бытія сознанія съ объективнымъ условіемъ бытія предметовъ? По крайней мѣрѣ, эта мысль нисколько не страннѣе той мысли, что пространство есть субъективная форма чувственности. И если эту послѣднюю мысль Кантъ предпочелъ всякому другому предположенію, то не потому ли только, что держался ошибочнаго взгляда, будто ощущеніямъ не можетъ принадлежать

свойство всеобщности и необходимости? Но если бы Кантъ принялъ въ соображеніе то обстоятельство, что одно изъ нашихъ ощущеній, именно одно изъ самыхъ первыхъ, самыхъ изначальныхъ является необходимымъ условіемъ для всего послѣдующаго развитія сознанія, то ему, конечно, не показалось бы невозможнымъ приписать этому ощущенію упомянутыя сейчасъ свойства.

Пусть такъ, скажутъ намъ, пусть воспріятіе пространства получается какъ продуктъ ассоціаціи ощущеній протяженія въ одно наглядное воззрѣніе Но развѣ это мѣшаетъ пространству быть такимъ же созданіемъ субъективной дѣятельности сознанія, какими являются, напр , цвѣтовыя ощущенія? Вѣдь вы согласны, что цвѣтовыя ощущенія есть субъективный символъ совершенно иной дѣйствительности Почему же и пространству не быть точно такимъ же символомъ, тѣмъ болѣе, что цвѣтовое ощущеніе неразрывно соединено съ протяженностью? Конечно, отчего и не предположить, что пространство есть символъ нѣкорой иной дѣйствительности, но все дѣло въ томъ, какое мы имѣемъ основаніе дѣлать подобное предположеніе. Ощущеніе протяженности, положимъ, неразрывно соединено с ь цвѣтовымъ ощущеніемъ Но изъ того, что одно ощущеніе, неразрывно связанное съ другимъ, имѣетъ субъективно-символическую сущность, вовсе не слѣдуетъ, чтобы и второе имѣло такую же сущность Вѣдь изъ того, что луна есть символъ магометанства, отнюдь не требуется выводить заключенія, что и магометанство есть въ свою очередь символъ чего-то, а не дѣйствительное историческое явленіе Равнымъ образомъ изъ того, что цвѣтовое ощущеніе есть субъективно-психическій символъ иной дѣйствительности, совершенно нѣтъ основанія заключать, что и пространство есть въ свою очередь символъ. Что же касается до неразрывности соединенія ощущеній протяженности съ цвѣтовымъ ощущеніемъ, то это, какъ мы видѣли, легко объяснить инымъ образомъ Да и при томъ, чтобы имѣть дѣйствительное основаніе къ утвержденію за пространствомъ символическаго значенія, надо было бы имѣть хоть какое

нибудь представленіе о той дѣйствительности, символомъ которой пространство является Вѣдь мы потому и можемъ говорить о символическомъ характерѣ нѣкоторыхъ нашихъ ощущеній, что имѣемъ ясное представленіе о той дѣйствительности, которая символизируется въ этихъ ощущеніяхъ А имѣемъ-ли мы, да и можемъ-ли имѣть какое-либо представленіе о той дѣйствительности, которая должна символизироваться нашимъ пространственнымъ ощущеніемъ? Не лишне при этомъ взять во вниманіе и то соображеніе, что всѣ наши символическія ощущенія (ощущенія цвѣта, звука, запаха, вкуса и пр) являются символами не разныхъ реальностей, а одной и той же протяженной дѣйствительности, всѣ они символизируютъ различныя модификаціи того, что можетъ быть представлено не иначе, какъ въ протяженной формѣ. Слѣдовательно, протяженность есть какъ бы граница всякой символизаціи, а потому сама уже и не можетъ быть символомъ. Да и что мѣшаетъ намъ примириться съ той мыслью, что сущая дѣйствительность совпадаетъ для насъ съ протяженностью? Вѣдь сознаніе есть жизнь, а потому для него рѣшительно невозможно видѣть истину, т е сущую дѣйствительность, внѣ жизни. Истина постольку лишь можетъ быть истиной, поскольку она положительно или отрицательно связана съ жизнью И вотъ прямую связь съ жизнью (т. е. въ смыслѣ непосредственной угрозы ей или содѣйствія), имѣетъ лишь только то, что протяженно. Ужасна, конечно, ярость встрѣтившагося вамъ въ пустынѣ льва, но ужасна не сама по себѣ, а ужасенъ самый левъ, котораго когти и зубы въ силу этой ярости вонзаются въ ваше тѣло. Не все разумѣется, что протяженно, грозитъ или содѣйствуетъ жизни, но несомнѣнно, что все, что, непосредственно грозитъ или содѣйствуетъ жизни, существуетъ не иначе, какъ въ протяженной формѣ. Слѣдовательно, протяженность имѣетъ для насъ характеръ несомнѣнной дѣйствительности, т. е. того, что дано намъ, какъ нѣчто прямо грозящее или содѣйствующее жизни. Сознаніе, что объектъ нашего воспріятія грозитъ нашей жизни, есть несомнѣнный критерій дѣйствительности. Представьтѣ себѣ,

что передъ вами внезапно явилось какое нибудь совершенно необыкновенное, но воздухоподобное существо Конечно, вы прежде всего схватились бы за мысль, что передъ вами галлюцинація. Но если бы видѣніе вдругъ бросилось на васъ и (допустите невѣроятное, но не абсолютно выходящее изъ предѣловъ возможности предположеніе) причинило бы вамъ какое нибудь жестокое поврежденіе организма (напр отсѣкло бы вамъ руку), то спрашивается, чѣмъ бы это видѣніе отличалось отъ другихъ вещей, чтобы вы могли не считать его дѣйствительностью? Наоборотъ, если мы убѣждаемся, что представшее намъ видѣніе не дѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать намъ вреда, мы утверждаемся въ той мысли, что передъ нами галлюцинація, хотя въ тоже время съ трудомъ можемъ увѣрить себя, что это видѣніе есть дѣствительно, галлюцинація. Такова сила инстинкта все протяженное считать за дѣйствительное!

Говоря, что истина не выше жизни или иначе, что жизнь есть истина и истина есть жизнь, мы, какъ видитъ читатель, становимся отчасти на точку зрѣнія такъ называемаго „прагматизма“ Дѣйствительно, нельзя не признать той заслуги прагматистовъ, что они провозгласили идентичность жизни и истины, указали, что истину можно искать только въ жизни Но прагматизмъ сдѣлалъ грубую ошибку въ томъ, что отбросилъ логическія нормы, въ качествѣ незыблемыхъ основъ мышленія, и, подчинивъ эти основы, какъ и все, процессу эволюціи, сталъ называть истиной все то, что соотвѣтствуетъ лишь временнымъ практическимъ потребностямъ жизни Прагматисты не приняли въ расчетъ того соображенія, что логическія основы истины есть въ тоже время самыя общія основы жизни, потому что генезисъ основъ нашего мышленія, его законовъ, тѣсно связанъ, какъ мы видѣли, съ интуиціей пространства, а пространство есть непремѣнное условіе бытія внѣшнихъ конкретныхъ предметовъ, т. е. того, что грозитъ или содѣйствуетъ жизни Поэтому если мы, не считаясь съ этими основами, будемъ называть истиной лишь то, что полезно или пріятно, что согласно съ данными временными

нитересами жизни, то неизбѣжно должны будемъ уничтожить самое понятіе объ истинѣ, ибо то, что истинно лишь временно, субъективно, въ сущности есть ложь, а не истина: истина всеобща и необходима.

Но признаки всеобщности и необходимости могутъ мыслиться не иначе, какъ въ томъ, чему свойственъ и признакъ безконечности. И вотъ прежде всего самый процессъ нашего познанія мы можемъ мыслить не иначе какъ безконечнымъ Вѣдь познаніе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ во включеніи въ сферу сознанія, въ качествѣ представленій, независимыхъ отъ него объектовъ Это расширеніе содержанія сознанія есть то, что называется прогрессомъ, слѣдовательно, понятіе о прогрессѣ предполагаетъ уже понятіе объ ограниченіи; сознаніе, которое прогрессируетъ, есть необходимо сознаніе ограниченное; абсолютнымъ или неограниченнымъ сознаніемъ можно назвать лишь такое, въ которомъ безконечность процесса познанія сливалась бы съ безконечностью содержанія Но такое сознаніе невозможно ни для одного существа, кромѣ Бога. Итакъ, если мы называемъ наше познаніе ограниченнымъ, то не иначе лишь какъ по отношенію къ его содержанію. Чтобы мыслить ограниченность познанія въ отношеніи самой возможности познанія, надо допустить нѣчто немыслимое: надо вообразить рядомъ съ нашимъ сознаніемъ нѣчто такое, что, будучи столь же реальнымъ, какъ само сознаніе, отнимало бы у послѣдняго возможность акта познанія, не входя, разумѣется, само въ сознаніе и не уничтожая самого сознанія Вѣдь возможность познанія можетъ быть ограничена лишь невозможностью познанія, при чемъ эта невозможность должна быть такою же реальной силой, какъ и сознаніе А для этого надо допустить, что сознаніе можетъ переходить въ эту другую реальную силу, какъ черное можетъ переходить въ бѣлое. Лишь тогда мы могли бы говорить о концѣ нашего познанія, не предполагая уничтоженія самого сознанія, когда всякій дальнѣйшій актъ познанія превращалъ бы наше сознаніе въ это совершенно нѣчто другое, но въ то же время столь же реальное, какъ и сознаніе, въ то нѣчто,

которымъ обусловливалась бы невозможность познанія. Но такъ какъ подобное нѣчто мы рѣшительно не можемъ вообразить себѣ, то, значитъ, не можемъ представить себѣ и того, чтобы для нашего сознанія, по скольку оно является существующимъ, наступилъ конецъ возможности всякаго акта познанія. Иначе сказать, мы неизбѣжно мыслимъ процессъ познаванія процессомъ безконечнымъ А такъ какъ пространство есть необходимое условіе всякаго акта познанія, кромѣ познанія самого пространства, то понятно, что и пространство должно мыслиться не иначе, какъ безконечной величиною и потому обладать свойствами всеобщности и необходимости

Отсюда видно, что представленіе пространства, имѣя корень своего начала въ интуиціи, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, т е. въ установленіи тѣхъ признаковъ, какіе должны мыслиться въ немъ, оказывается совершенно свободнымъ отъ интуиціи. Ибо, конечно, не изъ ощущеній протяженности, изъ которыхъ слагается интуиція пространства, представленіе пространства получаетъ свойство безконечности, такъ какъ вѣдь ни одно ощущеніе протяженности само по себѣ этимъ свойствомъ не обладаетъ, это свойство, какъ мы видѣли, придается представленію пространства мышленіемъ, въ силу необходимой внутренней связи пространства съ процессомъ познанія, который мыслится не иначе какъ безконечнымъ. То же слѣдуетъ замѣтить и обо всѣхъ остальныхъ свойствахъ пространства. Представленіе пространства не можетъ не заключать въ своемъ содержаніи такихъ признаковъ, какъ единство, проницаемость, неподвижность, дѣлимость, непрерывность и т д. Ибо при отрицаніи котораго нибудь изъ нихъ рушилась бы и возможность того познанія, какое необходимо для жизненныхъ цѣлей сознанія. Слѣдовательно, признаки, которые мы вносимъ въ содержаніе представленія пространства, получаются не изъ опыта Въ самомъ дѣлѣ простое эмпирическое ощущеніе данной опредѣленной протяженности не можетъ дать намъ убѣжденія въ томъ, чтобы въ пространствѣ рядомъ съ непрерывностью ни въ какомъ

случаѣ не существовала и прерывность, рядомъ съ проницаемостью—непроницаемость и т. д Ибо для этого нужны соотвѣтствующіе опыты, простирающіеся на всю безконечность пространства, что, очевидно, невозможно Всѣ эти признаки являются, т обр, результатомъ мышленія, разсматривающаго фактъ необходимой связи между познаніемъ и пространствомъ Но такъ какъ представленіе пространства имѣетъ генетическую основу въ опредѣленныхъ ощущеніяхъ пространственности, то ясно, что интуитивное воззрѣніе пространства должно расширяться согласно тому, что мышленіе полагаетъ необходимымъ для представленія: если безконечно представленіе пространства, то безконечна должна быть и его интуиція, т. е. опытное, воззрительное воспріятіе пространства Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ: признакъ безконечности находитъ себѣ опытное подтвержденіе въ наблюденіяхъ астрономіи, которая не въ состояніи указать предѣлъ тому пространству, гдѣ она разыскиваетъ небесныя свѣтила. Слѣдов., между представленіемъ пространства и интуиціей пространства находится полная адэкватность И это вполнѣ понятно. если пространство есть необходимое условіе всякаго акта внѣшняго познанія, то всѣ признаки, которые мышленіемъ полагаются необходимыми для пространства въ отношеніи познанія. взятаго въ его безконечности, должны быть необходимыми и для каждаго частнаго акта познанія А такъ какъ каждое частное представленіе пространства обусловливается опредѣленнымъ воззрительнымъ воспріятіемъ протяженности, то значитъ въ этомъ воспріятіи не можетъ быть никакихъ другихъ признаковъ кромѣ тѣхъ, какіе мышленіе полагаетъ необходимыми для представленія пространства вообще. И такая адэкватность между представленіемъ и интуиціей пространства есть единственная во всемъ нашемъ познавательномъ процессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного представленія, кромѣ представленія пространства, которое было бы адэкватно тому конкретному объекту, который въ немъ познается. Развѣ представленіе льва, дерева, не вообще льва, дерева, а именно этого льва, этого де-

рева, развѣ эти представленія заключаютъ въ себѣ всѣ признаки, присущіе этимъ предметамъ? Вѣдь о нѣкоторыхъ признакахъ послѣднихъ мы не можемъ имѣть никакого свѣдѣнія черезъ обычное представленіе этихъ предметовъ и узнаемъ объ этихъ признакахъ только путемъ науки Но никакая наука не откроетъ намъ въ созерцаемомъ пространствѣ какой-либо признакъ, который не мыслился бы уже въ пространствѣ представляемомъ, будучи обусловленъ отношеніемъ, какое усматривается мышленіемъ между пространствомъ и познаніемъ

Но особенности познавательнаго процесса въ отношеніи къ пространству ограничиваются не только этимъ. Слишкомъ малое вниманіе къ тому положенію, что сознаніе есть жизнь и что слѣдов мыслительные процессы обусловливаются жизненными требованіями, повело къ тому ошибочному убѣжденію, будто элементы частей пространства, геометрическихъ фигуръ, представляютъ не что иное, какъ отвлеченія отъ конкретныхъ предметовъ) Конечно, если допустить простую игру воображенія, забавляющагося отвлеченіемъ прямыхъ и кривыхъ линій отъ того или другого конкретнаго предмета, то можно, пожалуй, говорить, что всякая линія есть предметъ отвлеченія. Но жизнь не предполагаетъ подобной забавы, возможной лишь въ кабинетѣ ученаго психолога. Для жизни нужно представленіе всего даннаго конкретнаго предмета, а не какой нибудь линіи, входящей въ составъ его содержанія Жизненное значеніе могутъ имѣть лишь тѣ отвлеченія, которыя связаны съ процессомъ обобщенія, ибо отвлеченный общій признакъ служитъ указаніемъ на возможность приложимости одного и того же дѣйствія ко всѣмъ предметамъ, владѣющимъ этимъ признакомъ, что, разумѣется, имѣетъ огромное значеніе въ интересахъ жизни Но отвлеченный общій

---

*) „Геометрія, говоритъ, напр, Виндельбандъ, никогда не создалась бы изъ одной лишь идеи о пустомъ пространствѣ, если бы отдѣльныя пространственныя формы не были извѣстны изъ чувственнаго опыта" Исторія новой философіи, т I Спб 1908 г стр 179

признакъ, вытекающій изъ сравненія предметовъ, есть идея, получающая себѣ выраженіе только въ словѣ; эта идея не имѣетъ себѣ психическаго коррелята въ формѣ самостоятельнаго представленія. Мы не можемъ имѣть представленіе „высоты вообще“, но только представленіе высоты даннаго дома, даннаго дерева, и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы мыслимъ высоту неизбѣжно въ соединеніи со всей фигурой даннаго предмета, которая можетъ быть и общей схемой однородныхъ въ своемъ внѣшнемъ очертаніи предметовъ (см. прилож. 3) И это потому, что сама высота опредѣляется ни чѣмъ инымъ, какъ фигурой даннаго предмета. Слѣдов, если бы, положимъ, линія была продуктомъ отвлеченія отъ конкретнаго предмета, то сознаніе въ жизненныхъ цѣляхъ должно было бы создать такое отвлеченіе лишь на почвѣ обобщенія. А тогда неизбѣжно при всякомъ представленіи прямой или кривой линіи мы представляли бы себѣ и фигуру какого нибудь конкретнаго предмета, ибо каждая линія выражала бы собой не что иное, какъ или высоту, или ширину, или длину какой нибудь фигуры конкретныхъ предметовъ А между тѣмъ, когда мы представляемъ себѣ прямую или кривую линію, мы имѣемъ совершенно чистое самостоятельное представленіе, имѣющее лишь отношеніе къ пространству, но никакъ не къ фигурѣ какого-либо предмета Это обстоятельство служитъ, намъ кажется, достаточнымъ указаніемъ на то, что представленіе линіи не есть продуктъ отвлеченія общаго признака отъ нѣсколькихъ конкретныхъ предметовъ Представленіе линіи есть представленіе движенія, взятаго въ его цѣломъ. Это есть представленіе того пути, который прошло данное тѣло, преодолѣвая пространство до конца своего движенія. И такъ какъ движеніе не входитъ въ составъ фигуры, то оно и мыслится безъ представленія какой-либо опредѣленной фигуры: движеніе можетъ быть связано съ простой точкой, почти не имѣющей протяженія Нужно только представить себѣ движеніе этой точки, чтобы получить представленіе линіи. Двигая членами своего организма, сознаніе вовсе или чрезвычайно мало нуждается въ пред-

ставленіи самыхъ членовъ, но оно очень нуждается въ представленіи того пути движенія, благодаря которому тотъ или другой членъ всего вѣрнѣе достигаетъ потребной для жизни организма цѣли Итакъ представленіе линіи получается отъ представленія движенія точки пространства: геометрическое опредѣленіе оказывается въ согласіи съ психологическимъ объясненіемъ Тоже нужно замѣтить и объ остальныхъ геометрическихъ опредѣленіяхъ, опредѣленіяхъ плоскости, фигуры: всѣ они связаны съ представленіемъ движенія и представляютъ изъ себя не что иное, какъ градацію усложненія того основного движенія, результатомъ котораго является представленіе линіи Этой независимостью генезиса представленія линіи отъ представленія конкретныхъ предметовъ объясняется и та, обратившая на себя вниманіе Д С Милля, ясность, съ какой геометрическія фигуры рисуются нашему воображенію Этой ясности, конечно, не было бы, если бы представленіе линіи осложнялось неизбѣжнымъ представленіемъ какого-нибудь предмета, какъ того комплекса, изъ котораго извлеченъ общій признакъ въ видѣ прямой или кривой линіи

Итакъ мы имѣемъ пространство представляемое и пространство созерцаемое. И если первое есть необходимое условіе всякаго акта внѣшняго познанія, то относительно второго самымъ простымъ, самымъ естественнымъ предположеніемъ будетъ то, что оно имѣетъ совершенно такое же реальное существованіе, какъ и конкретные предметы, ибо составляетъ необходимое условіе бытія ихъ И такое предположеніе имѣетъ тѣмъ большую силу, что только оно находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ положеніемъ, что сознаніе есть жизнь Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь жизнь требуетъ подчиненія объектовъ волѣ живого существа, овладѣнія ими, а это, въ свою очередь, обусловливается опредѣленными дѣйствіями организма Спрашивается, могло-ли бы осуществиться это овладѣніе предметами, если бы дѣйствія не были соразмѣрны объектамъ? А такъ какъ дѣйствія управляются представленіями, то, значитъ, эта соразмѣрность должна заключаться въ самихъ представленіяхъ, что-

бы управляемыя ими дѣйствія могли оказаться цѣлесообразными А для этого необходимо, чтобы въ представленіяхъ было нѣчто такое, что было бы идентично съ тѣмъ, что входитъ въ содержаніе объектовъ Пространство и есть это общее идентичное условіе, что и выражается тѣмъ, что пространство созерцаемое адекватно пространству представляемому Если бы пространство было лишь чистая субъективная форма представленій, то было бы вполнѣ непостижимо, какимъ образомъ дѣйствія, подчиненныя чисто субъективному началу, могли оказаться соразмѣрными съ объектами, или обратно: въ чемъ бы коренилась тогда для объектовъ необходимость являться соразмѣрными съ нашими дѣйствіями, управляемыми пространственными представленіями, если бы для объектовъ была совершенно чужда форма пространства, если бы они сами по себѣ находились, такъ сказать, внѣ пространства?

Но вѣдь предметы, скажутъ намъ, есть не что иное какъ комплексы представленій Не самое-ли естественное предположить, что для возможности воспріятія этого комплекса какъ одного связнаго цѣлаго, необходимо, чтобы представленія располагались въ опредѣленномъ порядкѣ, по опредѣленному правилу. Этотъ порядокъ и обусловливается тѣмъ, что мы называемъ пространствомъ Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ той мысли, что предметы, какъ нѣчто независимое отъ сознанія, сообразуются съ нашей формой чувственнаго воззрѣнія· сообразуются не предметы, а наши же представленія Это возраженіе могло бы остаться, пожалуй, неопровержимымъ, если бы мы не приняли во вниманіе опять того положенія, что истина не можетъ быть выше жизни. Если признать за несомнѣнное, что истина для насъ лишь то, что грозитъ и споспѣшествуетъ жизни, а грозить или споспѣшествовать жизни прямо, непосредственно можетъ лишь то, что имѣетъ протяженіе, что находится въ пространствѣ и подчинено всѣмъ условіямъ пространства, то отсюда слѣдуетъ, что истинная реальность должна совпадать съ протяженностью) И это

) Конечно, этотъ выводъ допустимъ лишь въ томъ случаѣ, если

до такой степени неустранимо для нашего сознанія, что люди весьма часто не иначе могутъ говорить о существахъ духовнаго міра, какъ придавая имъ протяженность

Такъ спириты представляютъ себѣ духовъ, съ которыми они будто бы вступаютъ въ сношенія, какъ существа, имѣющія опредѣленную пространственную форму. (Allan Kardec, Le livre des mediums, стр 5) А у теософовъ не только психическое начало вообще пронизываетъ физическій организмъ человѣка въ видѣ различныхъ астральныхъ *тѣлъ*, но и мысли представляются въ протяженной формѣ (См напр. Р Штейнеръ „Теософія", Успенскій, „Четвертое измѣреніе") Если же такъ, если реальность не отдѣлима для насъ отъ протяженности, то значитъ, признавая форму пространства за чисто субъективную принадлежность нашего сознанія, мы должны признать и то, что сами создаемъ для себя эту реальность, отъ которой однако не въ силахъ отдѣлаться и которую создаемъ неизбѣжно и необходимо. Но въ такомъ случаѣ мы должны разсматривать эту созданную нами реальность, какъ символъ какой-то другой реальности, потому что вѣдь мы не можемъ же создать подлинную реальность: для этого надо быть Богомъ. Однако вѣдь нашей жизни грозитъ именно эта реальность, которую мы сами создали, а вѣдь мы уже признали за несомнѣнное, что нѣтъ другой реальности, кромѣ той, которая имѣетъ прямое значеніе для жизни Слѣдовательно, символъ здѣсь уже не символъ, а подлинная реальность А потому всякая другая реальность должна прямо быть устранена за излишествомъ. Но такъ какъ эта нелѣпая мысль объ излишней, трантцендентной реальности возникла отъ того, что мы признали форму пространства за субъективную форму чувственности, то значитъ нелѣпо это самое утвержденіе. Стало быть, чтобы освободиться

мы будемъ стоять исключительно на почвѣ разсудочнаго познанія· вѣра, руководимая Божественнымъ Откровеніемъ, открываетъ намъ и другія области бытія, къ которымъ не приложимы формы пространства и времени

отъ той нелѣпости, въ которую мы попали, надо признать, что пространство имѣетъ объективное, т е. независимое отъ нашего сознанія существованіе, хотя въ то же время представленіе его есть необходимое условіе всякаго познанія Надо, слѣдовательно, признать, что въ актѣ познанія субъектъ (сознаніе) и объектъ (внѣшняя реальность) совмѣщаются въ томъ, что составляетъ общее условіе ихъ бытія Созерцая или представляя себѣ пространство, мы созерцаемъ или представляемъ себѣ то, безъ чего невозможно само наше сознаніе и въ то же время то, безъ чего невозможно самое бытіе предметовъ.

Этимъ разрѣшается вопросъ о возможности объективнаго познанія при существованіи двухъ независимыхъ началъ (объекта и сознанія). Какъ возможно объективное познаніе? Какъ возможно, чтобы то, что стоитъ внѣ сознанія, входило въ его содержаніе?—на эти вопросы есть прямой и вполнѣ естественный отвѣтъ: потому что между сознаніемъ и тѣмъ, что стоитъ внѣ его, есть общая связь. Чтобы быть познанными, предметамъ не для чего превращаться цѣликомъ въ нѣчто тожественное съ сознаніемъ; для этого сознанію достаточно познать лишь условіе бытія предметовъ, а это условіе есть въ тоже время и условіе бытія самого сознанія. Такъ что изъ познанія своего собственнаго условія сознаніе познаетъ въ то же время и основную природу противостоящихъ ему объектовъ, познаетъ не символически, а реально, ибо оба эти познанія адэкватны одно другому Итакъ, чтобы объяснить возможность реальнаго познанія, нѣтъ надобности прибѣгать ни къ предположенію тожественности сознанія и объективнаго бытія, ни къ предположенію полной субъективности относительно происхожденія всего состава познанія И то и другое объясненіе не можетъ имѣть логической значимости

Кантовскій субъективизмъ, исходя изъ стремленія охранить цѣнность научнаго знанія, уничтожаетъ однако возможность истиннаго объективнаго познанія и тѣмъ разрушаетъ ту самую цѣнность науки, которую хотѣлъ было защитить; ученіе же эмпиріокритиковъ и имманентной школы о пол-

ной тожественности бытія и сознанія представляетъ, какъ мы уже видѣли, совершенно произвольное, неимѣющее ни малѣйшей фактической основы предположеніе, приводящее къ явнымъ нелѣпостямъ.

Т. обр вотъ наиболѣе правильное, по нашему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о томъ, какъ возможно объективное познаніе Только это рѣшеніе въ состояніи избавить наше мышленіе отъ подавляющаго его кошмара, будто міръ есть только наше представленіе, кошмара, ввергающаго его въ пучину безпросвѣтнаго скептицизма Только путемъ этого рѣшенія возможно приоткрыть великую книгу истины, которую захлопнула передъ нами критика Канта. Истинное познаніе возможно, несмотря на то, что представленіе и объектъ противостоятъ другъ другу, какъ два независимыя начала. Въ актѣ познанія мы вовсе не приходимъ къ самому себѣ противорѣчащему требованію познать объектъ внѣ представленія, когда онъ данъ и иначе не можетъ быть данъ, какъ въ формѣ представленія (см Вундтъ, Система философіи, стр. 111) Въ актѣ познанія мы вовсе не ищемъ объекта внѣ представленія, что, разумѣется, безсмысленно, а приходимъ къ убѣжденію, что въ самомъ представленіи познаемъ уже то, что дѣлаетъ объектъ не только представленіемъ, но и реальностью. Свойство же это есть свойство грозить или споспѣшествовать прямымъ образомъ нашему существованію. А свойство это выражается въ протяженности Но протяженность предметовъ воспринимается какъ часть пространства Безъ пространства же немыслимо самое сознаніе Слѣдов, протяженность предметовъ познается непосредственно, ибо здѣсь сознаніе познаетъ условіе своего собственнаго существованія. Сознаніе не есть, конечно, пространство, но оно существуетъ не иначе какъ черезъ пространство, и предметъ существуетъ тоже не иначе какъ въ пространствѣ, ибо онъ часть его. Слѣдов, въ воспріятіи пространства совмѣщается и субъективная и объективная сторона познанія, чѣмъ и разрѣшается вопросъ о его возможности.

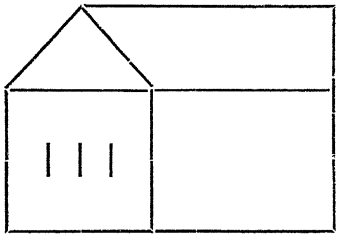
Съ признаніемъ же возможности истиннаго реальнаго познанія возвышается и логическая цѣнность закона доста-

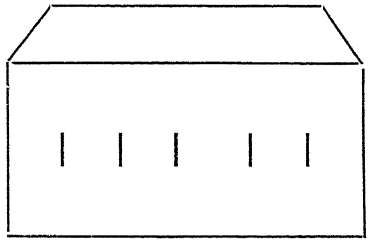
точнаго основанія Ибо требованіе обосновывать цѣнность той или другой связи понятій лишь въ томъ случаѣ, конечно, имѣетъ полную силу, если возможна безусловная истинность самого познанія

3 Представленіе, какъ мы знаемъ, есть психическій образъ предмета

Слѣдовательно, терминъ, означающій индивидуальное понятіе, имѣетъ въ этомъ образѣ психическій коррелятъ. А для общихъ терминовъ, спрашивается, существуетъ психическій коррелятъ или нѣтъ? Безспорно, въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ для общаго термина искать психическаго коррелята въ видѣ отдѣльнаго цѣлаго образа. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, имѣть цѣльный образъ животнаго вообще, т. е имѣть общее представленіе животнаго, и нельзя въ данномъ случаѣ не согласиться съ англійскимъ философомъ Беркли, который говоритъ, что когда мы при словѣ „животное“ желали бы представить себѣ общій образъ животнаго, то можемъ сдѣлать это не иначе, какъ вообразивъ фигуру какого-либо отдѣльнаго животнаго, напр лошади, льва и т д Однако, если мы имѣемъ способность абстрагировать общіе признаки изъ ряда нѣсколькихъ представленій, то было бы страннымъ въ психическомъ отношеніи, если бы эти выдѣленные признаки не сливались въ одинъ цѣльный образъ. Вѣдь мы абстрагируемъ отъ того, что слито въ неразрывное единство въ каждомъ представленіи, слѣдовательно то, что нами абстрагировано, должно представлять такое же единство, т е. быть цѣльнымъ образомъ. Иначе сказать, мы должны имѣть общія представленія, какъ бы общія схемы совокупности опредѣленныхъ единичныхъ представленій. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Когда мальчикъ или дѣвочка чертятъ вамъ рисунокъ дома, то что такое этотъ рисунокъ, какъ не общая схема домовъ одного и того же наружнаго вида? Вѣдь то, что ими нарисовано, именно фигура, состоящая изъ одного треугольника и нѣсколькихъ четыреугольниковъ съ тремя черточками среди одного изъ послѣднихъ, не есть точный рисунокъ какого-либо отдѣльнаго дома, а есть именно общій обликъ и этого,

и того, и третьяго дома II если бы въ воображеніи мальчика не было этой общей схемы, какъ бы она могла очутиться у него на бумагѣ? Но вы легко можете замѣтить, что эта схема есть схема общаго вида только тѣхъ домовъ, у которыхъ крыша въ переднемъ фасадѣ образуетъ форму треугольника Есть дома, у которыхъ крыша образуетъ здѣсь четыреугольникъ Вы, конечно, имѣете общую схему и такихъ домовъ Но вы не можете никакимъ усиліемъ воображенія слить обѣ эти схемы въ одинъ цѣльный образъ, ибо различныя фигуры не сливаются въ нѣчто общее, а существуютъ каждая отдѣльно Четыреугольникъ всегда будетъ четыреугольникомъ и треугольникъ – треугольникомъ; эти фигуры могутъ соединиться, чтобы составить одно цѣлое, но лишь такъ, что каждая сохраняетъ свою индивидуальность Вотъ почему если крыша въ фасадѣ дома образуетъ одна—треугольникъ, а другая—четыреугольникъ, то подобные дома должны давать двѣ отдѣльныхъ схемы, между которыми никакое сліяніе въ нѣчто общее невозможно





Отсюда слѣдуетъ, что общая схема возможна лишь по-стольку, по-сколько общіе признаки согласуются въ своей пространственной формѣ. Поэтому мы гораздо чаще можемъ имѣть общую схему вида, чѣмъ рода. А иногда родовая схема прямо невозможна. Мы можемъ, напр., имѣть общую схему или льва, или лошади и т. д, но ни въ какомъ случаѣ общую схему „животнаго млекопитающаго“. На этомъ же основаніи мы не можемъ иногда имѣть и общей видовой схемы Такъ, напр, мы не можемъ представить себѣ общую схему собаки, но можемъ имѣть лишь схемы дворняжки, лягавой собаки, гончей и т. д. Итакъ, существуетъ ли психическій коррелятъ для общихъ терминовъ?

Изъ изложеннаго ясно, что такимъ коррелятомъ можетъ быть или общая схема, или цѣлый рядъ общихъ схемъ, мыслимыхъ въ соединеніи съ какимъ нибудь общимъ признакомъ, не имѣющимъ пространственной формы. Напр., психическій корелятъ родового термина „животное млекопитающее" будетъ состоять изъ ряда общихъ схемъ лошади, коровы, льва и т д., связанныхъ общимъ признакомъ „млекопитающія".

Такъ, по нашему мнѣнію, можетъ рѣшаться вопросъ объ общихъ представленіяхъ, какъ психическомъ корелятѣ къ общимъ терминамъ.

4 Различіе между противоположными и противорѣчивыми понятіями состоитъ прежде всего въ томъ, что первыя выражаютъ противность реальную, опредѣленную, а вторыя неопредѣленную. Второе различіе относится къ особенностямъ заключенія отъ ложности одного къ истинности другого и обратно Нѣкоторые логики видятъ здѣсь существенное различіе между этими понятіями понятія противоположныя, по ихъ мнѣнію, не подчиняются закону исключеннаго третьяго *) Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе Дѣло въ томъ, что противоположныя понятія всегда дѣлятъ предметы не на два, а на нѣсколько отдѣловъ, по степенямъ своей противоположности А противорѣчивыя всегда только на два отдѣла. Поэтому если я беру *противорѣчивыя* понятія, то естественно, отъ ложности, положимъ, отрицательнаго долженъ заключать къ истинности положительнаго и обратно, ибо нѣтъ третьяго отдѣла между этими двумя понятіями (если ложно, напр., что человѣкъ не богатъ, то, истиннымъ будетъ, что онъ богатъ) Но если я оперирую съ понятіями противоположными, то такъ какъ противоположность имѣетъ нѣсколько степеней и слѣдовательно предметы дѣлятся не на два только, а на нѣсколько противоположныхъ отдѣловъ, я не имѣю права отъ ложности даннаго заключать къ истинности того понятія, кото-

*) Учебникъ логики Свѣтилина, изд 3, стр 22

рое стоитъ къ нему въ отношеніи наибольшей противоположности, ибо истина можетъ падать на одно изъ среднихъ понятій Такъ, если ложно, что предметъ „бѣлый", то я не могу утверждать, что онъ непремѣнно „черный" предметъ можетъ быть синій, красный, сѣрый и т д т е истина можетъ падать на одну изъ посредствующихъ противоположностей, ибо вѣдь не только черный, но и красный и синій и т. д не то же самое, что бѣлый, і е противоположны ему Поэтому хотя двѣ противоположныя мысли могутъ быть обѣ ложны (ложно, что предметъ бѣлый, ложно и то, что предметъ черный), тѣмъ не менѣе истина все таки должна падать на одну изъ противоположностей: если ложно, что предметъ бѣлый, то непремѣнно будетъ истиной, что предметъ или красный, или синій, или сѣрый и т д Слѣдовательно, отъ ложности данной мысли мы непремѣнно должны заключать къ истинности одной изъ ея противоположностей: средняго здѣсь такъ же нѣтъ, какъ и между двумя противорѣчивыми понятіями Такимъ образомъ и *противоположныя* понятія такъ же подчиняются закону исключеннаго третьяго, какъ и *противорѣчивыя* Правда, въ этомъ подчиненіи есть своя особенность, но и только И особенность эта легко объясняется изъ различія въ дѣленіи предметовъ понятіями противоположными и противорѣчивыми Какъ относительно противорѣчивыхъ, такъ и противоположныхъ понятій логика одинаково требуетъ, чтобы истина падала на одну изъ противныхъ сторонъ Но послѣднее для противорѣчивыхъ понятій очевидно непосредственно, ибо въ нихъ только и есть двѣ стороны, а для противоположныхъ требуется помощь опыта, чтобы рѣшить, на какую именно изъ данныхъ противоположностей должна падать истина, согласно съ тѣмъ же требованіемъ логики

5 Выражать отношенія равенства и подчиненія должно считаться наиболѣе важнымъ въ логическомъ смыслѣ свойствомъ сужденій, ибо только на этомъ свойствѣ основывается возможность образованія болѣе сложной формы мысли, развивающейся изъ сужденій Конечно, подвергнувъ сужде-

нія психологическому анализу, можно усмотрѣть въ нихъ выраженіе и многихъ иныхъ отношеній Можно видѣть, напр, выраженіе одного, двухъ, даже трехъ синтезовъ, можно съ извѣстной точки зрѣнія дѣлить ихъ на сужденія наименованія или описательныя, сужденія объяснительныя и сужденія отношенія, какъ это дѣлаетъ Зигвартъ), но мы думаемъ, что будетъ гораздо ближе къ истинѣ, если нашъ психологическій анализъ не заслонитъ отъ насъ въ сужденіяхъ того, что требуетъ мыслить въ нихъ логическая теорія Зигвартъ, напр, совершенно напрасно воображаетъ, что въ сужденіяхъ наименованія или описательныхъ, т е. въ которыхъ субъектъ есть какой нибудь единичный конкретный предметъ (это—роза, это—собака), все основаніе наименованія заключается лишь въ синтезѣ даннаго воспріятія съ представленіемъ того же самаго предмета, хранящимся въ нашей памяти. Вы глядите на цвѣтокъ и говорите: „это—роза“ Если васъ затѣмъ спросятъ, почему вы называете его розой, то, по Зигварту, вы должны будто бы отвѣтить только то, что вы видѣли раньше такой же цвѣтокъ, который тоже называли розой Но вѣдь васъ могутъ спросить, почему же и тотъ цвѣтокъ вы называли тоже розой? Очевидно, вы должны будете сказать, что вы и еще раньше видѣли такой же цвѣтокъ, и еще раньше, и тоже во всѣхъ случаяхъ называли его розой, что и другіе люди такой же цвѣтокъ называютъ постоянно розой, однимъ словомъ, вы должны будете сознаться, что потому называете данный цвѣтокъ розой, что онъ вполнѣ подобенъ тѣмъ цвѣткамъ, которые вообще называются розой, что онъ т обр включается въ классъ цвѣтовъ, называемыхъ розой „Этотъ процессъ, говоритъ Зигвартъ, гдѣ предложенія служатъ выраженіемъ непосредственнаго познаванія, слѣдуетъ толковать просто“ Но вѣдь для всякаго толкованія не столько важна простота, сколько правильность Вотъ правильность то у Зигварта и отсутствуетъ, потому что онъ не довелъ до конца свой психологическій анализъ Согласны, что пер-

) Зигвартъ, Логика, т. I, стр 58 и далѣе

вый толчокъ къ наименованію можетъ быть данъ синтезомъ непосредственнаго воспріятія предмета съ его хранимымъ въ памяти представленіемъ, т. е можетъ быть данъ тѣмъ, что въ психологіи называется узнаваніемъ, но какъ скоро вы захотите представить вполнѣ отчетливое основаніе вашего наименованія, вы неизбѣжно придете къ тому, что этимъ основаніемъ можетъ быть лишь мысль о включеніи даннаго предмета въ классъ подобныхъ предметовъ. Слѣдовательно, въ итогѣ вашего анализа должно получиться, что ваши такъ называемыя сужденія наименованія суть въ то же время и сужденія подчиненія. Впрочемъ Зигвартъ, можетъ быть, не прочь отъ того, чтобы видѣть въ подобныхъ сужденіяхъ и выраженіе отношенія подчиненія, по крайней мѣрѣ онъ рѣшительно не высказывается нигдѣ противъ такого взгляда Зато онъ вполнѣ категорически признаетъ недопустимость подчиненія субъекта предикату въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ предикатомъ служитъ какое либо свойство или дѣйствіе Но тутъ мы обратимся лучше къ учебнику логики проф. Ланге, который развиваетъ и дополняетъ взгляды своего образца и тѣмъ яснѣе, чѣмъ у самого Зигварта, позволяетъ видѣть, можно-ли согласиться съ этими взглядами Проф Ланге, какъ и Зигвартъ, отвергаетъ то мнѣніе старой логики, будто въ такихъ сужденіяхъ, какъ „эта болѣзнь опасна“, „этотъ человѣкъ принесъ много пользы“ и пр., можно усматривать подчиненіе субъекта предикату Слѣдуя Зигварту, проф. Ланге настаиваетъ, что здѣсь нельзя усматривать этого подчиненія на томъ основаніи, что „отношеніе рода къ виду могутъ имѣть лишь представленія одной и той же категоріи Предметы не могутъ быть логическими видами качествъ или дѣйствій, качества и дѣйствія не могутъ быть логическими видами предметовъ, дѣйствія не могутъ быть логическими видами качествъ и т. д Правда, продолжаетъ г Ланге, возможно измѣненіемъ формы выраженія изъ качества *опасный* сдѣлать выраженіе *опасный предметъ*, и изъ дѣйствія *принесъ пользу* выраженіе: *предметъ, приносящій пользу*, и т. обр обратить сказуемыя въ выраженіи одинаковой

съ подлежащимъ категоріи Но это пріемъ искусственный, и въ нашихъ сужденіяхъ о свойствахъ и дѣйствіяхъ предметовъ мы не находимъ ничего, уполномачивающаго насъ на такую искусственность“)

Что предметы не могутъ быть видами качествъ или дѣйствій и обратно, т. е. что отношенія подчиненія и равенства могутъ существовать лишь между понятіями одной и той же категоріи, это, безспорно, святая истина, въ которой никто никогда не сомнѣвался, и нѣтъ данныхъ серьезно допустить, въ комъ нибудь на столько отсутствіе здраваго смысла, чтобы онъ утверждалъ противное данной истинѣ. Слѣдовательно, если кто нибудь усматривалъ въ сужденіяхъ съ предикатомъ, выражающимъ качество или дѣйствіе, отношеніе подчиненія субъекта предикату, то, конечно, потому, что находилъ возможность „обратить сказуемыя въ выраженія одинаковой съ подлежащимъ категоріи“. А разъ такая возможность существуетъ, существуетъ значитъ, и то внутреннее основаніе, въ силу котораго мы приходимъ къ этой возможности Ибо безъ этого основанія у насъ получилась бы безсмыслица. Но вѣдь и г Ланге не утверждаетъ, что мы приходимъ къ безсмыслицѣ, а только лишь къ искусственному пріему выраженія. Если подъ словомъ „искусственный“ разумѣть „малоупотребительный“, „излишній“, то съ этимъ, пожалуй, можно согласиться, но чтобы это былъ пріемъ безосновательный, т. е. чтобы въ сужденіяхъ ничто не уполномачивало насъ на такую искусственность, какъ это говоритъ г Ланге, это совершенно несправедливо Г. Ланге не захотѣлъ только усмотрѣть этого основанія. А основаніе очень простое если только какое нибудь общее свойство или дѣйствіе вносится въ содержаніе даннаго предмета, тѣмъ самымъ этотъ предметъ включается въ отдѣлъ тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ отвлечено это свойство или дѣйствіе Вѣдь не будетъ же г. Ланге отвергать, что признаки „опасный“, „полезный“ не

) Ланге, Учебн. логики, стр 48.

индивидуальные, а общіе признаки? А вѣдь общіе признаки потому и называются общими, что они смыкаютъ всѣ владѣющіе ими предметы въ одну умственную группу и этимъ выдѣляютъ ихъ изъ ряда другихъ предметовъ Ибо если бы не было этого выдѣленія, то въ чемъ бы состояла роль общихъ признаковъ? Слѣдовательно, если разъ я приписываю тотъ или другой *общій* признакъ какому нибудь предмету, значитъ я неизбѣжно дѣлаю включеніе этого предмета въ ту умственную группу, которая охватывается этимъ признакомъ Слѣдовательно, когда я говорю· „эта болѣзнь опасна", я включаю данную болѣзнь въ разрядъ опасныхъ болѣзней (если угодно, то и предметовъ) и когда утверждаю, что ,этотъ человѣкъ принесъ много пользы", то включаю этого человѣка въ разрядъ людей, принесшихъ пользу. А черезъ это субъектъ я подчиняю предикату

Да не подумаетъ однако читатель, что мы признаемъ справедливымъ усматривать это отношеніе подчиненія во всякомъ сужденіи, гдѣ предметъ выражаетъ свойство или дѣйствіе. Мы даже сильно сомнѣваемся, существовали-ли такіе ученые логики, которые *каждое* сужденіе „втискивали подъ понятіе простого подведенія субъекта подъ болѣе общій прединатъ".) Но г Ланге полагаетъ, очевидно, что существовали, а потому по адресу подобныхъ логиковъ онъ побѣдоносно ставитъ такія возраженія: „Неужели, когда мы выражаемъ сужденія: Александръ имѣлъ коня Буцефала", „Петръ Великій построилъ Петербургъ" и т. п, мы хотимъ сказать, что среди лицъ, имѣвшихъ Буцефала, былъ Александръ, а среди людей, построившихъ Петербургъ, Петръ Великій?" *) Но вѣдь когда говорятъ, что Петръ В. построилъ Петербургъ, вовсе не думаютъ включать Петра въ число архитекторовъ, каменщиковъ, плотниковъ и т. д, участвовавшихъ въ построеніи Петербурга, какъ это, очевидно, предполагаетъ г. Ланге; включаютъ Петра лишь

) Зигвартъ, Логика, т. 1 стр 65

*) Ланге, учеб. логики, стр. 48

въ число тѣхъ строителей, которые осуществили ту или другую свою идею строительства. А это будетъ вполнѣ вѣрно. Слово же „Петербургъ“ указывалъ на отличительный признакъ Петра среди другихъ подобныхъ строителей И черезъ присоединеніе этого признака къ обшему понятію „строитель“ сужденіе превращается въ сужденіе равенства. Ибо черезъ это присоединеніе общій признакъ превратился въ индивидуальный, принадлежащій исключительно Петру Великому Можно взять массу подобныхъ примѣровъ. „Дерево есть растеніе“—это сужденіе подчиненія; „дерево есть растеніе, имѣющее стволъ“—сужденіе равенства „Этотъ человѣкъ принесъ много пользы“—сужденіе подчиненія; „этотъ человѣкъ—принесъ много пользы изобрѣтеніемъ паровой машины“—сужденіе равенства Также точно и сужденіе. „Александръ имѣлъ коня Буцефала“ есть сужденіе равенства Правда, здѣсь не достаетъ полной точности, т. е. обозначенія того, единственнымъ-ли владѣтелемъ Буцефала былъ Александръ или онъ владѣлъ имъ лишь опредѣленное время Но эта точность не имѣетъ здѣсь большого значенія, потому что, будемъ ли мы мыслить Александра единственнымъ владѣтелемъ или только временнымъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ у насъ будетъ сужденіе равенства, ибо, все равно, только одинъ Александръ былъ владѣтелемъ Буцефала въ теченіе всего того времени, пока владѣлъ имъ. Сужденія равенства получаются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предикатомъ является свойство или дѣйствіе, которое не можетъ мыслиться общимъ, когда оно оказывается индивидуальною особенностью даннаго субъекта сужденія Это бываетъ, въ 1-хъ, когда свойство или дѣйствіе по самому значенію своему можетъ относиться единственно лишь къ данному субъекту сужденія, какъ напр. всемогущество—къ одному Богу, кратчайшее разстояніе между двумя точками—только къ прямой линіи, быть получеловѣкомъ, полулошадью—только къ центавру и т. п. А во 2-хъ, когда предикатъ, означая самъ по себѣ свойство общее, тѣмъ не менѣе благодаря разнымъ обстоятельствамъ—времени, мѣста, отношенія къ другимъ предметамъ и т. д.—превра-

щается въ признакъ индивидуальный, относящійся лишь къ данному субъекту сужденія. И всѣ подобные примѣры, какъ „Петръ В. построилъ Петербургъ, „Александръ имѣлъ коня Буцефала" подпадаютъ именно подъ этотъ второй случай отношенія равенства между субъектомъ и предикатомъ: здѣсь общіе признаки „строительства", „владѣнія", благодаря указанію на соотвѣтствующіе единственные предметы, съ ними связанные, превращаются въ признаки индивидуальные.

Итакъ, будетъ, разумѣется, невѣрно каждое сужденіе съ предикатомъ, означающимъ свойство или дѣйствіе, разсматривать какъ сужденіе подчиненія. иногда подобныя сужденія могутъ оказываться и сужденіями равенства Но въ такой же мѣрѣ будетъ невѣрно и отрицать въ этихъ сужденіяхъ отношеніе подчиненія субъекта предикату, когда послѣдній представляетъ собой свойство (или дѣйствіе) общаго значенія Какъ мы видѣли, мало помогаетъ этому отрицанію то соображеніе, что логическое отношеніе подчиненія возможно лишь между понятіями одной и той же категоріи. Мы видѣли, что это требованіе здѣсь нисколько и не нарушается, такъ какъ предикатъ всегда можетъ быть превращенъ въ понятіе одной категоріи съ субъектомъ, и если подобное превращеніе не всегда или даже очень рѣдко высказывается, тѣмъ не менѣе скрытымъ образомъ оно всегда присутствуетъ въ предикатѣ.

А еще менѣе можетъ въ данномъ случаѣ помочь тотъ доводъ, что ужъ если согласиться видѣть здѣсь отношеніе подчиненія, то все-таки надо видѣть его не тамъ, гдѣ предполагали старые логики „Предикатъ, выражающій свойство, говоритъ Зигвартъ), всегда является общимъ лишь для свойства субъекта, а не для него самого, предикатъ, выражающій дѣятельность, является общимъ лишь для его дѣятельности". Въ сужденіи: „эта болѣзнь опасна", разъясняетъ намъ г. Ланге приведенную сейчасъ цитату изъ Зигварта, я не болѣзнь разсматриваю какъ видъ рода опас-

) Зигвартъ, Логика, т I стр 65.

ныхъ вещей, но одно изъ качествъ болѣзни подвожу подъ родъ опасныхъ качествъ вообще, а въ сужденіи „этотъ человѣкъ принесъ много пользы", я не человѣка подвожу подъ рядъ существъ, приносящихъ пользу, но одно изъ его дѣйствій разсматриваю какъ видъ рода полезныхъ дѣйствій; отношеніе же качества и дѣйствія къ ихъ носителямъ не разсматриваю какъ логическое подчиненіе" *) Прекрасно! Но если я не субъектъ сужденія подвожу подъ предикатъ, а какое либо его свойство, какую-либо дѣятельность, вѣдь я долженъ же знать, *какое* именно свойство *и какую* дѣятельность? А позвольте спросить, знаетъ-ли кто нибудь, кромѣ развѣ врачей, какое, напр., „одно изъ качествъ болѣзни" слѣдуетъ подвести подъ общее качество „опасный"? Да и что такое сама болѣзнь, какъ не особенное состояніе организма, выражающееся въ искаженіи его естественныхъ нормальныхъ функцій? Слѣдовательно, если болѣзнь есть опредѣленное *качество* организма, разлагающееся на рядъ отдѣльныхъ признаковъ, то почему я не могу подчинять все это качество цѣликомъ общему свойству „опасный", а непремѣнно долженъ взять для этого только одинъ изъ его признаковъ? Но возьмемъ примѣръ, когда субъектомъ сужденія является понятіе не аттрибутивное, а субстанціальное: „этотъ домъ высокъ" По мнѣнію г. Ланге я не домъ подвожу въ этомъ сужденіи подъ понятіе высокихъ предметовъ, а одно изъ качествъ дома подъ общее качество „высокъ". Назовите же мнѣ, будьте добры, это самое „одно изъ качествъ"! Въ содержаніи конкретнаго понятія домъ я нахожу такія свойства, какъ матеріалъ, цвѣтъ, число этажей, число оконъ и т п Но вѣдь, конечно, ни одно изъ нихъ я не могу подвести подъ понятіе высокъ. Сверхъ указанныхъ свойствъ я разсматриваю домъ еще со стороны величины протяженія и называю его высокимъ. Однако не величину же протяженія я подвожу подъ качество „высокъ", ибо это значило бы родъ подводить подъ видовое понятіе. Что же, спрашивается, какое качество подвожу я подъ пре-

*) Ланге, учеб лог стр 49

дикатъ высокъ? Думаю, что этотъ вопросъ долженъ остаться безъ отвѣта. Слѣдовательно, если здѣсь можетъ быть вопросъ о подчиненіи, то единственно именно о подчиненіи субъекта „домъ" предикату „высокъ" Внося признакъ „высокъ" въ содержаніе понятія домъ, я тѣмъ самымъ включаю этотъ предметъ въ число высокихъ предметовъ (прежде всего, конечно, домовъ) Вѣдь сущность подчиненія и состоитъ именно во включеніи одного понятія въ объемъ другого, будетъ-ли это включеніемъ вида въ родовое или индивидуальнаго понятія (отдѣльнаго предмета) въ видовое А включеніе это дѣлается на основаніи общаго признака. Всякое растеніе, имѣющее стволъ, я включаю въ умственную группу „дерево" Всякій предметъ, который я называю краснымъ, я включаю въ группу красныхъ предметовъ; напр. эта роза красная, т е. принадлежитъ къ группѣ красныхъ розъ Все дѣло въ томъ, каковъ этотъ общій признакъ, который берется какъ основа классификаціи и подчиненія. Онъ можетъ быть или существеннымъ признакомъ (какъ, напр, обладаніе стволомъ для растенія) или несущественнымъ, какъ напр тотъ или другой цвѣтъ Но сущность процесса включенія предмета въ группу или понятія въ объемъ другого понятія отъ этого нисколько не измѣняется.

6 Дѣленію сужденій на аналитическія и синтетическія Кантъ придавалъ огромное гносеологическое значеніе По его мнѣнію въ критикѣ человѣческаго разсудка оно заслуживаетъ быть классическимъ). Въ позднѣйшее время однако взгляды на этотъ вопросъ рѣзко измѣнились Есть даже мнѣніе, по которому различеніе аналитическихъ и синтетическихъ сужденій должно быть названо совершенно неопредѣленнымъ и негоднымъ). Такое мнѣніе, конечно, слишкомъ сурово. Не безъ основанія же Кантъ предложилъ свое дѣленіе II если бы оказалось даже, что Кантъ ошибся въ выборѣ основанія, все же предложенное имъ дѣленіе имѣетъ свое значеніе „Во всѣхъ сужденіяхъ, говоритъ

*) Пролегомены, перев. Соловьева, изд 2-е, стр 22

**) Паульсенъ, Введ въ философію, стр 411

Кантъ, въ которыхъ мыслится отношеніе подлежащаго къ сказуемому, отношеніе это возможно двухъ видовъ. Или сказуемое В относится къ подлежащему А, какъ нѣчто, заключающееся въ этомъ понятіи А (скрытымъ образомъ); или В находится внѣ понятія А, хотя и состоитъ съ нимъ въ связи Въ первомъ случаѣ сужденіе называется аналитическимъ, во второмъ—синтетическимъ. Значитъ, аналитическія сужденія суть тѣ, въ которыхъ подлежащее соединяется со сказуемымъ на основаніи тожества; тѣ же сужденія, въ которыхъ они соединяются не на основаніи тожества, называются синтетическими сужденіями. Первыя можно было бы назвать изъяснительными, вторыя—расширяющими сужденіями") Если принципъ, на которомъ Кантъ основываетъ свое дѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія взять въ совершенно общемъ смыслѣ, то Кантъ разумѣется, неправъ (А именно такъ и поняли Канта его критики—Шлейермахеръ и Тределленбургъ) Въ самомъ дѣлѣ, если аналитическимъ должно называться *каждое сужденіе*, предметъ котораго уже мыслится въ содержаніи субъекта, то вѣдь тогда окажется, что всѣ сужденія необходимо разсматривать, какъ аналитическія, ибо синтетическимъ, т. е. такимъ, въ которомъ данному существу приписывается новый, еще не находящійся въ его содержаніи признакъ, сужденіе можетъ быть лишь одно мгновеніе, именно, когда новый признакъ въ первый разъ вносится въ содержаніе субъекта. Во всѣ послѣдующіе моменты то же самое сужденіе будетъ аналитическимъ, для всякаго, кто уже мыслитъ новый признакъ въ содержаніи даннаго субъекта. Но говорить, о существованіи особаго отдѣла такихъ сужденій, все бытіе которыхъ ограничивается однимъ мгновеніемъ, конечно довольно странно. Да еще большой вопросъ, актомъ-ли логическаго сужденія вносится новый признакъ въ содержаніе субъекта, а не психическимъ-ли, не поддающимся сознательному анализу синтезомъ новаго ощу-

*) Критика частаго разума, перев Владиславлева, 1867 г ст 8 р.

щенія съ представленіями, составляющими данный предметъ воспріятія? И тогда окажется, что сужденіе, даже впервые высказывающее присоединеніе новаго признака къ данному субъекту, есть уже результатъ произведеннаго синтеза и основывается такимъ образомъ на анализѣ сложнаго представленія, служащаго субъектомъ сужденія. Иначе говоря, мы должны тогда всякое сужденіе считать аналитическимъ и ни о какихъ синтетическихъ не можетъ быть и рѣчи Однако едва-ли можно допустить, чтобы Кантъ не предусматривалъ того вывода, который можно сдѣлать, если мы будемъ брать въ качествѣ предмета какіе угодно признаки, различая ихъ лишь по тому, находятся они или нѣтъ въ содержаніи субъекта Вундтъ полагаетъ, что Кантъ аналитическими сужденіями имѣлъ въ виду назвать лишь тѣ, въ субъектѣ которыхъ предметъ является необходимымъ и общезначимымъ признакомъ*). Слѣдовательно, всякое сужденіе, указывающее на существенные признаки субъекта, будетъ аналитическимъ. Подобнаго же мнѣнія держится и проф. Введенскій, который отожествляетъ аналитическія сужденія съ опредѣленіями **) Но самъ Кантъ нигдѣ не указываетъ, что онъ беретъ во вниманіе лишь одни существенные признаки Есть нѣкоторыя данныя полагать, что для Канта безразлично, какой признакъ окажется предикатомъ аналитическаго сужденія, существенный или несущественный. Такъ, напр, въ сужденіи „золото есть желтый металлъ“, которое приводится Кантомъ въ примѣръ аналитическаго сужденія***), признакъ „желтый“, конечно, не есть существенный и необходимый признакъ золота, потому что если бы нашелся металлъ бѣлаго цвѣта, но одинаковаго съ золотомъ удѣльнаго вѣса, того же самаго градуса плавкости, того же самаго свойства нерастворимости и пр., то мы безъ сомнѣнія и этотъ металлъ стали бы называть золотомъ, только бѣлымъ. Вундтъ совершенно вѣр-

---

*) Wundt, Logik, Stuttgart, 1906 г т I, стр 161

**) Введенскій, Логика, Спб 1909 г стр 104

***) Пролегомены, стр. 18

но замѣчаетъ далѣе, что аналитическимъ въ смыслѣ Канта сужденіе является лишь тогда, когда предикатомъ его окажется признакъ, неразрывно соединенный съ субъективнымъ понятіемъ при всякомъ употребленіи послѣдняго*). Вундтъ оставилъ однако безъ разъясненія, одни-ли существенные признаки должны разумѣться въ данномъ случаѣ, или этими неотдѣлимыми, постоянно присущими понятію признаками могутъ оказаться признаки и несущественные. По нашему мнѣнію дѣло слѣдуетъ понимать такимъ образомъ. каждый предметъ обладаетъ двоякаго рода признаками: есть признаки, усматриваемые въ его содержаніи уже благодаря первичному наглядному его воспріятію, и есть признаки, которые вносятся въ содержаніе даннаго предмета вслѣдствіе дальнѣйшей надъ этимъ предметомъ работы сознанія, вслѣдствіе размышленія, сравненія съ другими предметами, или опытовъ, какіе надъ нимъ могутъ производиться. И вотъ аналитическимъ сужденіемъ будетъ такое сужденіе, предикатомъ котораго является признакъ, усматриваемый въ содержаніи предмета въ силу прямого непосредственнаго воспріятія этого предмета Признакъ этотъ можетъ быть и несущественнымъ. Такъ, напр, „полная луна имѣетъ форму круга“ будетъ сужденіемъ аналитическимъ, потому что круглая форма неразрывно связана съ представленіемъ полной луны, хотя этотъ признакъ и нельзя считать существеннымъ, ибо луна не перестала бы быть луной, если бы вслѣдствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ намъ причинъ она и приняла вдругъ форму куба. Сужденіе: „треугольникъ имѣетъ три стороны“ будетъ сужденіемъ аналитическимъ, потому что обладаніе тремя сторонами мыслится уже при самомъ наглядномъ воспріятіи треугольника. Но „сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ“ есть сужденіе синтетическое, потому что равенство двумъ прямымъ угламъ получается черезъ дальнѣйшее размышленіе о треугольникѣ

*) Wundt, Ib, стр. 161

а не выводится прямо изъ самаго представленія треугольника Равнымъ образомъ и равенство чиселъ извѣстной суммы, напр. 7+5=12, должно пониматься какъ сужденіе синтетическое, ибо въ наглядномъ представлении двухъ какихъ либо слагаемыхъ или умножаемыхъ чиселъ не мыслится тотчасъ же, при первомъ же воспріятіи и сумма или произведеніе ихъ: требуется произвести извѣстное дѣйствіе, для нѣкоторыхъ иногда, при большихъ числахъ, довольно затруднительное „Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“ опять таки сужденіе синтетическое, потому что понятіе о кратчайшемъ разстояніи не мыслимо безъ сравненія прямой линіи съ другими, непрямыми линіями Если я вижу въ графинѣ какую нибудь жидкость краснаго цвѣта, то признакъ красная, употребленный какъ предикатъ, (эта жидкость красная), даетъ начало сужденію аналитическому; если же я попробую затѣмъ эту жидкость на языкъ и найду, что она кислая, то сужденіе „эта жидкость кислая“ будетъ сужденіемъ синтетическимъ, ибо основано на дальнѣйшемъ опытѣ, а не на первоначальномъ наглядномъ воспріятіи.

Если поставить дѣло такимъ образомъ, то, разумѣется, и аналитическія и синтетическія сужденія будутъ имѣть одинаковое право на существованіе, и Кантово раздѣленіе т. обр окажется совершенно вѣрнымъ. Кантъ ошибся только въ томъ, что указалъ неправильное основаніе своему дѣленію (мыслимость и немыслимость признака—предиката въ содержаніи субъекта), тогда какъ слѣдовало указать на первичность и вторичность въ происхожденіи признаковъ Не потому, напр., предикатъ „тяжелый“ даетъ начало синтетическому сужденію, что будто бы не мыслится въ общемъ понятіи тѣло*) (что совершенно невѣрно), а потому, что признакъ этотъ полученъ не путемъ первоначальнаго наглядаго воспріятія, а путемъ дальнѣйшихъ опытовъ. Предложенное нами основаніе для раздѣленія сужденій на ана-

*) Пролегомены, стр 17.

литическія и синтетическія довольно близко подходитъ къ мнѣнію Зигварта, который, разсматривая генезисъ сужденій, дѣлитъ ихъ на непосредственныя и посредственныя, причемъ непосредственныя отожествляетъ съ аналитическими, а посредственныя—съ синтетическими. „Непосредственнымъ сужденіемъ", по Зигварту, „будетъ то, основаніе котораго заключается въ самыхъ связанныхъ представленіяхъ, какъ таковыхъ Посредственнымъ же сужденіемъ будетъ то, основаніе котораго заключается въ этихъ представленіяхъ совмѣстно съ чѣмъ либо другимъ". *) А этимъ „другимъ" оказывается или собственное размышленіе или авторитетъ другихъ лицъ. Слѣдовательно, весь вопросъ въ томъ, какъ получается предикатъ сужденія. Если онъ добывается прямо изъ анализа даннаго сложнаго представленія, то сужденіе будетъ аналитическимъ, непосредственнымъ; но если прежде, чѣмъ получить его черезъ анализъ, необходимъ синтезъ новаго предиката съ даннымъ субъектомъ, предиката, открытаго или собственнымъ размышленіемъ или указаннаго мнѣ другимъ лицомъ, то сужденіе будетъ синтетическимъ, посредственнымъ Но синтезъ уже готовый, не требующій вмѣшательства чего либо „другого", есть только синтезъ, данный въ непосредственномъ первоначальномъ воспріятіи предмета. Если же этотъ синтезъ устанавливается уже послѣ того, какъ у меня есть извѣстное сложное представленіе, какимъ бы способомъ это установленіе ни происходило, я во всякомъ случаѣ долженъ отличать сужденія, возникшія благодаря этому послѣдующему синтезу, отъ тѣхъ, которыя получаются благодаря синтезу первичному. Странно, что Зигвартъ, указывая на собственное размышленіе личности, какъ на одинъ изъ способовъ установить вторичный синтезъ (синтезъ новаго признака съ даннымъ сложнымъ представленіемъ), не признаетъ такого же значенія за простымъ опытомъ, которому личность можетъ подвергнуть данный предметъ (напримѣръ, попробовать

*) Зигвартъ, Логика, перев Давыдова, Спб 1908 г т I, стр 115.

вкусъ жидкости) Что жидкость красная, я это вижу въ то же время, какъ вижу самую жидкость, но чтобы узнать, какова она на вкусъ, я долженъ сдѣлать соотвѣтствующій опытъ. Что треугольникъ имѣетъ три стороны, я вижу это тотчасъ, какъ гляжу на треугольникъ, но что сумма его внутреннихъ угловъ равна двумъ прямымъ угламъ — это мнѣ откроетъ только размышленіе Кажется ясно, что въ первомъ случаѣ опытъ играетъ ту же роль, какую во второмъ размышленіе. Итакъ если признать предложенное Зигвартомъ дѣленіе сужденій на непосредственныя (или аналитическія) и посредственныя (или синтетическія), то не иначе какъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что непосредственными будутъ лишь сужденія первичнаго синтеза, того синтеза, который уже данъ въ первоначальномъ непосредственномъ воспріятіи предмета Не менѣе страннымъ должно быть признано и то мнѣніе Зигварта, которое включаетъ указаніе авторитетныхъ лицъ (напр учителя для учениковъ) въ число способовъ, устанавливающихъ вторичный синтезъ Какъ будто такое указаніе имѣетъ какую нибудь внутреннюю логическую значимость! Какъ будто вопросъ о томъ, аналитическое или синтетическое данное сужденіе (по своей сущности) не останется одинаково открытымъ, если мы захотимъ рѣшить его не примѣнительно къ ученику, а къ тому, кто первый высказалъ данное сужденіе! Вѣдь примѣнительно къ иному ученику и аналитическое сужденіе можетъ оказаться синтетическимъ, т е взятымъ на вѣру Легко можно допустить, что не всякій ученикъ будетъ повторять сужденіе: „квадратъ заключаетъ въ себѣ четыре прямыхъ угла“ по личному убѣжденію въ необходимости заключающейся въ этомъ сужденіи связи субъекта съ предикатомъ, а лишь только потому, что такъ слышалъ отъ преподавателя геометріи. Итакъ совершенно стороннее въ данномъ случаѣ обстоятельство, именно авторитетность лицъ, не имѣетъ никакого критическаго значенія.

Такимъ образомъ, если въ изслѣдованіе Зигварта внести сдѣланную нами поправку, то дѣленіе сужденій на непосредственныя и посредственныя какъ разъ будетъ соот-

вѣтствовать предложенному нами дѣленію ихъ на сужденія первичнаго синтеза (аналитическія) и вторичнаго синтеза (синтетическія)

7 На указанное различіе между аподиктическими и ассерторическими сужденіями обыкновенно возражаютъ. я также не могу не мыслить, что тѣло упадетъ, будучи лишено опоры, ибо всѣ тѣла тяготѣютъ къ центру земли; я не могу не мыслить воду горячей, если она доведена до температуры кипѣнія Слѣдовательно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сужденіями необходимыми. (Съ такимъ значеніемъ подобныя сужденія часто и являются въ учебникахъ логики) Опираясь на эту психологическую необходимость, Зигвартъ и Ланге) отрицаютъ всякое существенное различіе между аподиктическими и ассерторическими сужденіями Но различіе это должно основываться на различіи между самыми фактами, которые отражаются въ тѣхъ и другихъ сужденіяхъ. Правда мы должны мыслить воду горячей, если она кипитъ, но при этомъ намъ необходимо допустить предпосылку: если останется неизмѣннымъ порядокъ вещей, мыслимый при существующемъ строѣ сознанія Ибо мы вполнѣ можемъ, при послѣднемъ условіи, представить такой порядокъ вещей, въ силу котораго вода при температурѣ кипѣнія не произведетъ ощущенія жгучести. Но когда мы мыслимъ то, что входитъ въ составъ свойствъ пространства, т. е. когда мы составляемъ геометрическія, ариѳмегическія или алгебраическія сужденія, то значитъ мы мыслимъ о томъ, что относится къ самому строю нашего сознанія: мы мыслимъ о томъ, посредствомъ чего мы вообще мыслимъ Вѣдь для того, чтобы мыслить о пространствѣ иначе, чѣмъ оно дано намъ, надо предположить другой строй сознанія, независимый отъ принципа различенія. Вполнѣ понятно, что мы не можемъ имѣть ни малѣйшей идеи о такомъ строѣ, потому что все, что мы только можемъ объективно представлять

*) Зигвартъ, Логика, т 1 стр. 203 и далѣе Ланге, учебникъ логики, стр 81 и далѣе.

себѣ, мы можемъ представить подъ условіемъ различенія, а объективное различеніе невозможно безъ пространства. Вотъ почему, чтобы имѣть возможность допустить, что прямая линія *не есть* кратчайшее разстояніе между двумя точками, мы должны себѣ представить эти двѣ точки какъ нибудь иначе, а не въ условіяхъ пространства, т е не въ условіяхъ различенія Такъ какъ это абсолютно для насъ невозможно, то невозможно, стало быть, и прямую линію мыслить не какъ кратчайшее разстояніе между двумя точками Отсюда слѣдуетъ, что строго аподиктическими являются собственно сужденія математическія, ибо только эти сужденія допускаютъ отрицаніе выражаемой ими связи между понятіями единственно при предположеніи совершенно иного строя сознанія, т е при предположеніи того, что для насъ абсолютно немыслимо, вслѣдствіе чего оказывается невозможнымъ мыслить и отрицаніе выражаемой ими связи Такимъ образомъ, если сужденіе представляетъ собой выраженіе факта, обусловленнаго лишь закономѣрнымъ порядкомъ естественныхъ силъ природы, то такое сужденіе есть сужденіе лишь относительно необходимое. Оно выражаетъ фактъ, который допускаетъ и иное переживаніе, хотя бы въ одномъ воображеніи. Но если сужденіе есть выраженіе одного изъ частныхъ слѣдствій самого строя нашего сознанія и говорить о замѣнѣ его же отрицаніемъ можно лишь при предположеніи отмѣны самого этого строя, то оно есть сужденіе абсолютно-необходимое Ибо мы не можемъ и въ воображеніи допустить иное переживаніе того факта, который выражается этимъ сужденіемъ

8 Благодаря парадоксальному мнѣнію Д С Милля о значеніи силлогизма для расширенія знанія, изложенному въ его извѣстной „Системѣ логики“, ни одинъ, кажется, учебникъ или научный трактатъ по логикѣ не обходится безъ изслѣдованія вопроса о значеніи силлогизма въ указанномъ отношеніи Мнѣніе Милля, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что силлогизмъ вовсе не есть орудіе къ пріобрѣтенію новыхъ знаній, что онъ пустъ и ничтоженъ по сво-

ему значенію. Это странное мнѣніе, въ силу котораго оказывается, что наше сознаніе выработало особую форму мышленія единственно ради какой-то забавы, а не въ виду серьезныхъ познавательныхъ цѣлей, находитъ себѣ, разумѣется, всегда побѣдоносное опроверженіе. Что такое силлогизмъ? Процессъ послѣдовательнаго подчиненія двухъ понятій третьему. Какую цѣль имѣетъ этотъ процессъ? Сдѣлать выводъ искомаго (слѣдовательно, до вывода неизвѣстнаго) отношенія между двумя понятіями на основаніи извѣстнаго отношенія ихъ къ одному и тому же третьему. Однако, когда я составляю силлогизмъ, могутъ быть два случая: или я дѣйствительно нуждаюсь въ силлогизмѣ, чтобы установить опредѣленное отношеніе между двумя понятіями, или я просто только пользуюсь силлогистической формой для нагляднаго, такъ сказать, разъясненія того, какъ дѣлается выводъ, вовсе не имѣя надобности въ этой формѣ, чтобы сказать то, что утверждаетъ выводъ Этотъ второй случай имѣетъ мѣсто, когда выводъ мнѣ наперед извѣстенъ, когда, чтобы высказать истину, выражаемую выводомъ, мнѣ, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности въ посылкахъ. Я уже знаю заранѣе истинность вывода, знаю, что эта истина коренится въ посылкахъ, и если привожу эти посылки, то единственно съ той цѣлью, чтобы показать, какъ бы былъ сдѣланъ этотъ выводъ, если бы я заранѣе не зналъ его. Истина такихъ положеній, что „окунь плаваетъ“, „береза приноситъ сѣмена“, „земля вращается вокругъ солнца“, „дубовыя дрова даютъ большое тепло“ и, т. д — прекрасно извѣстна каждому безъ всякихъ посылокъ и если я иногда вывожу эти положенія изъ посылокъ, то только дѣлаю видъ, что вывожу, а на самомъ дѣлѣ нисколько не нуждаюсь въ этомъ процессѣ вывода. Но бываютъ случаи, когда для того, чтобы сдѣлать выводъ, я нуждаюсь именно въ опредѣленныхъ посылкахъ, когда безъ посылокъ я дѣйствительно не могу придти къ искомому выводу. Это бываетъ, когда я лишенъ, напр, возможности непосредственно установить отношеніе между даннымъ понятіемъ и его дальнѣйшимъ родовымъ. И только, если мнѣ предста-

вится возможность установить отношеніе этого понятія къ ближайшему родовому, подчиненіе котораго данному дальнѣйшему мнѣ извѣстно, только тогда я получаю возможность установить искомую связь даннаго понятія съ дальнѣйшимъ родовымъ Представимъ себѣ, напр., что астрономъ открылъ какое нибудь новое свѣтило Спрашивается, каковъ его свѣтъ, собственный или заимствованный отъ солнца? Рѣшить этотъ вопросъ можно не иначе, какъ показавъ, къ какому отдѣлу небесныхъ тѣлъ слѣдуетъ отнести новое свѣтило: звѣзда оно или планета? Если разъ доказано, что это планета, то этимъ доказано, что свѣтъ его заимствованный, ибо всѣ планеты свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ Слѣдовательно, вы пріобрѣли новое знаніе благодаря тому знанію, которое заключалось въ большей посылкѣ. Силлогизмъ, который вы въ данномъ случаѣ построили, выражаетъ дѣйствительно тотъ путь, благодаря которому вы пришли къ выводу, расширившему ваше познаніе. Посылки здѣсь нужны были не для того, чтобы показать, какъ дѣлается выводъ, а для того, чтобы дѣйствительно установить требуемое заключеніе, которое безъ этихъ посылокъ не представлялось вамъ извѣстнымъ. Даже въ обыкновенныхъ житейскихъ случаяхъ мы весьма нерѣдко прибѣгаемъ къ силлогизму, чтобы добраться до того отношенія между понятіями, которое намъ требуется Вы входите, напр , въ купэ желѣзно-дорожнаго вагона и на противоположномъ диванчикѣ, отъ занятаго вами, видите какого-то спящаго субъекта, лежащаго къ вамъ спиной и такъ, что лица не видно Васъ интересуютъ дальнѣйшія отношенія ваши во время пути къ этому субъекту, которыя могутъ принять тотъ или другой характеръ въ зависимости отъ того, интеллигентное лицо этотъ субъектъ или нѣтъ Чтобы рѣшить послѣдній вопросъ, вы обращаетесь къ проходящему кондуктору, не знаетъ-ли онъ, кто этотъ господинъ? „А, это г. профессоръ NN“, отвѣчаетъ кондукторъ. Профессоръ! Значитъ вашъ вопросъ рѣшенъ: это человѣкъ интеллигентный Отвѣтъ кондуктора далъ вамъ тотъ средній терминъ, который установилъ возможность опредѣлен-

нымъ образомъ связать то, что вы искали связать. Теперь представьте себѣ, что когда вы строите силлогизмъ, вамъ напередъ извѣстенъ выводъ, который долженъ получиться изъ посылокъ Если выводъ извѣстенъ, то онъ можетъ мыслиться не иначе, какъ уже включеннымъ въ большую посылку. Потому что если большая посылка и не представляетъ простого суммированія опредѣленныхъ частныхъ фактовъ, а выражаетъ собой законъ, добытый на основаніи совсѣмъ другихъ соображеній (напр то, что всѣ планеты вращаются вокругъ солнца, можетъ быть выведено не изъ непосредственныхъ наблюденій надъ движеніемъ каждой планеты въ отдѣльности, а изъ процесса самаго образованія планетной системы), тѣмъ не менѣе разъ выводъ вамъ извѣстенъ, вы не можете не включить его въ большую посылку. Ибо въ противномъ случаѣ падаетъ достовѣрность самой этой посылки Вотъ это-то обстоятельство, что при извѣстномъ заранѣе выводѣ вы не можете не мыслить его включеннымъ въ большую посылку, и создаетъ иллюзію, что будто силлогизмъ не даетъ ничего новаго, что въ выводѣ мы будто бы утверждаемъ лишь то, что уже мыслится нами въ большей посылкѣ Это и случилось съ Миллемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для своего разсужденія Милль взялъ такой примѣръ: всѣ люди смертны; Сократъ человѣкъ, слѣдов., Сократъ смертенъ [1]). Смерть Сократа извѣстна каждому, какъ историческій фактъ, безъ всякаго вывода Слѣдовательно, о смерти Сократа вы обязательно мыслите уже, когда говорите, „всѣ люди смертны". И вотъ такое отношеніе между выводомъ и большей посылкой Милль разсматриваетъ какъ общее правило Но Милль, по совершенно вѣрному замѣчанію г проф Введенскаго [2]), упустилъ изъ виду то обстоятельство, что бываютъ случаи, когда для того, чтобы связать два данныхъ понятія, необходимо посредствующее между ними звено, необходимъ средній терминъ. И вотъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта необхо-

---

[2]) Система логики, перев Ивановскаго, стр 145.

[1]) Логика, стр. 213

димость дѣйствительно существуетъ, силлогизмъ, безспорно, расширяетъ наше познаніе, ибо благодаря среднему термину устанавливается достовѣрность той связи понятій, которая не была для насъ очевидна.

Итакъ, если хотите имѣть вѣрную точку зрѣнія на значеніе силлогизма, ищите другихъ примѣровъ, а не берите такихъ, которые подобны примѣру Милля; ибо всѣ подобные примѣры, гдѣ выводъ полагается заранѣе извѣстнымъ, помогаютъ лишь разъясненію того, изъ какихъ частей состоитъ силлогизмъ и какъ дѣлается выводъ Но на основаніи этихъ примѣровъ трудно, конечно, придти къ заключенію, что силлогизмъ дѣйствительно можетъ расширить наше знаніе и что, слѣдовательно, не всегда въ немъ содержится petitio principii.

9 Г. проф Введенскій въ своей „Логикѣ“ отрицаетъ логическую значимость условныхъ силлогизмовъ, обратныхъ указанныхъ выше видамъ По его мнѣнію, если иногда оказывается возможность отъ утвержденія слѣдствія заключать къ утвержденію условія, то эта возможность лишь кажущаяся, зависящая отъ того, что члены условнаго *сужденія* могутъ не совпадать съ членами условнаго *предложенія*, т. е то, что напр въ условномъ сужденіи собственно есть основаніе, въ предложеніи можетъ быть выражено въ видѣ слѣдствія Такъ, напр , въ условномъ силлогизмѣ· „если былъ морозъ, то рѣка замерзла, а рѣка замерзла, слѣдов. морозъ былъ“, мы будто бы логическимъ основаніемъ полагаемъ „рѣка замерзла“, а не существованіе мороза*) Но, спрашивается, почему мы имѣемъ право полагать замерзаніе рѣки основаніемъ, когда фактически, реально это есть всегда слѣдствіе мороза? Вѣдь не потому морозъ существуетъ, что рѣка замерзла, а потому рѣка замерзла, что существуетъ морозъ. Но такъ какъ замерзаніе рѣки есть слѣдствіе *только* мороза (съ чѣмъ согласенъ и г Введенскій), то въ логическомъ отношеніи для насъ и безразлично, что пола-

*) Логика, изд С-пб. ж курсовь. 1909 г.стр 201—202

гать основаніемъ морозъ-ли или замерзаніе рѣки Это зависитъ отъ того, что для насъ важнѣе подчеркнуть: наличность-ли мороза или наличность замерзанія рѣки. Слѣдовательно, это вовсе не просто пріемъ выраженія, когда мы утверждаемъ слѣдствіе: это значитъ, что намъ, согласно ходу мыслей, нужно придти къ утвержденію условія Мы это и дѣлаемъ, когда имѣемъ къ тому возможность, т. е когда слѣдствіе зависитъ только отъ одного условія. Такимъ образомъ форма предложенія нисколько не расходится здѣсь съ опредѣленной логической значимостью. Вѣдь вовсе не все равно, сказать-ли „Если былъ морозъ, то рѣка замерзла, а рѣка замерзла, слѣдов. морозъ былъ“ или „если рѣка замерзла, то морозъ былъ, но морозъ былъ, слѣдов рѣка замерзла“ Въ 1-мъ случаѣ мы стремимся утвердить, былъ ли морозъ, а во 2-мъ—замерзла-ли рѣка. Такимъ образомъ полагать, что въ случаѣ утвержденія слѣдствія это послѣднее лишь грамматически является слѣдствіемъ, а логически должно считаться основаніемъ, нѣтъ никакихъ резонныхъ поводовъ И логически и грамматически условіе одинаково является условіемъ и слѣдствіе слѣдствіемъ. Только въ извѣстномъ случаѣ, именно когда слѣдствіе зависитъ отъ одного единственнаго условія, мы можемъ, въ виду опредѣленной цѣли, ставить ихъ одно на мѣсто другого*)

10. Быть можетъ, впрочемъ, аналогію можно выдѣлить какъ особый типъ умозаключенія на основаніи такого отличительнаго признака, въ силу котораго ее можно будетъ поставить какъ самостоятельное соподчиненное понятіе на ряду съ индукціей и дедукціей? Это и дѣлается нѣкоторыми логиками, которые отличаютъ аналогію отъ индукціи и дедукціи (заключеній отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному), какъ заключеніе отъ частнаго къ частному Съ этимъ можно было бы, пожалуй, согласиться, если бы только имѣлась возможность признать одинаковое право

---

*) Болѣе подробный разборъ этого мнѣнія г Введенскаго можно найти у г. Продана въ его книгѣ „Новая логика“, стр 165

подобнаго умозаключенія на логическую значимость, какимъ обладаютъ два остальные типа Не говоря уже о томъ, что развитое сознаніе рѣдко заключаетъ отъ частнаго къ частному, а чаще отъ частнаго къ общему или же обратно, едва-ли возможно допустить, чтобы такой видъ умозаключенія имѣлъ значительное мѣсто даже и въ малоразвитомъ сознаніи, напр у дѣтей. Вѣдь заключать отъ частнаго къ частному значитъ заключать отъ даннаго предмета къ тому же самому предмету или къ какому-либо другому отдѣльному, единичному предмету. Ибо если мы будемъ заключать отъ даннаго предмета ко всѣмъ, ему подобнымъ, то это будетъ уже заключеніемъ отъ частнаго къ общему. А вѣдь дитя, обжегши палецъ о пламя свѣчки, боится потомъ не только этой самой свѣчки, вставленной, положимъ, въ мѣдный подсвѣчникъ, а и всякой другой, въ какой бы подсвѣчникъ она ни была вправлена. Равнымъ образомъ, если вы больно прибили вашу собаку тонкой и черной тростью, то это не значитъ, чтобы собака боялась потомъ только именно этой трости: она точно также убѣжитъ отъ васъ, если въ другомъ случаѣ вы погрозите ей и бѣлой толстой палкой. Иными словами, собака, разъ попробовавши палку, будетъ бояться всякой палки, а не только одной опредѣленной. Отсюда слѣдуетъ, что и мало-развитое сознаніе заключаетъ, собственно говоря, отъ частнаго къ общему, т е. поступаетъ всегда такъ, какъ будто бы заключало именно такимъ образомъ.

Однако, скажутъ намъ, заключая, напр, о населенности Марса, вслѣдствіе сходства этой планеты во многихъ признакахъ съ Землей, что дѣлаемъ мы, какъ не заключаемъ отъ частнаго къ частному? Но, отвѣтимъ мы, такое предположеніе о населенности мы въ правѣ сдѣлать не только о Марсѣ, но и о всѣхъ планетахъ, поставленныхъ въ одинаковыя съ Марсомъ условія существованія. Марсъ является лишь ближайшимъ и лучше намъ извѣстнымъ примѣромъ. И только лишь въ томъ случаѣ, если бы вся вселенная ограничивалась для насъ нашей солнечной системой, мы дѣйствительно заключали бы отъ земли

къ одному Марсу, т. е. дѣлали бы выводъ отъ частнаго къ частному Но такъ какъ небесные міры, какъ и все во вселенной, включены въ законъ повторяемости явленій, то для насъ не существуетъ и этотъ воображаемый случай неповторяемости, для котораго нашелъ бы себѣ примѣненіе выводъ отъ частнаго къ частному Быть можетъ, то обстоятельство, что мы для нашихъ заключеній по аналогіи беремъ весьма часто не весь классъ, а въ силу разныхъ причинъ ограничиваемся отдѣльнымъ предметомъ даннаго класса, и послужило основаніемъ къ тому, что на аналогію стали смотрѣть какъ на заключеніе отъ частнаго къ частному Но выводъ отъ частнаго къ частному могъ бы служить отличительнымъ признакомъ аналогіи, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если бы аналогія только и давала подобный выводъ Однако это не такъ Вѣдь не надо забывать, что рядомъ съ отдѣльнымъ предметомъ всегда стоитъ классъ, видъ, на который можно, а иногда даже должно распространить то же самое заключеніе, и въ который данный предметъ включается Даже заключеніе отъ качества литературнаго труда какого нибудь писателя къ качествамъ другого его произведенія не есть исключительно заключеніе отъ частнаго къ частному, потому что рядомъ съ сдѣланнымъ заключеніемъ отъ качества даннаго произведенія къ качествамъ другого стоитъ мысль о возможности точно такого же заключенія о всѣхъ вообще произведеніяхъ автора Аналогія такимъ образомъ неразрывно связана съ обобщеніемъ Ибо предположивъ, что признакъ X, присущій предмету β, долженъ принадлежать и предмету α, имѣющему съ β сходство въ признакахъ b и c, мы тотчасъ же распространяемъ это предположеніе и на весь классъ A, къ которому относится предметъ α, послужившій намъ примѣромъ. Какъ въ индукціи мы, произведя опытъ надъ отдѣльнымъ предметомъ, знаемъ напередъ, что результатъ опыта будетъ распространенъ на весь классъ, къ которому данный предметъ относится, такъ и въ аналогіи, предположивъ принадлежность признака X предмету α, по сходству послѣдняго съ β, мы знаемъ напередъ, что этотъ признакъ X будетъ отнесенъ и ко

всему классу А, изъ котораго взятъ этотъ предметъ. Слѣдовательно, аналогія столько же есть заключеніе отъ частнаго къ частному, сколько и отъ частнаго къ общему. Заключеніе отъ частнаго къ частному въ строгомъ смыслѣ этого слова возможно лишь въ томъ случаѣ, когда дѣлается отъ единичнаго къ совершенно единичному предмету, т. е. къ такому, который не входитъ въ составъ объема какого-либо понятія. Спрашивается, много-ли можно найти такихъ предметовъ? Слѣдовательно, то, что считается нѣкоторыми за отличительный признакъ аналогіи—выводъ отъ частнаго къ частному—есть собственно частный случай этого пріема заключенія, обусловленный положеніемъ въ системѣ понятій тѣхъ предметовъ, между которыми дѣлается заключеніе. А затѣмъ, заключая иногда отъ частнаго къ частному, мы дѣлаемъ это не въ силу логическихъ требованій, а просто по практическимъ соображеніямъ, когда, напр., намъ важнѣе опредѣлить наши отношенія не ко всему классу, а именно къ отдѣльному предмету этого класса. Такъ если мы провели пріятное лѣто въ деревнѣ, стоящей при большой рѣкѣ и окруженной лѣсомъ, то будемъ того же ожидать и отъ дачнаго пребыванія въ другой опредѣленной деревнѣ, тоже расположенной при рѣкѣ и по сосѣдству съ лѣсомъ. Для насъ важнѣе въ данномъ случаѣ держать въ мысли именно эту деревню, потому что мы въ нее отправляемся, чѣмъ общее соображеніе о томъ, что всякая деревня, отвѣчающая указаннымъ условіямъ, способна доставить намъ пріятное времяпровожденіе лѣтомъ.

11. Какъ мы должны пользоваться опытомъ и наблюденіемъ при изученіи причиннаго отношенія въ сложныхъ явленіяхъ и составляетъ собственно задачу указанныхъ четырехъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія. Мы должны наблюдать, какое изъ предшествующихъ, при перемѣнѣ остальныхъ, повторяется при повтореніи того же послѣдующаго или при удаленіи какого изъ данныхъ предшествующихъ исчезаетъ и данное послѣдующее, или при измѣненіи какого изъ предшествующихъ измѣняется и данное послѣдующее или, наконецъ, какое изъ предшествующихъ остает-

ся, если объ остальныхъ извѣстно, что они не могутъ быть причиною даннаго послѣдующаго Только будто бы порядокъ такого наблюденія приведетъ насъ къ знанію того, какое изъ предшествующихъ должно считаться причиною даннаго послѣдующаго Но очевидно, что если только такой порядокъ изслѣдованія можетъ привести насъ къ открытію среди предшествующихъ того, что должно считаться причиною даннаго послѣдующаго, то это обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ранѣе использованія того или другого метода мы смотримъ на каждое изъ предшествующихъ какъ на имѣющее право оказаться дѣйствительною причиною даннаго послѣдующаго. Методъ совпаденія (иначе—согласія) только тогда, напр, можетъ имѣть какое-либо значеніе, какъ методъ открытія, когда наблюдатель лишенъ возможности сдѣлать между предшествующими выборъ того изъ нихъ, которому предпочтительно слѣдуетъ усвоить причинное значеніе для даннаго послѣдующаго. Тогда, дѣйствительно, повтореніе одного и того же послѣдующаго явленія при повтореніи *взятаго на удачу* одного изъ предшествующихъ, въ то время какъ происходитъ послѣдовательная перемѣна всѣхъ остальныхъ предшествующихъ, укажетъ намъ, что это повторяющееся предшествующее имѣетъ всего болѣе правъ на то, чтобы считаться причиною даннаго послѣдующаго Но, спрашивается, много-ли бываетъ такихъ случаевъ? Не гораздо-ли чаще дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что у наблюдателя зарождается предположеніе о причинномъ отношеніи двухъ соединенныхъ послѣдовательной связью явленій тотчасъ же, какъ произошло наблюденіе этой связи, и всѣ послѣдующіе случаи повторенія одного и того же предшествующаго среди прочихъ мѣняющихся окажутся лишь подтвержденіемъ сдѣланной уже догадки? Самъ Милль, впрочемъ, усваивающій своимъ методамъ значеніе методовъ открытія, склоненъ однако разсматривать ихъ и какъ методы доказательствъ сдѣланнаго предположенія о причинной связи явленій[1]) Если же Милль считаетъ эти методы пре-

[1]) Д С Милль Система логики, перев Ивановскаго, стр 349

имущественно за методы открытія, то это объясняется невѣрнымъ взглядомъ его на то, какъ мы приходимъ къ установленію причины Милль въ этомъ отношеніи вполнѣ присоединяется ко взгляду Юма, что необходимость видѣть два явленія соединенными причинной связью обусловливается привычкой воспринимать ихъ неизмѣнную послѣдовательность Методы же, формулированные Миллемъ, именно и констатируютъ повторяемость двухъ послѣдующихъ явленій при перемѣнѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, слѣдов. констатируютъ неизмѣнную послѣдовательность этихъ явленій. Этого же, по мнѣнію Милля, вполнѣ достаточно, чтобы открыть между явленіями причинное отношеніе (ибо понятіе о причинѣ, по его мнѣнію, порождается единственно привычкою мыслить неизмѣнно связанными послѣдовательностью идеи о такихъ явленіяхъ, которыя и въ опытѣ постоянно соединены послѣдовательностью).

„Неизмѣнное предыдущее, говоритъ Милль, называется причиной, неизмѣнное послѣдующее—слѣдствіемъ". Но Милль, устанавливая такое понятіе о причинѣ, не упустилъ однако изъ вниманія, что не всякая неизмѣнная послѣдовательность можетъ быть послѣдовательностью причинной Онъ соглашается съ возраженіемъ Рида, что если за причину считать то предыдущее, за которымъ неизмѣнно *слѣдовало* въ нашемъ прошломъ опытѣ данное послѣдующее, то ночь надо было бы признать причиной дня, а день—причиной ночи Поэтому Милль къ своему объясненію причины добавляетъ, что для пониманія слова „причина" необходимо, чтобы мы были увѣрены не только въ томъ, что за предыдущимъ всегда *слѣдовало* послѣдующее, но что оно всегда *будетъ слѣдовать* за нимъ, пока будетъ существовать современный строй вещей. А этого нельзя сказать относительно дня и ночи"[1]). Итакъ оказывается, что только та неизмѣнная послѣдовательность двухъ явленій можетъ быть поставлена въ причинное отношеніе, которая согласна

[1]) Ib стр 260

[1]) Ib стр 270

съ существующимъ строемъ вещей Прекрасно Но если бы понятіе о существующемъ строѣ вещей не заключало въ себѣ никакой другой идеи, кромѣ идеи неизмѣнной послѣдовательности, то мы, очевидно, не могли бы двинуться съ мѣста въ объясненіи, что слѣдуетъ разумѣть подъ причиной Слѣдовательно, прибѣгая къ этому понятію, мы вносимъ въ объясненіе причины еще какую-то другую идею. Дѣйствительно, въ понятіе о существующемъ строѣ міра входитъ не только идея, что данное предыдущее неизмѣнно предшествуетъ данному послѣдующему, но и то, что это предыдущее есть факторъ въ той кооперации, результатомъ которой является данное послѣдующее Вѣдь не потому только мы считаемъ восходъ солнца за причину дня, что за этимъ восходомъ неизмѣнно слѣдовалъ всегда день (ибо такая простая послѣдовательность ничѣмъ бы не отличалась отъ неизмѣнной послѣдовательности дня и ночи), а потому, что считаемъ солнце необходимымъ факторомъ въ той кооперации (солнце+колебаніе эфира+положеніе земли+раздраженіе нашего органа зрѣнія), въ результатѣ которой получается впечатлѣніе свѣта, т е. дня. И обыкновенное наивное сознаніе потому считаетъ солнце за причину дня, что видитъ въ солнцѣ дѣятеля, который несетъ съ собой свѣтъ и теплоту. Что самъ опытъ научаетъ насъ считать одно единообразіе послѣдовательности условнымъ, а другое „безусловнымъ", т. е. причиннымъ, это, конечно, не подлежитъ спору. Но Милль совершенно напрасно не соглашается съ однимъ изъ своихъ критиковъ, что увѣренность въ томъ, что солнце есть причина дня, „не порождается однимъ нашимъ наблюденіемъ послѣдовательности". Это будто бы значитъ, по Миллю, забывать, что мы дважды (когда небо ясно) въ теченіе каждыхъ двадцати четырехъ часовъ имѣемъ *experimentum crucis*, доказывающій, что причиною дня служитъ солнце.") Да это такъ, но именно только потому, что мы связываемъ здѣсь съ солнцемъ идею о факторѣ, дѣятелѣ Безъ этой идеи этотъ experimentum crucis ничего бы

") Милль, Логика, перев Ивановскаго, стр. 271.

не доказывалъ, кромѣ простой послѣдовательности. И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что намъ неопровержимо доказано, что пространство между солнцемъ и землей абсолютно пусто, что нѣтъ никакого ни истеченія отъ солнца свѣтовой матеріи, ни колебанія эфира, которое производится солнцемъ, что, слѣдовательно, между солнцемъ и нашимъ органомъ зрѣнія не можетъ быть установлена никакая кооперація Неужели мы и тогда продолжали бы считать солнце причиною дня только потому, что за появленіемъ солнца неизмѣнно наступаетъ день? Не сочли-ли бы мы нужнымъ искать какого нибудь условія, которое могло бы объяснить намъ фактъ этой неизмѣнной послѣдовательности? Не прибѣгли-ли бы въ крайнемъ случаѣ къ теоріи „предустановленной гармоніи“?

Такимъ обр. ясно, кажется, что для того, чтобы открыть, какое изъ совокупности предшествующихъ должно считаться причиною даннаго явленія, методы Милля вовсе не являются единственнымъ и наиболѣе надежнымъ руководствомъ. Проф Введенскій совершенно вѣрно смотритъ на методы Милля какъ на методы доказательства возникшей ранѣе догадки о причинной связи двухъ явленій. Эта же догадка въ большинствѣ случаевъ есть, по нашему мнѣнію предположеніе о томъ, что данное явленіе можетъ разсматриваться какъ факторъ въ той кооперации, которая предшествуетъ данному послѣдующему явленію. Пусть это представленіе о способѣ участія даннаго явленія въ предшесвующей кооперації можетъ оказаться потомъ ложнымъ, но если только есть возможность допустить въ извѣстное время это представленіе, оно является для своего времени основаніемъ къ тому, чтобы считать подпавшее подъ него одно изъ предшествующихъ явленій за дѣйствителчную причину даннаго послѣдующаго То же предшествующее, о которомъ нельзя сдѣлать никакого предположенія относительно того, чтобы оно могло быть факторомъ въ кооперации, имѣющей результатомъ данное послѣдующее, никогда не можетъ быть поставлено въ причинное отношеніе къ этому послѣдующему Здѣсь мы можемъ констатировать

лишь простую послѣдовательность. Пусть, напр., въ теченіе чуть не всей моей жизни мнѣ ни разу не удалось такъ придти на станцію трамвая, чтобы не подождать вагона болѣе или менѣе значительное время, хотя я старался точно наблюдать сроки расписанія По теоріи Милля и Юма такая неизмѣнная послѣдовательность между моимъ прибытіемъ на станцію и опозданіемъ вагона должна вести къ заключенію о ихъ причинной связи Но, конечно, я воздержусь отъ такого заключенія и буду считать такую послѣдовательность чисто случайной, хотя бы я могъ и еще тысячу разъ быть ея свидѣтелемъ. Потому что я никакими соображеніями не могу открыть, что бы мое прибытіе могло являться въ качествѣ фактора въ той кооперації, результатомъ которой должно оказаться опозданіе вагона. Для того, чтобы догадаться, что между разложеніемъ солнечнаго луча на цвѣта радуги и прохожденіемъ его черезъ призму существуетъ причинная связь, нѣтъ надобности въ предварительныхъ наблюденіяхъ надъ прохожденіемъ луча черезъ многія различныя прозрачныя тѣла, болѣе или менѣе призматической формы. Эта догадка легко можетъ возникнуть и въ силу наблюденія надъ одной призмой, если мы имѣемъ возможность представить себѣ, въ чемъ можетъ состоять кооперація между прохожденіемъ луча и отсутствіемъ параллельности въ двухъ поверхностяхъ прозрачнаго тѣла (принимающей и выпускающей лучъ) Напротивъ, если бы мы не имѣли никакой возможности составить догадку о подобной кооперації, то самыя многочисленныя и разнообразныя наблюденія надъ прохожденіемъ луча черезъ тѣла съ указанными поверхностями не помогли бы намъ установить, что причиной радужнаго разложенія луча является именно тѣло съ непараллельными поверхностями, черезъ которыя входитъ и выходитъ лучъ.

Равнымъ образомъ, для того, чтобы установить причину смерти организмовъ отъ дѣйствія различныхъ металлическихъ ядовъ, достаточно одного наблюденія надъ тѣмъ, что органическая ткань, пропитанная кислотами или солями этихъ ядовъ, теряетъ способность къ разложенію Это одно

уже наведетъ естествоиспытателя, какъ вѣроятно и навело Либиха, на мысль, что это соединеніе солей и кислотъ съ органической тканью, обусловливающее неразложимость послѣдней, и есть причина смерти организма, такъ какъ органическая жизнь состоитъ въ непрерывномъ разложеніи и обновленіи тканей организма. Но если бы естествоиспытатель не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что разложеніе и возстановленіе ткани составляетъ сущность жизненнаго процесса организмовъ, то всѣ наблюденія надъ неспособностью органической ткани разлагаться, когда она пропитана кислотами или солями металлическихъ ядовъ, едва-ли бы внушила ему мысль, что это и есть причина смерти организмовъ.

Если постоянное повтореніе двухъ связанныхъ послѣдовательностью явленій, при перемѣнѣ прочихъ предшествующихъ, не сопровождается соображеніемъ о томъ, какое мы можемъ приписать участіе данному предшествующему въ кооперації, обусловливающей послѣдующее явленіе, то указанное повтореніе дастъ намъ лишь намекъ на то, въ какомъ направленіи надо искать причину, но еще далеко не позволитъ намъ видѣть именно въ этомъ повторяющемся предыдущемъ искомую причину даннаго послѣдующаго Такъ наблюденіе надъ тѣмъ, что вращеніе плоскости поляризаціи и присутствіе въ тѣлахъ, обнаруживающихъ это свойство, ассиметрическаго углерода есть фактъ постояннаго совпаденія, можетъ лишь создать предположеніе, что эти два явленія связаны причиннымъ отношеніемъ *). Но мы не имѣемъ никакого права категорически утверждать единственно на основаніи этого совпаденія, что ассиметрическій углеродъ и есть причина вращенія плоскости поляризаціи, ибо мы не имѣемъ никакого представленія о томъ, въ чемъ состоитъ кооперація свѣтового луча и ассиметрическаго углерода, которая въ результатѣ даетъ вращеніе плоскости поляризаціи Достаточно одного примѣра, гдѣ бы присутствіе ассиметрическаго углерода не сопровождалось

*) Объ этомъ примѣрѣ см учебникъ Ланге, стр 231

вращеніемъ плоскости поляризаціи, чтобы мы тотчасъ же совершенно легко покинули мысль о предположеніи видѣть причинную связь между этими явленіями Между тѣмъ мы не можемъ допустить, чтобы могъ открыться такой фактъ, какъ отсутствіе спектра въ случаѣ прохожденія луча черезъ призму или появленіе спектра въ обратномъ порядкѣ при одинаковомъ положеніи призмы Если бы вдругъ могъ оказаться въ дѣйствительности такой фактъ, онъ бы привелъ насъ въ величайшее изумленіе и заставилъ бы насъ искать причину такого уклоненія его отъ общаго закона. Вотъ въ чемъ состоитъ разница, когда причинная связь усваивается данной послѣдовательности въ силу теоретическихъ соображеній и когда она приписывается этой послѣдовательности только на основаніи простого повторенія послѣдней Изъ всѣхъ методовъ всего чаще можетъ служить методомъ открытій лишь методъ остатковъ. Но если мы обстоятельнѣе вникнемъ въ классическій примѣръ научнаго примѣненія этого метода (открытіе астрономомъ Леверье планеты Нептуна), то легко увидимъ, что сила причиннаго отношенія между необъясненными уклоненіями въ движеніи Урана и предполагаемой планетой состоитъ не столько въ томъ, что эта предполагаемая планета остается единственнымъ предшествующимъ для этихъ уклоненій, но въ томъ, главнымъ образомъ, что она не выходитъ изъ круга той кооперации между Ураномъ и другими небесными тѣлами, которыми объясняются вообще уклоненія въ его движеніяхъ Ибо если бы оставшееся за вычетомъ всѣхъ остальныхъ предыдущихъ явленіе не могло быть понято какъ одинъ изъ факторовъ данной кооперации, оно опять указывало бы лишь на возможность искать именно здѣсь причинную связь для данной послѣдовательности, но не могло бы вести къ категорическому утвержденію этой связи

Мы уже имѣли случай замѣтить, что и методъ совпаденія можетъ, пожалуй, служить методомъ открытія причинной связи, но это единственно въ томъ случаѣ, когда всѣ предшествующіе изъ даннаго ихъ комплекса могутъ имѣть равное притязаніе на право считаться причиною дан-

наго послѣдующаго, т е. когда о каждомъ изъ нихъ у насъ есть представленіе, какъ о возможномъ факторѣ въ той кооперації, результатомъ которой является данное послѣдующее Но въ научной практикѣ подобный случай такъ рѣдокъ, что даже самъ Милль не могъ найти лучшаго примѣра для оправданія метода совпаденія, какъ указанный уже примѣръ открытія Либихомъ причины губительнаго дѣйствія металлическихъ ядовъ на жизнь организмовъ. Между тѣмъ этотъ примѣръ лишь съ великой натяжкой можетъ быть подведенъ подъ методъ совпаденія, ибо наблюденіе надъ тканью организма, умершаго отъ дѣйствія какого нибудь изъ металлическихъ ядовъ, не есть *новый* случай наблюденія, а *тожественный* съ наблюденіемъ надъ живой тканью этого организма. Вѣдь дѣйствію яда подвергался живой организмъ, и если наблюденіе указывало потомъ, что мертвая ткань этого организма, пропитанная солью яда, противится разложенію, то не ясно-ли, что это противодѣйствіе должно было начаться еще въ живой ткани организма, что и вызвало смерть послѣдняго, ибо, намъ извѣстно, что разложеніе ткани есть одинъ изъ факторовъ жизненнаго процесса. Этимъ именно обстоятельствомъ, т е. трудностью найти среди дѣйствительно научныхъ опытовъ соотвѣтствующіе примѣры для оправданія метода совпаденія, и объясняется тотъ странный фактъ, что въ учебникахъ логики нерѣдко можно встрѣтить примѣры, придуманные для этого метода самими составителями (см. учебники Струве, Челпанова), примѣры, которые, конечно, нельзя не считать малоудачными

Итакъ, если намъ данъ комплексъ предшествующихъ явленій и намъ предстоитъ задача опредѣлить, какое изъ этихъ предшествующихъ должно считаться причиною даннаго послѣдующаго, то дѣло прежде всего должно начаться съ выбора того изъ этихъ предшествующихъ, которое въ силу опредѣленныхъ теоретическихъ соображеній всего скорѣе можетъ быть разсматриваемо какъ искомая причина Наблюденіе же повторяемости послѣдовательности между этимъ явленіемъ и даннымъ послѣдующимъ при пере-

мѣнѣ остальныхъ предыдущихъ или связь отсутствія этого предыдущаго съ отсутствіемъ даннаго послѣдующаго явится подтвержденіемъ нашего выбора. И въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть полное категорическое установленіе причиннаго отношенія между двумя явленіями. Но если располагая наблюденіемъ какой нибудь постоянной послѣдовательности мы не имѣемъ возможности внести сюда соображенія, что данное явленіе стоитъ въ причинной связи съ даннымъ послѣдующимъ явленіемъ, то, значитъ, мы не можемъ признать въ этой послѣдовательности установленіе дѣйствительно причинной связи Вотъ поправка, которую слѣдуетъ сдѣлать къ методамъ Милля, какъ методамъ открытія причинной связи въ случаяхъ сложности предшествующихъ явленій.

Есть два вида послѣдовательности: простая и причинная Весь вопросъ въ томъ, чѣмъ отличается послѣдняя отъ первой, или, иначе сказать, что дѣлаетъ изъ простой послѣдовательности послѣдовательность причинную. Эмпирическая школа во главѣ съ Юмомъ и Миллемъ рѣшаетъ этотъ вопросъ очень просто: привычка видѣть въ постоянной безусловной послѣдовательной связи два явленія заставляетъ насъ предыдущее считать причиной, а послѣдующее ея слѣдствіемъ. Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, хотя бы мы и привыкли видѣть въ неразрывной послѣдовательной связи два какихъ нибудь явленія, мы не назовемъ предыдущее причиной, если не усматриваемъ какимъ образомъ это предыдущее могло бы явиться однимъ изъ факторовъ той кооперації, результатомъ которой оказывается данное послѣдующее (мы должны принять, какъ непреложную истину, что каждое слѣдствіе есть результатъ кооперации по крайней мѣрѣ двухъ факторовъ). Если бы повтореніе было дѣйствительно единственной причиной образованія привычки считать предшествующее причиной, а послѣдующее слѣдствіемъ, то тогда нельзя было бы объяснить того обстоятельства, почему иногда единственный случай послѣдовательности безъ всякаго повторенія считается нами случаемъ не простой, а причинной послѣдовательности. Если при входѣ въ

комнату одного лица другое изъ присутствующихъ здѣсь лицъ упало въ обморокъ, то для насъ достаточно узнать, что это вошедшее лицо оказалось потомъ, положимъ, личностью дорогою, для упавшаго въ обморокъ лица, при чемъ эта дорогая личность считалась этимъ лицомъ давно умершею, достаточно, говоримъ, узнать это, чтобы поставить эти два событія (появленіе одного лица и обморокъ другого) въ связь причинной послѣдовательности. Если бы связь причинности устанавливалась единственно повтореніемъ, то мы оказались бы въ безпомощномъ положеніи рѣшить, какая послѣдовательность была предметомъ наблюденія въ указанномъ случаѣ: простая или причинная

12 Въ рѣшеніи вопроса о томъ, какіе процессы мысли должны быть отнесены къ индукціи, а какіе къ дедукціи, мы наталкиваемся на изрядную путаницу Путаница эта, какъ кажется, происходитъ оттого, что редукцію, процессъ дедуктивный, часто смѣшиваютъ съ индукціей. Чтобы выбраться изъ этой путаницы, надо выяснить, что такое редукція и отчего происходитъ возможность смѣшенія ея съ индукціей Редукціей называется подведеніе частнаго положенія подъ общее Иначе сказать, это не что иное, какъ указаніе на то общее положеніе, которое можетъ играть роль большей посылки для данныхъ частныхъ положеній, разсматриваемыхъ какъ меньшая посылка и какъ заключеніе. Такъ если намъ даны два положенія: „ржавчина есть продуктъ соединенія кислорода съ желѣзомъ, слѣдоват ржавчина есть продуктъ окисленія“, то пріемъ редукціи будетъ состоять въ присоединеніи къ этимъ положеніямъ большей посылки: „всякое соединеніе съ кислородомъ есть окисленіе“. Но понятно, что это общее положеніе мы нашли не путемъ признанія того факта, что ржавчина есть соединеніе кислорода съ желѣзомъ Мы нашли его путемъ усмотрѣнія сходства между фактами повидимому совершенно различными (ржавчина и горѣніе), сходства, состоящаго въ томъ, что въ обоихъ разрядахъ этихъ фактовъ присутствуетъ участіе одного и того же дѣятеля (кислорода). Слѣдовательно, это общее понятіе найдено путемъ обобщенія

путемъ индукціи, а редукція лишь указываетъ на это общее положеніе, какъ на большую посылку, изъ которой выводится данное частное положеніе. Т. обр. редукція собственно есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ преобразованія энтимемы въ полное силлогистическое умозаключеніе. Общее положеніе, въ качествѣ большей посылки, не устанавливается редукціей, оно дается ей готовымъ, приготовляется другимъ процессомъ мышленія и только примѣняется редукціей къ данному частному случаю Вотъ въ чемъ глубокое различіе между индукціей и редукціей Индукція *создаетъ* общія положенія, редукція лишь *пользуется* ими. Но такъ какъ это пользованіе имѣетъ какъ бы видъ восхожденія отъ частныхъ положеній къ общему. а это есть признакъ и индукціи, то на этой почвѣ чисто внѣшняго сходства легко допустить смѣшеніе индуктивнаго процесса съ процессомъ редукціи. Это смѣшеніе особенно ярко сказывается у Зигварта, который сохраняя противоположеніе дедуктивнаго процесса мышленія индуктивному, тѣмъ не менѣе то разсматриваетъ редукцію какъ процессъ дедуктивный, то самую индукцію называетъ лишь особою формой редукціи. [1]) Равнымъ образомъ и Владиславлевъ, называя сведеніе законовъ тяжести и законовъ притяженія небесныхъ тѣлъ къ одному болѣе общему закону тяготѣнія процессомъ дедуктивнымъ, забываетъ, что этотъ болѣе общій законъ только и возможенъ вслѣдствіе этого сведенія (иначе обобщенія), а не былъ данъ готовымъ заранѣе, какъ найденный уже процессомъ объясненія зависимости отъ него законовъ земной тяжести и притяженія небесныхъ свѣтилъ. Это сведеніе т. обр. ничѣмъ не отличается отъ обобщенія, а потому и должно разсматриваться какъ процессъ индуктивный, а не дедуктивный Но когда затѣмъ мы будемъ примѣнять законъ тяготѣнія къ объясненію опредѣленныхъ фактовъ, разсматривая послѣдніе какъ необходимое его слѣдствіе (Кеплеровы законы эллиптической формы планетныхъ орбитъ) или подводя подъ него частныя заключенія

[1]) См. Зигвартъ, Логика, т 2, в. 1 стр 252, 256, ср. т. 2, в. 2. стр. 3

какъ подъ необходимое основаніе, только тогда индуктивный процессъ замѣнится процессомъ дедуктивнымъ

13. Милль называетъ научный методъ дедуктивнымъ и говоритъ, что онъ состоитъ изъ индукціи, дедукціи и провѣрки Но индукція и дедукція собственно есть два процесса мыслей, различаемые по исходному и конечному ихъ пункту. Сами по себѣ эти процессы не нуждаются ни въ какой провѣркѣ: провѣрка нужна лишь для гипотезы Т. обр если мы включаемъ провѣрку въ понятіе о научномъ методѣ, то непремѣнно должны включить сюда и гипотезу, которая однако устранена изъ опредѣленія Милля. Слѣдовательно, опредѣленіе научнаго метода, данное Миллемъ страдаетъ неточностью 1, Наблюденіе, (или опытъ), 2, гипотеза индуктивная, 3, гипотеза дедуктивная, и 4, провѣрка— вотъ тѣ части, изъ которыхъ слагается научный методъ. Этотъ методъ можетъ состоять или изъ наблюденія, гипотезы индуктивной и провѣрки или можетъ прямо начаться съ гипотезы дедуктивной (какъ это имѣетъ мѣсто въ математикѣ) и закончиться тоже провѣркой. Наконецъ, къ научному изслѣдованію одинаково могутъ примѣняться вмѣстѣ индуктивная и дедуктивная гипотезы, сопровождаемыя, каждая соотвѣтствующей провѣркою Итакъ научный методъ есть методъ гипотетическій, методъ восхожденія отъ предполагаемаго къ достовѣрному.

Методологія, ученіе о методѣ, есть самая запутанная часть логики. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ одного писателя, мы найдемъ здѣсь указаніе на множество различныхъ методовъ, на анализъ, синтезъ. построеніе, критику, гипотезу, эвристику, діалектику, опытъ, индукцію и дедукцію, но не найдемъ никакого согласія со стороны авторовъ ни относительно значенія ни касательно отношенія другъ къ другу этихъ различныхъ методовъ. *) Это замѣчаніе Тибергіена довольно справедливо Какъ кажется, не малая путаница въ ученіи о методахъ проистекаетъ отъ оттого, что авторы одинаково усматриваютъ логическое значеніе и въ методахъ

*) См Logique, par Tiberghien, т 2. стр. 428.

пріобрѣтенія достовѣрныхъ положеній и въ методахъ изложенія мыслей

14. Въ наукахъ статическихъ сознаніе изучаетъ условіе своего собственнаго существованія, слѣдовательно, что ему такъ сказать насквозь доступно и изучать что оно въ силу этого можетъ не принуждаясь фактами, а благодаря одному творческому воображенію Такъ какъ сознанію, конечно, абсолютно не доступно то, что стоитъ внѣ условій его существованія и слѣдовательно ни о какомъ сравненіи даже въ воображеніи не можетъ быть въ данномъ случаѣ и рѣчи, то, разумѣется, и нельзя мыслить иначе, какъ подъ понятіемъ необходимости, то, что вытекаетъ изъ существеннаго условія самого бытія сознанія. Напротивъ, проявленія силы воспринимаются сознаніемъ какъ нѣчто данное, независимое отъ него, что можетъ входить и не входить въ условія сознанія, слѣдовательно что можетъ подлежать воспріятію и можетъ не подлежать ему. И это обстоятельство, именно что то, что̀ воспринимается, можетъ и не подлежать воспріятію, осуществляется творческимъ воображеніемъ сознанія Слѣдовательно, есть вещи, которыя и не могутъ быть вообразимы иначе, какъ онѣ воображаются, и есть вещи, которыя въ воображеніи могутъ восприниматься иначе, чѣмъ онѣ обыкновенно воспринимаются въ дѣйствительности. Вещи перваго порядка относятся къ наукамъ статическимъ, а вещи второго порядка къ наукамъ динамическимъ Эмпирическая школа полагаетъ, что эта вообразимость и невообразимость вещи зависитъ отъ силы ассоціаціи тѣхъ идей, изъ которыхъ данная вещь составляется. А сила ассоціаціи зависитъ, по ученію той же школы, отъ количества повтореній данной связи идей „Если мы часто видимъ, говоритъ Д. С. Милль, или представляемъ себѣ вмѣстѣ двѣ вещи и никогда, ни въ одномъ случаѣ не видимъ и не представляемъ ихъ себѣ отдѣльно, то, по основному закону ассоціаціи, намъ становится все труднѣе представлять себѣ эти вещи порознь; въ концѣ концовъ эта трудность можетъ стать даже непобѣдимой“ *). Ошибочность этого мнѣнія до-

*) Система логики, перев. Ивановскаго, изд. 1899 г. ст. 188

казать однако не трудно Въ области воспріятія силы мы имѣемъ примѣры такой же постоянной ассоціаціи идей, какъ и въ области воспріятій геометрическаго пространства. И однако что́ въ послѣднемъ случаѣ оказывается слитымъ въ неразрывную ассоціацію, которую не можетъ разорвать никакая сила воображенія, то въ первомъ случаѣ легко разъединяется въ воображеніи, хотя никогда не воспринимается въ этомъ разъединеніи въ дѣйствительности Кажется, такія двѣ идеи, какъ камень и тяжесть, должны бы находиться въ самой тѣсной ассоціаціи Безчисленные опыты должны бы такъ тѣсно слить эти двѣ идеи, что разорвать ихъ казалось бы немыслимымъ даже и въ воображеніи И вотъ, представьте себѣ, что мы легко можемъ вообразить огромную глыбу камня, совершенно лишенную вѣса! Передъ нами возникло бы чудо, если бы мы вздумали примѣнить подобную картину къ дѣйствительности. Но чудеса въ томъ и состоятъ, что они вносятъ разрывъ въ самыя привычныя ассоціаціи, только ассоціаціи, добавить надо, въ области воспріятія проявленій силы Чудо не мыслимо надъ вещами, которыя иначе и не вообразимы, какъ онѣ воображаются. Никакая сила не можетъ сдѣлать, чтобы въ треугольникѣ было два угла, а не три, или чтобы двѣ линіи замыкали пространство Безчисленное множество, конечно, людей живутъ и кончаютъ свою жизнь, ни разу не остановившись на мысли о томъ, что двѣ линіи не замыкаютъ пространства и въ тоже время постоянно испытывая тотъ фактъ, что каждый камень имѣетъ вѣсъ И что же? Тѣ же самые люди въ состояніи легко допустить чудо, что камень можетъ лишиться вѣса (ср извѣстную легенду о святыхъ, плававшихъ на камнѣ), но не въ состояніи представить себѣ, чтобы двѣ линіи могли замыкать пространство, какъ только даже въ первый разъ ихъ вниманіе, посредствомъ, положимъ, чертежа будетъ обращено на это наблюденіе Ясно, что нерасторжимость ассоціаціи идеи двухъ линій и идеи незамкнутаго пространства проистекаетъ не отъ количества повтореній даннаго наблюденія, и что, съ другой стороны, это количество повтореній нисколько не препят-

ствуетъ разорвать идеи, постоянно соединенныя въ дѣйствительности.

15. Обзоръ наукъ былъ бы неполонъ, если бы мы не добавили къ нему *метафизики* Мы не помѣстиили метафизику ни въ одинъ изъ указанныхъ отдѣловъ научнаго знанія не потому, чтобы совершенно исключали ее изъ разряда наукъ, а въ силу совершенно особаго положенія этой науки въ ряду прочихъ Всѣ науки, означенныя въ приведенной выше таблицѣ, имѣютъ одну и ту же общую цѣль: содѣйствовать познанію того, *какъ* происходитъ теченіе вещей въ мірѣ. Но имѣть отвѣтъ только на этотъ вопросъ, не значитъ обладать полнымъ знаніемъ міра Для совершенной полноты этого познанія требуется еще обладать отвѣтомъ и на вопросъ: *съ какой цѣлью* совершается это теченіе? И вотъ задачу отвѣтить на этотъ вопросъ и беретъ на себя *метафизика* Но, конечно, отвѣтъ, который она хочетъ дать, можетъ носить только гипотетическій характеръ Ибо познаніе цѣли той или другой вещи, получаемое благодаря изслѣдованію и изученію самой вещи, можетъ начаться не иначе какъ съ предположенія А всякое предположеніе носитъ въ себѣ элементъ личнаго творчества Но такъ какъ предположеніе касается здѣсь задачи, необыкновенно обширной, то, очевидно, личное творчество играетъ въ ней роль болѣе выдающуюся, чѣмъ въ прочихъ наукахъ Вотъ почему метафизику нерѣдко сближаютъ съ поэзіей. Черезъ это однако метафизика не перестаетъ безъ наукой. Вѣдь гипотеза, предположеніе есть необходимая принадлежность всякой науки, всякаго научнаго метода А развѣ въ правѣ кто-либо воспретить человѣческому мышленію ставить вопросы и давать возможные отвѣты касательно глубочайшихъ основъ жизни? Пусть только тотъ, кто берется за эти вопросы, помнитъ, что каждое метафизическое ученіе должно быть въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ гипотетической системой, которая получаетъ силу отъ фактической повѣрки, отъ согласія съ фактами. Пусть метафизика только не чуждается опыта и фактовъ и не стремится дать полнаго объясненія міра единственно путемъ умозрѣ-

нія, чуждаго фактической основы—и она должна имѣть мѣсто въ ряду научнаго знанія Метафизика есть естественное выраженіе природнаго стремленія человѣческаго духа къ полнотѣ знанія и такъ же неистребима въ человѣческомъ родѣ, какъ и поэзія, о которой такъ же, какъ и о метафизикѣ нѣкоторые, съ предвзятой точки зрѣнія, судятъ какъ о вещи, совершенно безполезной. Въ этомъ метафизика, дѣйствительно, можетъ быть сближена съ поэзіей.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы:	*Напечатано:*	*Должно читать:*
28 (послѣдняя строка) . . .	входитъ	входятъ
41 (12-я строка сверху). . .	предполагаемое	предполагаемую
— (9-я строка снизу). . .	дуба	дубы
54 (2-я — —). . .	$\begin{matrix}M—P\\—M\end{matrix}\Big\{$ S—P	$\begin{matrix}M—P\\S—M\end{matrix}\Big\{$ S—P
71 (7-я строка сверху). . .	ровно	равно
74 (4-я — —). . .	(1)	(I)
— (5-я — —). . .	(l)	(I)
78 (9-я строка снизу). . .	или $\begin{matrix}M=P\\S=M\end{matrix}$	или $\begin{matrix}P=M\\S=M\end{matrix}$
79 (2-я — —). . .	Въ самомъ дѣлѣ;	Въ самомъ дѣлѣ:
80 (8-я — —) . .	буква S	буква s
— (3-я — —) . .	буквою S	буквою s
91 (6-я — —) . .	называемымъ	называемомъ
99 (11-я — —) . .	всякую долю	нѣкоторую долю
125 (12-я — —) . .	разложена	разложено
132 (7-я — —) . .	цѣли	цѣни
155 (въ сноскѣ)	Джвонсъ	Джевонсъ

Въ приложеніяхъ:

13 (4-я строка сверху) .	эмпоріократицизма	эмпиріократицизма
— (3-я строка снизу) . .	эмпоріократиками	эмпиріократиками
32 (12-я строка сверху) .	которое	которая
65 (18-я — —) .	предметъ	предикатъ
71 (11-я и 15 сверху) . .	предмета	предиката
73 (3-я строка сверху) .	суммы	суммѣ

